

Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., РИК Русанова, 1998

Труды Первого всероссийского женского съезда (10-16 декабря 1908 года, г. Санкт-Петербург) 169

*1. Первое общее собрание в зале Городской думы 10 декабря 1908 г.* 169

*2. Феминизм и политика* 181

Тюрберт С. Женский вопрос и политический строй 181

Исполотова С. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя 197

Кальманович А. Женское движение и отношение партий к нему 205

Кувшинская Е. Женщина и политика 220

*3. Феминизм и право* 223

Фон Рутцен А. Законодательные предположения партии народной свободы в области равноправия 223

Шингарев А. О правовом положении женщины в земельных законопроектах правительства и проектах реформ местного самоуправления 228

*4. Женский труд и его проблемы* 233

Щепкина Е. Труд и здоровье крестьянки 233

Коллонтай А. Женщина-работница в современном обществе 239

*5. Проституция как форма насилия над женщиной* 247

Покровская М. Как женщины должны бороться с проституцией 247

Бландова М. О надзоре за проституцией 256

*6. Социальные задачи феминизма* 261

Бландова М. О современном положении русской женщины 261

Вахтина М. Брачный вопрос в настоящем и будущем 272

Макшеева К. Нравственная сторона русской женщины в литературе и в жизни 277

Янчевская М. Женщина у Вейнингера 284

*7. Идеалы будущего* 297

Клирикова О. Женская культура 297

Шапир О. Идеалы будущего 307

**Статьи из ежемесячного журнала "Союз женщин"** 313

**Статьи из ежемесячного журнала "Женский вестник"** 386

**А.В. Тыркова. Изменение женской психологии за последние сто лет** 402

# ТРУДЫ I ВСЕРОССИЙСКОГО ЖЕНСКОГО СЪЕЗДА

*10-16 декабря 1908 года, г. Санкт-Петербург*

## 1. ПЕРВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

### В ЗАЛЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ 10 ДЕКАБРЯ 1908г.

Председательница Организационной комиссии съезда А.Н. Шабанова открывает собрание следующими словами: "Милостивые государыни и милостивые государи! С чувством величайшей радости и высокого удовлетворения произношу эти дорогие для нас слова: Первый всероссийский женский съезд открыт!

Приветствую от имени устроительниц съезда и благодарю наших гостей и докладчиков за их сочувствие и поддержку. Поздравляю всех членов съезда, так единодушно отозвавшихся на наш призыв! Прошу вас вперед извинить за неизбежные в новом деле ошибки и горячо. Желаю, чтобы ни грозы, ни тучи не омрачили нашей первой совместной культурной работы. Позвольте выразить благодарность представителям Городской Думы, так гостеприимно предоставившим нам этот зал для собраний, а также представителям печати, проявившим столько интереса к нашему делу.

Председательствующей на сегодняшнее Общее собрание предлагаю выбрать В. Н. Белоконскую, председательницу общества взаимопомощи трудящихся женщин в Харькове".

*В. Н. Белоконская.* Выражаю свою великую благодарность за избрание и предлагаю начать занятия. Первое слово принадлежит А. П. Филосовой.

*А. П. Филосова.* Дорогие и желанные гости! Приветствую и поздравляю вас с торжественным днем открытия первого женского съезда в России. Для меня, дожившей до восьмого десятка, этот день является одним из самых светлых дней моей жизни. Щедрая ко мне судьба послала мне в мои юные годы радость быть свидетельницей освобождения рабов, в данное время, на склоне моих лет, я являюсь свидетельницей освобождения женщин.

И кто знает, быть может, от нас недалеко то время, когда мы войдем равноправными членами не только в эту Думу, где в настоящий момент мы с горячей благодарностью пользуемся столь широким гостеприимством, но и в Думу государственную, где займем места рядом с товарищами-депутатами! Конечно, я не доживу до этой новой зари, но близость ее я чувствую. Приветствую вас, собравшихся здесь во имя равноправия. Хочется мне при этом воскресить в памяти славные шестидесятые годы и помянуть теплым словом тех, которые самоотверженно и бестрепетно шли по тернистому пути, расчищая нам дорогу для завоевания равных прав, как на образование, так и на труд. Наше женское движение началось при самых неблагоприятных условиях. У нас в России не было ни исторических традиций Западной Европы, ни готовой почвы для развития идеи женского вопроса, как в Америке; Так называемый женский вопрос стал намечаться, и то лишь в частностях, в сороковых годах, а с конца пятидесятих годов начали носиться новые веяния, к которым женщины стали прислушиваться. Но это были лишь проблески самосознания. В шестидесятих годах, в эту великую эпоху русской жизни, зародилось в обществе серьезное стремление прийти на помощь русскому народу в его порыве к образованию. Само собой разумеется, что это стремление увлекло и женщин. Для нас теперь открытие маленьких воскресных школ кажется мелким событием, а между тем каким чреватым было именно это событие! Столкнувшись с народом, русская женщина поняла, что ее призвание - не только учить, но и учиться. Много препятствий встретили женщины на этом пути, но и они были преодолены. Без ложной скромности мы должны сказать, что в деле

высшего женского образования мы далеко опередили Запад. Я же помню, как скептические умы относились к тяжелому труду женщины-врача; не стоит останавливаться на открытии женского медицинского института, все это вы узнаете из докладов, которые вам прочитают на секциях, но не могу не остановиться на замечательных женщинах, которые вдохнули душу живую в это движение. И вот перед нами вырисовываются личности двух замечательных русских женщин, которые и начали это святое дело. Я говорю о Марии Васильевне Трубниковой и Надежде Васильевне Стасовой. Первая из них была нашим истинным добрым гением, она нас просвещала, давала нам добрые советы, вливала в нас энергию, и под ее руководством легко работалось пионеркам женского движения. Но, вдохнув жизнь в это дело, она, к нашему горю" рано должна была сойти с поприща деятельности, но завещала нам свою энергию.

Надежда Васильевна продолжала работу М. В. Трубниковой: она дожила до глубокой старости и до самой смерти отдавала себя всецело на служение страждущему человечеству и женскому просветительному движению. Помянем же дорогую память этих двух пионерок и пойдем твердо по их пути.

Слово предоставляется д-ру А. Н. Шабановой, председательнице Организационной комиссии съезда.

*А. Н. Шабанова.* 10 декабря 1908 года представляет исторический момент в жизни русской женщины; оно должно положить начало объединению женских сил в одном стремлении - достижения справедливости, в признании за женщинами их человеческих прав для полного участия в культурной жизни страны.

Идея о созыве съезда и выполнение ее принадлежит старейшему союзу женщин в России, Русскому женскому взаимно-благотворительному обществу, выхлопотавшему разрешение и образовавшему Организационную комиссию для выполнения этого трудного дела. Самой серьезной задачей съезда как выразителя современного женского движения должно быть пробуждение самосознания женщин, борьба с предрассудками, упрочившими за женщиной ее подчиненное положение в семье и государстве и объединение сил для совместной работы. Информационный характер программы съезда дает возможность подвести итоги деятельности в тех немногих областях, которые доступны женщине, представить результаты ее общественной работы, указать новые пути для приложения женских сил и доказать, что права не могут составлять привилегии только одной половины народонаселения, в то время когда другая половина признается неспособной.

Выполнением хотя части этой задачи первый женский съезд положит основание тому высокому зданию, которое надлежит выстроить и на постройку которого много потребуются сил и времени.

Велик и тернист путь к достижению равноправия, он усеян проволочными заграждениями и высокими барьерами; но когда у женщин пробудится самосознание и когда они объединят и сосредоточат свои силы на одном, что станет их *credo*, цель рано или поздно будет достигнута! Не все мы ее застанем, потребуются много упорной, настойчивой работы, много съездов, много борьбы, но сознание, что эта работа для будущего, для освобождения женщин, дает и в настоящее время великое удовлетворение всем тем, кто принимает в ней участие, всем, кто отозвался содействовать успеху Первого женского съезда.

Какие же главные препятствия предстоит преодолеть для достижения прав и какими путями следует идти к достижению торжества справедливости? В числе препятствий одним из главных являются сами женщины: одни из них благополучные, которым так хорошо живется, что для

них чужды интересы их обездоленных сестер: запертые в клетке эгоистических интересов, они довольствуются этим положением и с насмешкой относятся к так называемой политике женского вопроса, другие - неосознательные, несущие молча и терпеливо ярмо подчинения, затем апатичные, проявляющие полное равнодушие ко всем общественным явлениям, и, наконец, существуют убежденные противницы женского равноправия. Пробудить самосознание у таких женщин, стараться привить им интерес и общей великой цели и ввести их в семью работниц на этом поприще лежит на нравственной обязанности каждой убежденной и сознательной женщины. Вторым препятствием, и самым существенным, является так называемый сильный пол. Я говорю не о тех просвещенных мужчинах, наших друзьях, которые помогают женщинам в достижении самостоятельности, которые идут с ними рядом, которые доказали на деле, что они верят в силы и способности женщин, но о том громадном большинстве, которое считает женщину своей собственностью, которое признает ее низшим существом, отводит ей место по хозяйству и для наслаждений, не признавая в ней ни человеческих прав, ни общечеловеческих интересов. Не стану тревожить духа известных философов - Шопенгауэра, Ницше, Вейнингера и др., отрицательное отношение которых к женщине всем известно, но даже и современный известный писатель, профессор Гюге, на вопрос об избирательных правах женщин отвечает " что он *из уважения* к женщине должен отказать ей в этом праве.

Для того чтобы признать в женщине человека, равного себе, одни мужчины требуют от нее героических подвигов, другие - исполнения воинской повинности, третьи совсем не желают вникнуть в этот вопрос, четвертые прикрывают свое отрицательное отношение галантными фразами, что женщины и без прав управляют мужчинами... Все эти взгляды основаны на предубеждении и игнорировании фактов: среди женщин немало было и есть борцов за общечеловеческие идеалы, женщина несет более тяжелую повинность, чем воинская, рождая в муках будущих воинов, и свой героизм женщина доказала, жертвуя своей жизнью за идею и приходя на самоотверженное служение каждому общественному бедствию, как война, эпидемия и голод. Средства для борьбы с воззрениями мужчин должны заключаться в подготовке юношества, воспитании в будущих поколениях чувства равенства всех людей, а также в неустанной борьбе с существующими и предвзятыми взглядами путем организованной серьезной работы.

В связи с отношением большинства мужчин к этому вопросу стоит наше законодательство, созданное ими. Это препятствие самое трудное, но не непреодолимое. Наше законодательство лишает женщину даже в отводимой ей специальной области, семье, самых примитивных прав человека: права на свободное передвижение, права на труд - и всецело подчиняет ее воле мужа. Такое же отношение к женщине нашего устаревшего закона является и в наследственном праве, все преимущества которого предоставлены мужчине: вопросы брака, о праве на развод, об удержании детей " - всей тяжестью обрушиваются на женщину. Только на почве такого великого рабства могла развиваться такая позорная язва, как торговля белыми невольницами. Гражданские права женщины ограничены: что касается политических прав, то она их не имеет совсем, приравненная законом 6 августа и 17 октября к разряду существ несовершеннолетних и слабоумных. Но если женщина не имеет голоса ни в местном самоуправлении, ни в политической жизни страны, если она не может сама избирать лиц, которым доверяет, лишена права обсуждения участия в вопросе о войне, на которую отдает своих детей, заработок ее ценится ниже, почему же она обязана платить те же налоги и подати, как мужчина, почему же она подвергается тем же наказаниям, взысканиям и карам, как обладающий правами гражданин... Равные обязанности должны сопровождаться равными правами... но этот нравственный принцип не применяется к женщине, на ней лежат только обязанности...

В вопросе высшего образования те же преграды и несправедливость: женщины, добившиеся с громадным трудом юридического образования, выдерживают экзамен на доктора прав, но к

практической деятельности их не допускают. Женщина-врач, имеющая звание приват-доцента, к преподавательской деятельности в университетах не допускается. Почему? Потому что не принадлежит к привилегированному полу.

Единственным средством для того, чтобы женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни, должно служить организованное женское движение, объединение стремлений к получению избирательных прав. Этот путь принят женщинами всех культурных стран в настоящее время. Концентрация сил на одном стремлении, на одной цели является важным фактором каждого идейного и практического движения. Только неумолкаемым напоминанием, постоянным требованием одного, самого главного, а именно избирательных прав, можно получить частичные уступки; на которых нельзя успокаиваться, но упорно продолжать работу для достижения конечной цели. Это принцип для осуществления цели. Средством для ее достижения должно служить объединение сил в форме организации женских обществ, клубов, союзов, специальных отделов, имеющих сношения между собой, на обязанности которых должно лежать - следить за женским движением, как за границей, так и в России и пользоваться удобными моментами для возвышения голоса в общественных и административных сферах. Цементом для объединения отделов обществ должны служить женские съезды. Особое внимание в подобной работе должно быть сосредоточено на экономических и правовых условиях быта крестьянок, ненормальное положение которых требует серьезной реформы, а также на вопросах охраны труда, материнства и детей.

Но не следует закрывать глаза на величайшую трудность всякой работы, если она встречает партийные разногласия, которые всегда осложняют процесс объединения, разъединяют, но не объединяют. Мне кажется, что цели равноправия должны быть общие для всех женщин, каких бы политических убеждений они не держались, какую бы веру не исповедовали, к каким бы классам не принадлежали: женское движение не должно быть ни буржуазным, ни пролетарским - оно однодейно для всех женщин. Дифференция сил" как условие развития, не может быть отрицаема, она вносит жизненность и разнообразие; но, подобно тому, как все клетки и ткани организма, производя различную работу, служат для выполнения одной жизненной задачи его, так и стремления женщин различных слоев и партий должны служить одной цели. Я не могу обойти молчанием того упрека, который часто раздается по адресу женщин, борющихся за равноправие, что объединение их ведет к обособленности от мужчин и что избирательные права составляют конечную цель их стремлений... Нет, обособленность женщин есть явление вынужденное, временное, вызванное условиями того особого положения, в которое поставлены женщины, - их бесправие и, получение избирательных прав есть не конечная цель, а средство для участия на равных правах в общей культурной работе страны на пользу человечества.

Основной принцип общего учения о социальной справедливости состоит в том, что нормы права должны быть одинаковы для всех людей; отступления от этого принципа допускаются лишь тогда, когда это требуется в интересах общего права; возможно, ли допустить, что подчиненное положение женщин вызывает нарушение этого принципа в интересах всего социального организма?

Справедливость требует, чтобы женщины пользовались одинаковыми условиями для участия в общественной жизни. Для этого должны быть уничтожены ограничения в гражданских и политических правах, женщине должен быть открыт свободный доступ ко всем профессиям, к высшему образованию, и труд ее должен цениться по одной норме с мужским. На это отвечают: женщины не подготовлены к участию в политической жизни страны. Но кто же производил этот экзамен на ее подготовленность?.. И разве все мужчины подготовлены?..

Тем не менее, в соседней Финляндии, где каждая женщина обладает избирательным правом, где ей дана возможность проявить свою самостоятельность, число избранных депутатов растет:

в прошлом году их был в сейме 19; а в нынешнем- 25. Не доказывает ли это подготовленность финляндок к участию в Политической жизни страны?

В России вопрос о правах женщин представляется одним из печальных вопросов. Даже в минуты сильнейшего подъема духа, когда возбуждались самые животрепещущие и смелые вопросы, вопрос о правах женщин откладывался, он считался осложнением и *несвоевременным*. Одним светлым лучом блеснуло, когда на основании петиции в I Государственную думу Русского женского взаимно-благотворительного общества депутат, профессор Лев Иосифович Петражицкий в своей известной речи высказал, что интересы государства, общества и культуры требуют признать за женщиной избирательные права. Но то был луч... "Несвоевременность" осталась и будет вечная, если сами женщины не возьмутся за организационную работу для достижения равноправия.

Открывшийся сегодня съезд должен положить начало этой организованной работе - за права и справедливость. Не будем создавать иллюзий и предъявлять слишком строгие требования к выполнению этой задачи в *настоящее время*, будем помнить, что этот съезд представляет *первую попытку* самостоятельной организации женщин, выступающих не для борьбы с мужчиной, для защиты своих прав.

Уважая самостоятельность каждого мнения, мы должны выслушать представительниц различных течений женского движения, с искренним (я скажу - страстным) желанием, чтобы различные голоса слились в один общий возглас - за справедливость к женщине!

И если нравственная сила идеи, воодушевляющая членов съезда, найдет отклик, если голос женщины в этом возвышенном и справедливом деле будет услышан во всех концах России, пробудит самосознание и энергию для дальнейшей деятельности, скрепит союз единомышленниц для постоянной упорной работы, то это будет немаловажная заслуга Первого женского съезда.

Надеюсь, что выражу единодушное настроение присутствующих пожеланием, чтобы Первый Всероссийский женский съезд содействовал признанию за женщиной ее человеческих прав.

*Председательствующая.* Слово принадлежит проф. Петражицкому.

*Проф. Л. И. Петражицкий*'. Для понимания истории человечества и отдельных народов к для сознательной законодательной и иной общественной деятельности было бы весьма важно установить законы, развития права или, по крайней мере, выяснить, в каком направлении право развивалось в истории и должно развиваться дальше. В правоведении в новое время все более сознается и подчеркивается важность решения этой задачи. К сожалению, до сих пор она остается нерешенной проблемой...

В древней патриархальной семье женщины находились под абсолютной властью и грозным и строгим режимом домовладыки, которому принадлежало право всевозможных наказаний, не исключая смертной казни (*jus vitae ac necis*<sup>2</sup>). Впрочем, дело идет не специально о женщинах. Под такую же грозную дисциплину домовладыки, с правом смертной казни, ставит древнее право всех домочадцев, и мужчин, сыновей, внуков и т. д., причем эта грозная опека продолжалась и после достижения совершеннолетия и даже старческого возраста. Такое право указывает на относительно

---

\_\_\_\_\_

<sup>1</sup> Извлечение из прочитанного проф Петражицким на I Общем собрании доклада "Законы развития права и правовое положение женщины", сделанное автором для печати

<sup>2</sup> Наказание за несправедливую жизнь (*лат.*)

@ 177

большую некультурность, нецивилизованность тогдашней человеческой психики. Для того чтобы достигнуть надлежащего, социально необходимого поведения, необходимо было распределение людей, в том числе взрослых женщин и мужчин, между грозными начальниками и опекунами, заводившими и поддерживавшими мир, порядок, трудолюбие и т. д. в подвластной группе применением неограниченной карательной власти.

В чем должно было состоять дальнейшее развитие подлежащего правового строя, можно вывести из указанного выше общего закона развития права.

Прежде всего, согласно установленному закону, дальнейшее развитие должно было представлять постепенно (по мере социализации и вообще улучшения человеческого характера) нисходящую прогрессию мотивационного давления, нисходящую прогрессию степени подчинения и грозности режима. История права различных народов вполне подтверждает это. Сначала признается излишним и устраняется право смертной казни. Достаточным для надлежащей дисциплины признаются остающиеся наказания: право телесных, в том числе членовредительных, наказаний, право пожизненного лишения свободы, отдача в рабство и т. д. Затем постепенно смягчаются и устраняются наиболее грозные из этих наказаний. Устраняется право членовредительных наказаний, остаются только обыкновенные телесные наказания. Право лишения свободы - продажи в рабство или заключения в темницу - постепенно смягчается, исключается пожизненность таких кар, допускается только урочное лишение свободы, причем сроки постепенно уменьшаются, и т. д.

Затем идет процесс постепенного освобождения разных категорий домочадцев из-под власти и опеки домовладыки.

Для понимания истории женского права и определения будущих судеб его нужно еще принять во внимание следующие обстоятельства:

1. Естественным дополнением или элементом подвластности, зависимости и покорности является имущественная зависимость. Для большей силы давления на поведение и дисциплины не только женщины, но и мужчины, в том числе взрослые и старые отцы семейств, ставятся древним правом в полную имущественную зависимость от своих опекунов - укротителей. По древнеримскому и некоторым другим древним правам все подвластные - жена домовладыки, сыновья и их жены и т. д. - лишены имущественной правоспособности; что они приобретают, зарабатывают

@ 178

и т. д. поступает в собственность домовладыки, от милости которого все зависят в области питания и т. д. По другим правам имущественная зависимость подвластных достигалась отчасти с помощью иных юридических форм. Закон дальнейшего развития - постепенная имущественная эмансипация разных категорий домочадцев.

2) Дальнейшим психологическим естественным дополнением древнего режима грозной дисциплины и абсолютной покорности является безгласность и бесправие подвластных в

управлении общественными делами, ограничение или отсутствие публичной правоспособности. И это относится не только к женщинам, но и к другим подвластным. Решают общественные дела по примитивному праву только старейшины - домовладыки: иное положение колебало бы авторитет владыки, подкапывало бы покорность и сознание своего ничтожества на стороне подвластных. Закон дальнейшего развития - постепенный рост публичной правоспособности, в частности права участвовать в народных собраниях, права исполнять судейские и иные функции со стороны подвластных или бывших прежде подвластными.

Изложенные положения заключают в себе краткое изображение квинтэссенции и смысла типически повторяющейся у разных народов эволюции правового положения женщин.

Относительно будущего из установленного общего закона эволюции права и указанных частных законов развития домашнего строя и имущественного и публично-правового положения подвластных получается тот вывод, что, за исключением относительно мягкой дисциплинарной и иной власти над малолетними и детьми" нуждающимися по природе в опеке и воспитательном воздействии, все прежние виды семейственной подвластности и связанного с ними ограничения имущественной и публичной правоспособности должны исчезнуть.

Следует добавить, что, поскольку *manus mariti*, власть мужа над женой, в частности дисциплинированная власть, делается социально лишней и исчезает в культурном обществе, прочие ограничения прав женщин тем более лишены смысла, представляют пережитки, держащиеся силой инерции и подлежащие быстрому устранению. Это лишние тормозы экономического и иного плодотворного развития и общественного воспитания.

*Председательствующая.* Дано слово г-же Тырковой.

*А.В. Тыркова.* Когда полтора года тому назад явилась первая мысль о том съезде, который сегодня, наконец, осуществился, когда в обществе раздался первый слух и разговор о нем, он был встречен далеко не так тепло, как ожидали устроительницы его. Какая-то осторожность, какое-то недоверие, какая-то сдержанность в высказываниях слышались в этом отношении. Эта сдержанность шла не только из мужских рядов, но она шла из рядов женщин. Здесь сказалось недоверие к себе, старая закоренелая привычка к своему бессилию, привычка к тому, что эта привычка есть что-то космическое, чего нельзя одолеть. К счастью, теперь мы это перешли, лед сломан, отношение целой половины населения России, русского общества среди мужчин и женщин изменилось. Тут сказалось, что в женщине давно существовало так ярко проявившееся желание двинуть женское движение вперед, желание почувствовать в себе такое же существо, имеющее те же потребности и те же недостатки, как другие. Первый призыв к съезду раздался глухо, но тем громче раздался он теперь на всю Россию, призыв к той работе, которая должна осуществиться. Женщины почувствовали, что устроительницы съезда дали как бы новый масонский знак, не скрытый, не конспирированный, которому не нужно прятаться, по которому нужно на каждом шагу своей частной и общественной жизни сознательное, свободное содружество свободных каменщиков, свободных женщин, без которых современная демократия, может быть, не была бы защищена.

Сейчас мы явились выразительницами громадного и безмолвного населения, мы знаем, что в первый раз на нашу долю выпала тяжелая, но зато и почетная обязанность быть выразительницами этих женских нужд и всего женского дела, и всех его потребностей, которые целыми тысячелетиями лежат на наших слабых, в сущности, плечах. Мы должны в первый раз выяснить, что русская женщина, двигая дело своего освобождения, в то же время помогает и всему освобождению России, потому что освобождение женщины есть не только ее личное движение вперед, но, больше того, оно накладывает печать на всю жизнь страны: только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь. Нам необходимо

преодолеть трудности гражданского бесправия, перед нами полная оторванность женщин от политической жизни, которая должна особенно чувствоваться после того громадного сдвига, который произошел 17 октября 1905 года, когда они оказались отброшенными от тех законодательных норм, которые обуславливают все наши интересы, которые вырабатывают те условия жизни, в которых должны существовать мы, наши дети, которые должны охранять и обеспечивать наши интересы; но это делается без нас или помимо нас, эти интересы должны отстаивать люди, которые могут сочувствовать нам, но которые многого не в состоянии переживать и, следовательно, не в состоянии многого представить себе. При настоящем политическом строе, при современных условиях жизни интересы детей, интересы материнства страдают все более и более от тяжелой экономической борьбы. Нигде мы не видим, чтобы женщина могла сама себя защитить; то положение, в котором находятся работницы, брошенные на фабрики, особенно резко указывает на нашу полную невозможность отстоять себя. Те слабые несовершенные условия охранения труда детей, охранения интересов материнства, охранения беременных женщин особенно показывают, что здесь голос женщины слаб; но даже в общих законодательных предприятиях, если бы женщины могли давать свой голос, многого не могло бы произойти. Каждый из нас уверен, что парламент, избранный на таком праве, в котором женщина принимает участие, никогда не дал бы такого большинства, которое имелось при вопросе о смертной казни, потому что против него не высказывались бы, при женском участии такой парламент невозможен. Ясно, что и весь строй жизни при участии всего населения неизбежно изменится, и мне кажется, что то, что мы можем собрать здесь, выслушать и понять друг друга, является громадным этапом русской жизни. Я не буду указывать, какие пути, какие способы к осуществлению этой цели есть у нас в руках, но первое условие - потребность высказать еще не проявившиеся общественные силы. Эта сила идейная, эта сила заключается в подъеме сознательности, эта сила велика, и, когда женщина скажет: "Я хочу быть свободным человеком, и я хочу им стать", - тогда мы этого добьемся.

*Председательствующая.* Слово дано опоздавшей представительнице от женщин-работниц г-же Волковой.

*Г-жа Волкова.* Я пользуюсь данным мне словом для того, чтобы сказать несколько слов от лица работниц. Всероссийский женский съезд мы хотим отметить как показатель того, что, если на поверхности все спокойно, внизу работа идет. Здесь собрались женщины различных убеждений, классов и обществ. Здесь присутствуют представительницы тех работниц, те работницы, которые были в первых рядах при обновлении нашего общественного строя. То, что собрались женщины, чтобы бороться за свое равноправие, как понимает каждая социальная группа, это в значительной мере есть результат их борьбы, завоеванной руками, заслугами рабочего класса. Завоеванным их успехом борьбы, знаменем гражданского и политического права для всей России служит тот факт, что работница пришла на съезд, чтобы представить собой самый угнетенный класс, чтобы высоко поднять знамя своего политического и экономического освобождения, она пришла с твердым намерением продолжать дальше свою организацию, бороться рука об руку со всем пролетариатом.

*Председательствующая.* Объявляют собрание закрытым.

## **2. ФЕМИНИЗМ И ПОЛИТИКА**

*С. Тюрберт*

### **Женский вопрос и политический строй**

В этом докладе, озаглавленном мной "Женский вопрос и политический строй", я взяла на себя следующие задачи: 1) наметить общим контуром основные черты, характеризующие

политический строй современных свободных государств с точки зрения воспитательного воздействия политических форм на человеческую личность; 2) рассмотреть, какие внешние, то есть принадлежащие к самим условиям политической жизни, стимулы могли способствовать возникновению женского движения; 3) выяснить, каким образом благоприятствующие возникновению женского движения явления в развитии государственного быта могли бы быть использованы женщинами в целях скорейшего разрешения женского вопроса; 4) в заключение мне хотелось бы указать на некоторое различие в задачах и условиях успешности женского движения у нас в России и за границей.

Отправным пунктом моих рассуждений я полагаю следующее. Народное правосознание и действующий правопорядок находятся в непрерывном взаимодействии: политические формы черпают свое содержание внутри народного правосознания и развиваются вместе с ним; но, будучи однажды установлены, они в свою очередь становятся в некотором роде самостоятельной силой, определяющей и направляющей массовое правосознание. В первой части моего доклада я задалась целью наметить в самых общих чертах, в чем выражается воспитательное значение свободных форм политической жизни на человеческую личность; во второй части попытаюсь определить, каким образом личность содействует движению действующего права.

Раньше, чем перейти к выяснению причин возникновения женского политического движения в связи с характером политического уклада, мне, естественно, приходится остановиться на определении того исторического момента, к которому могло бы быть приурочено его возникновение в качестве заслуживающего внимания общественного явления.

При первом соприкосновении с женским вопросом нам бросается в глаза его, бесспорно, малообещающая особенность: этот вопрос не имеет за собой никакого исторического прошлого; никакое сцепление исторических событий не связывает его не только с XVIII столетием, но так же трудно отметить какие-либо серьезные признаки его существования вплоть до середины XIX века. Потому ли, что женщина совсем не связывала со своим политическим освобождением каких-либо реальных жизненных интересов и отсутствие гражданской и политической самостоятельности выкупалось в ее глазах какими-либо в то время для нее выгодными экономическими или другими условиями; оттого ли, что ее правовое сознание еще не достигло известной стадии политической зрелости, а правовое чувство - достаточной степени напряжения, но нам приходится признать, что массовое женское сознание доконституционной эпохи никак не реагировало на то невыгодное положение, в которое ее ставил действовавший правопорядок. Мы не склонны удивляться тому, что женское сознание молчит в эпоху абсолютизма; в затхлой атмосфере абсолютистского государства, бедной общественной инициативой и самостоятельностью, меньшая или большая степень порабощенности отдельных категорий нисколько не бросалась в глаза; политическое бесправие женщины и подавление ее индивидуальности обуславливалось общим укладом общественной и государственной жизни, ее политическая индифферентность совпадала с общим настроением умов. Только в передовых и поставленных в менее невыгодные политические и экономические условия strataх общества еще задолго до наступления революционного взрыва начинают складываться и назревать те новые правовые положения, которым впоследствии суждено перелиться в сознание масс и вызвать всенародное движение в пользу завоевания свободных форм политической жизни. Но вот наступает этот момент, казалось бы, столь благоприятный для пробуждения женского политического сознания, момент беззаветного следования индивидуалистическим принципам, момент, когда идея равноправности человеческой личности с пламенной верой провозглашается с высоты политических трибун, когда устанавливаются незыблемые основы личных свобод. И действительно, мы обязаны отметить, что массовое возбуждение умов не осталось без влияния на женскую психику; оно бросает ее в русло бурной

политической жизни; благородный и безудержный энтузиазм вовлекает женщину в ряды поборников нового права и приводит многих из них к подножию эшафота...

Однако мы не должны строить иллюзий. История отмечает лишь революционные заслуги отдельных женских личностей, указывает в отдельных случаях на коллективную работу женщин, но мы не имеем никакой возможности с достоверностью определить, насколько это участие не являлось слепым, насколько движущие импульсы, руководившие женщинами революционной эпохи, черпались ими не извне, не путем мимолетного и скоропроходящего психического заражения, а из глубины ясно осознанного требования правового сознания.

Эпоха великого возбуждения умов не могла не заронить в женскую психику первых искр правового возмущения, но она еще бессильна расшевелить Инертные и политически аморфные слои женского населения и двинуть их на путь сознательных коллективных действий. Эти действия столь же скоро вспыхивают, как и угасают, чтобы снова разгореться, но уже много лет позднее.

Во всяком случае, картина женского движения, развертывающаяся на наших глазах, свидетельствует о том, что по сравнению с эпохами революционными современный политический уклад, современное же возбужденное, но более сосредоточенное настроение умов воздействует на женщину в гораздо более благоприятном смысле.

Начальные моменты в развитии женского политического движения в качестве сознательного и планомерного выступления женщин в защиту своих прав, говорящие об известной интенсивности правовых требований и известной степени политической зрелости, я, за немногими исключениями, отношу к тем различным по своим историческим датам эпохам в развитии государственной жизни различных европейских стран, когда принесенные революционными взрывами идейные начала успели превратиться в реальные политические величины и твердо укрепиться в народном правосознании.

*В революционное время мы отмечаем лишь первые признаки назревающего женского протеста. Массовое женское сознание начинает работать в свою пользу к тому времени, когда революционные страсти давно улеглись, - не в дни расцвета индивидуалистических идей, но в пору общественного затишья и внешнего успокоения умов...*

Только в самое последнее время вопрос о политическом освобождении женщины сосредоточивает на себе внимание более или менее широких слоев общества, объединяет до сих пор разрозненные женские силы вокруг определенной политической цели и вызывает к жизни молодое общественное движение в защиту еще так недавно никем не требуемых и никому не нужных прав. Вместе с этим выдвигается на арену политической жизни новый тип женщины, не только чувствующей и страдающей страданиями и радостями своего отечества, не только умеющей жертвовать и умалять себя ради отвлеченной идеи государственного блага, но стремящейся принести на алтарь государственного творчества частицу своего внутреннего я, своей царственной индивидуальности, как мыслящей и волящей личности. Женщина стремится к политическому самоопределению, к завоеванию политических прав... Не проходит и нескольких десятков лет, как это политическое стремление женщины охватывает все без исключения страны, от передовых до самых отсталых, как оно принимает конкретные формы, выливаясь в сплоченные единством цели и тактики организации, как оно переходит и к высшей стадии в развитии общественного движения, когда, не довольствуясь внутренними национальными силами, оно перекидывается за черту отдельных национальностей и ищет себе подкрепления в международной солидарности.

Последняя черта - международный характер женского движения - не может не останавливать на нем внимания социолога и не может не служить самым ярким показателем его жизнеспособности и силы. Но откуда эта внезапная перемена в женской психике? Что побудило женщину, тысячелетия мирившуюся со своим бесправием, сознательно или бессознательно предоставлявшую облегчение своего положения либо мирному течению времени, либо свободному усмотрению законодателя, поднять свой голос в защиту своих прав? Казалось бы, свободный строй большинства современных государств, принесший с собой начало справедливости права, сам собой благоприятствует мирному течению давно уже начавшегося процесса ее политического освобождения, и народное представительство, более чуткое и близкое к голосу народных нужд, не нуждается в напоминаниях, в этих озлобленных требованиях, в этих требованиях непосредственного воздействия, к которым современная женщина принуждается прибегать.

Действительно, почему женщина, так долго мирившаяся со своим бесправием, так терпеливо выносившая свое иго во время абсолютизма, почувствовала всю его тяжесть только теперь, в гораздо более для нее выгодных и благоприятных ее освобождению условиях?

Разве с водворением свободных форм гражданского общежития, с торжеством законности, с народжением народного представительства, с освобождением личности, принесенным гарантиями личных свобод, ее бывшее иго стало еще тяжелее и торжество права только впервые наглядно показало ей, только ярко оттенило на просветленном фоне политической жизни всю мрачность, всю печаль ее бесправия?

Мы далеки от первого поверхностного и несправедливого утверждения. Ни одно из тех новых идейных начал, которые легли в основу конституционного строя и воплотились в конкретные политические формы, не могло так или иначе не отразиться на ее внутренней или внешней жизни, не могло не принести ей тех или других прямых или косвенных выгод; в связи с победой законности оберегаются и укрепляются ее права как частноправовой личности; с провозглашением гарантий личных свобод открывается простор развитию ее духовных, нравственных сил. Тем не менее, здесь, на почве правовой обесцененности, а не на почве ничем не сдерживаемого правительственного воздействия, впервые в яркой форме выплывают ее политические требования.

Вглядываясь в окружающую современную женщину политическую обстановку, мы не можем не заметить, что переживаемая современными политически свободными странами эпоха упрочения конституционных начал и последовательного совершенствования и расширения последних оказывается чрезвычайно благоприятной пробуждению не только женского, но и всякого политически отсталого человеческого сознания; внутренняя жизнь политически свободных стран являет нам картину поразительно пестрой и широкой мобилизации до сих пор политически инертных слоев населения до уровня сознательных и действенных граждан.

Вторая половина прошлого столетия и начало текущего характеризуются поразительно ускоренным темпом в развитии общества, в расслоении народной массы на социальные группы и в неизбежном вовлечении свежих и неиспользованных сил в русло активной политической жизни. Последнее наблюдение заставляет нас предполагать, что движущие силы, руководящие демократическим движением в его целостности и женским движением в частности, вполне однородны, что наводит нас на следующую мысль: не следует ли искать причин ускоренного темпа, являемого развитием современной политической жизни, в тех новых идейных началах, которые положены в основу современной государственности... Попробуем определить в самых общих чертах, в чем это влияние могло выразиться.

Взяты каждый в отдельности и все в совокупности элементы конституционной идеи способствуют и совершенствованию правового сознания, и развитию чувства социальности. К этой цели ведет основной принцип, составляющий исходный пункт в логическом построении правового государства, - принцип законности: когда верховенствующей в государстве силой взамен личной воли монарха становится безличная воля закона, когда человек перестает быть объектом несдерживаемого в правовых границах правительственного воздействия, когда прежнее неравное отношение сторон власти и подданого, покоившееся на принципе подчинения одной из них и личного усмотрения другой, превращается в правоотношение, построенное на началах взаимности обязанностей и прав, вчерашний подданный обращается в гражданина; в человеке развивается чувство собственного достоинства, уверенность и смелость в отстаивании своих прав, к исключению рабских инстинктов и правовому воспитанию ведет и обставленное строгими гарантиями правосудие. Наконец, здоровая атмосфера свободного гражданского общежития, не стесняемый вмешательством сверху обмен мыслей и чувств открывают широкий простор развитию ответственной самостоятельности на основах взаимопомощи и равенства вместе с обеспеченностью от правительственного произвола, в атмосфере свободного обмена мнений и социального общения естественно зреет массовое политическое мировоззрение всех без исключения членов общества.

Не всякий принимает непосредственное участие в создании права, но доступная всеобщей свободной критике власть становится ему понятнее и ближе; государственная цель, не сливающаяся с понятием о личной цели монарха, а определяемая совокупной деятельностью граждан, отныне им менее чужда; свобода общения, вырывая человека из замкнутого мира его личных интересов, расширяя его горизонты, зажигает в нем социальные чувства и общественные интересы.

Я намеренно ставлю на последнем плане те высшие блага активной политической жизни, которые доступны не всем, а только части граждан, то есть политические права; полагаю, что значение этих прав в плане расширения правовой сферы и обогащения личности новым поприщем приложения ее творческих сил ни для кого из нас не представляет никакого сомнения. Я намеренно оставляю их в стороне, желая показать, насколько велико воспитательное влияние на человеческую личность тех благ свободного политического строя, которые доступны всем без исключения гражданам; нет ни одного лица в свободном политическом строе, которое так или иначе, сознавая и не сознавая, не испытало бы их благотворного воздействия.

Помимо этого произвольного, без какого бы то ни было постороннего участия протекающего влияния идейных начал, положенных в основу современного государства, последнее вынуждено предпринять ряд мер, направленных в сторону культурного возвышения масс до уровня ответственных и политически сознательных личностей. Оно вынуждается к такого рода мерам частью по соображениям личного государственного интереса, частью под давлением снизу, ввиду ясно осознанных требований народного правосознания.

Отметим, в чем состоят тепличные выгоды, которые вынуждают государство к принятию данных мер, и в чем последние состоят. Если государство доконституционное могло находить себе опору в общественной инертности, если проявление общественного самосознания могло представлять для него некоторую опасность, если его политика клонилась к подавлению индивидуальности и единственным связующим элементом между властью и подданным являлось вынужденное и поддерживаемое физической силой подчинение бездейственной массы действенной власти, то совершенно иное отношение власти к подданным диктуется современным государственным смыслом, с того момента, когда власть уже не сосредоточена в руках единого лица, а к ее осуществлению призваны общественные силы; с того момента, как государственная деятельность превращается в общественное сотрудничество, само государство

заинтересовано в том, чтобы взамен прежней инертной и индифферентной массы ей противостояло свободное в выражении своего мнения и способное к выполнению возлагаемых на него обязанностей общество; а народная масса только тогда заслуживает названия общества, когда она состоит из умственно возвышенных и сознательно, а не принудительно спаянных друг с другом человеческих единиц. Вот почему свободная и разносторонне развитая индивидуальность есть тот базис, на котором зиждется новое правовое государство, и вот почему общее направление государственной политики в свободном строе не может продвигаться по иному пути, кроме как в сторону поднятия общего культурного уровня народа, то есть умножения разносторонне развитых и действенных политических индивидуальностей.

Я уже имела случай отметить, что активные меры, предпринимаемые государством в целях поднятия культурного уровня и материального благосостояния масс, суммируя эти меры под именем так называемой социальной политики, являются в некотором отношении побужденными снизу, выполняемыми под давлением народного правосознания.

Основные требования, предъявляемые государству, как со стороны народного правосознания, так и со стороны политических учений, которым принадлежит руководящая общественным мнением роль, существенно расходятся от того представления об обязанности власти по отношению к подданным, которого придерживался индивидуализм французской революции и позднейшего времени. Между тем как индивидуализм начала века полагал достаточным освободить индивида от вех пут, стесняющих развитие индивидуальности, чтобы сделать его свободным, и в этом отношении осуществлял намечаемые им реформы (уничтожение всех степеней экономических отношений, отмена привилегий) и довел свою теорию до принципа невмешательства государства, в область проявления человеческих действий, сводя роль государства во внутренней политике к роли проводника и охранителя права, современное правосознание под влиянием пережитого исторического опыта желает видеть в государстве вспомогательную силу в развитии личности" требовать от него положительных действий, направленных к этой цели.

Идеал свободной личности, идеал индивидуалистический, в частности, никогда не переставал жить в народном правосознании, это одна из тех неустрашимых из человеческого сознания *idee maitre'*, один из тех идейных магнитов, если можно так выразиться, вокруг которого переплетаются и борются испокон веков и по наше время все человеческие мысли, порою сами, не сознавая всей его притягательной силы.

Этим идеалом проникнута, не всегда отдавая себе в этом отчета, и та политическая школа, которая, казалось бы, менее других заслуживает названия индивидуалистической, - школа социалистическая; я упоминаю о ней в качестве направления, может быть, наиболее авторитарного в общественном правосознании; итак, индивидуалистический идеал никогда не умирал, но глубоко изменились понятия о средствах, о путях его достижения. Современное правосознание пришло к убеждению в полной несостоятельности доктрины *laissez faire*, принципа государственного невмешательства во имя идеи отвлеченной и в действительности не существующей свободы; принцип невмешательства, проповедуемый некогда крайними выразителями индивидуализма, неизбежно приводит к санкционированию существующих несправедливостей, к победе сильного над слабым, он приводит к разрушению самого индивидуализма: обнищание масс, бедствия рабочего класса с наглядностью иллюстрируют нам, каков результат государственного невмешательства в область экономических отношений.

Следует заметить, что с принципиальной точки зрения в обоих главенствующих направлениях общественной мысли, в доктринах, воспринявших индивидуалистический принцип, - в

либерализме и радикализме, с одной стороны, и в тех из них, которые исходят" из иных предпосылок по данному вопросу, - не существует существенных разногласий.

Различие во взглядах сводится не к принципиальной стороне дела, а к частностям, к вопросу о большей или меньшей последовательности в проведении социальных реформ, и то и другое направление обращается к государству с требованиями активного вмешательства в сферу социальных отношений, не исключая также упорно оберегаемых некогда отношений договорных и экономических.

Таким образом, обе доктрины по мере их развития подают друг другу руку в определении ближайших практических задач и в их требованиях, обращаемых к власти.

Развивающееся под этим перекрестным влиянием социальное законодательство имеет результатом помощь слабому от эксплуатации сильного: таков смысл и постепенно расширяющегося регулирования договорных отношений, и законодательной защиты труда, и введения бесплатного всеобщего обучения, облегчающего доступ к благам просвещения и культуры; суммируя сказанное, социальная политика имеет результатом рост индивидуальности там, где она бессильна самостоятельно пробиться до высшего уровня культуры и материального благосостояния; она служит делу освобождения и культурного возвышения человеческой личности - делу индивидуализма.

Итак, мы пришли к тому заключению, что современный общественный уклад благоприятствует развитию индивидуальности, как вследствие произвольного влияния заложенных в его основание принципов, так и вследствие общего направления внутренней государственной политики.

В этом благоприятствующем развитию индивидуальности влиянии современного политического уклада я вижу главнейшие стимулы роста женского движения, а также ускоренного темпа в развитии движения общедемократического.

Но этого мало. Значение свободных форм гражданского общежития для человеческой личности не исчерпывается исключительно воспитательной целью. Свободный общественный уклад обеспечивает за каждой личностью, за каждой социальной группой известную долю хотя бы косвенного участия в сознательной правотворческой деятельности и в государственной власти. Уже тем самым, что замкнутый в себе индивид, благодаря гарантируемым ему личным свободам, обращается в человека социального, он косвенно приобщается к тому роду государственной деятельности, который официально ему недоступен. Из мнений и чувств, стремлений и действий социально развитых индивидов складывается руководящая в государстве сила, сила общественного мнения.

На заре конституционной жизни, когда широкие слои общества, воспитанные в традициях абсолютизма, еще не вышли из состояния политической индифферентности и бездеятельности, когда организованной власти противостоит неорганизованная народная масса, влияние общественного мнения проявляется слабее; последнее сказывается в большей независимости власти от народа, и эта зависимость растет по мере роста массового политического сознания, по мере дифференциации общества на организованные социальные группы. Изолированный индивид, противостоящий государственной власти, бессильна настоять на своей воле и политическом мнении; но воля и интересы индивида могут найти себе подкрепление в воле и в интересах тех индивидов, с которыми он входит в постоянный обмен и духовное соприкосновение: во всякого рода общении - духовном, умственном и трудовом - он может найти себе авторитетного посредника между собой и властью. Бессильна вся совокупность изолированных друг от друга, как бы случайно друг с другом сошедшихся индивидов.

Организованная власть всегда торжествует над хаосом общественных мнений и чувств; но когда живые и конкретные требования общества дифференцировались друг от друга, когда за каждым правовым мнением стоит сознательно объединенная группа, общество становится господином власти.

Такого рода дифференцированное и организованное общество представляют нам современные свободные страны.

По мере развития общественности власть и общество утрачивают характер двух независимых друг от друга, порою враждебных и принудительно связанных друг с другом величин; государство все ближе подходит к типу обширного и построенного на началах права и добровольного соглашения социального сотрудничества.

Итак, мы пришли к заключению, что влияние свободных форм политической жизни на человеческую личность выражается в воспитании и пробуждении правовых, социальных и политических стремлений и чувств. Картина будет не полна, если мы не упомянем о следующем: процесс превращения демократического большинства в совокупность политически сознательных личностей имеет непосредственным результатом перемещение власти из рук привилегированного меньшинства в руки демократии.

Исторические факты нагляднее теоретических рассуждений свидетельствуют нам об этом: избирательное право всех политически свободных стран неудержимо эволюционирует в сторону расширения: от цензового ко всеобщему, от всеобщего к уничтожению каких бы то ни было скрытых форм ценза, - одним словом, к уравниванию всех членов государственного общежития в политических правах.

Остановится ли отмеченная эволюция на той ступени, которая достигнута ею в самых передовых странах, или, быть может, ей уже некуда дальше идти?

Полагаю, что для того, кому ясны положительные стороны идейных начал, положенных в основу правового государства, кто видит дальнейший прогресс в смысле увеличения суммы человеческой свободы и благосостояния не в ломке этих начал, а в их дальнейшем раскрытии, - тот, кто не утратил веры в возможность создания истинно свободных форм государственного общежития, не может питать на этот счет никакого сомнения.

*Пока в государстве существуют устраненные от высшего человеческого права - права на самоопределение - лица, оно еще находится под властью рабских пережитков, оно свободно лишь по названию. Либо сами эти идейные основы ложны, либо государство пойдет по тому пути, который ему ясно намечен историей, - по пути их дальнейшего раскрытия.*

Но пора нам поставить вопрос себе: напрашиваются ли какие-либо практические выводы из намеченного нами понимания государственной эволюции для всех тех общественных элементов, которые стремятся к признанию за собой всей полноты политических прав, и в частности для движения женского?

Мы отметили основные черты свободного политического строя с точки зрения их воздействия на человеческую личность как чрезвычайно благоприятствующие обогащению индивидуальности и развитие государственности как эволюционирующее в сторону политического уравнивания всех членов общества. Но, спрашивается, в чем может выразиться активное содействие самой женщины, борющейся за признание своего права в целях ускорения отмеченного прогресса, не следует ли ей удовлетвориться молчаливым лицемерием благоприятно для нее складывающихся обстоятельств?

Полагаю, что содействие самой женщины не только возможно, но и является главнейшим условием достижения успеха.

Полагаю, что для того, кто понимает социальную жизнь как область человеческих действий и проявления человеческой воли, тот, кто не исходит ни из одной из двух метафизических предпосылок, ни из той, которая видит в социальном процессе механическое сцепление явлений, в котором не остается места проявлению человеческой воли, ни из той, которая понимает человеческую свободу в смысле независимости от окружающих мировых законов, но тот, кто видит в человеке и его воле одну из многих движущих сил мировой эволюции, для того, кому свобода представляет нечто приобретаемое, а не врожденное, приобретаемое сознательным приспособлением человека к окружающей среде, управляемой непреложными законами действительности, для такого лица на этот вопрос не имеется двух ответов. Побеждает в социальной борьбе не тот, кто слепо плывет по течению и бездействует, а тот, кто этот ход вещей осмыслил; жизнь всегда оставляет за бортом и того, кто слеп, и того, кто безволен. Применяя эту философию к политике, мы скажем: здесь побеждает не индивид, не бессознательная особь, а личность; не масса, а совокупность личностей.

*И с этого отправного пункта мы можем осветить и женский вопрос.*

Если женщина желает прийти к скорейшему разрешению мучающей ее сознание задачи ее образ действия, как и образ действия всякой борющейся общественной группы, должен развернуться в двояком направлении: в сторону внутреннего самовоспитания и в сторону непрестанного разностороннего приложения к делу накопленных ею и организованных сил.

Первая часть задачи распадается в свою очередь на две: каждая женщина в отдельности обязана работать над совершенствованием и обогащением своей индивидуальности и, сверх того, над объединением и организацией связанных с ней единством правовых требований общественных сил.

Все то, что свободный государственный быт представляет благоприятным развитию индивидуальности, должно быть ею использовано: в свободных формах политической жизни она должна видеть необходимую школу, в которой приобретает не только знание, но и смелость и навык в отстаивании своих прав и даже воля власти; учась властвовать, человек уже властвует. Тот, кто умело отстаивает свою мысль и приобретает ей искренних и убежденных сторонников путем ли смелого слова, при помощи ли пера, подчас держит в своих руках тот, скипетр власти, который даруется не всякому, заседающему в парламенте, и наоборот: одно голое обладание правом еще далеко не достаточно, чтобы закрепить это право за собой, а не сделать его слугою случая, чтобы склонить весы политики в сторону осуществления своего интереса. Тому пример недалеко искать: крестьянская дума не склонила политики в сторону крестьянского интереса. Несомненно, участие в законодательстве, хотя бы несознательных элементов общества, вряд ли когда-либо может оказаться преждевременным или опасным с точки зрения государственных интересов, являясь величайшей школой политического воспитания; но реальные выгоды, приносимые этим участием при недостаточно сознательном отношении к своему праву, сводятся к нулю.

Широкое участие во всех проявлениях социальной жизни необходимо всякому в целях обогащения и восполнения своей индивидуальности; но, сверх того, оно имеет иное, не менее важное значение: только при помощи непрестанного соприкосновения с общественной средой, при помощи влияния на эту среду и ее организации в выгодном для себя смысле личность приобретает возможность настоять на своей воле. Одиночество ведет человека к рабству, общественность - к его освобождению. Если бы конституционной власти противостояло не

организованное общество, а чуждые друг другу лица, эта власть могла бы править не менее деспотично, чем раньше, - конституция существовала бы только на бумаге.

История достаточно наглядно показывает нам, на чем зиждется сумма свободы в стране: она зиждется на сумме сознательности и на степени организованности правового сознания. Что же касается вопроса о мере сознательности отдельной общественной группы в государственной политике, то она определяется мерой внутренней ее согласованности и правовой дисциплины.

Отсюда вытекает для женщины необходимая и первейшая по своему значению задача - задача объединения и организации своих сил, внутреннее согласование и конкретизация своих правовых требований.

Переходя к вопросу о тех средствах борьбы, которыми располагает женщина в свободном политическом строе, я снова отсылаю к некоторым из обоснованных в предыдущем изложении положениям: свободные формы политической жизни тем и ценны, что они открывают для всякого лица тот или иной способ косвенного участия в государственной власти, и в частности в сознательной правотворческой деятельности.

Ни давность политической свободы, ни общий культурный уровень страны, коль скоро они взяты вне связи с характерными для этой страны особенностями в правовом развитии, не могут с полной точностью обусловить то или иное положение женского вопроса; этот вопрос может быть подвинут гораздо дальше в сравнительно молодых и отсталых странах в зависимости от многих переплетающихся вокруг него причин; но издавна укоренившиеся в народном правосознании понятия и навыки к свободным формам политического быта должны быть принимаемы в расчет при выборе тех средств, к которым прибегает общественная группа в борьбе за свои права. Чем сложнее общественная жизнь, тем шире самостоятельность общества, чем разнообразнее формы скрытого властвования, из которых официальные правительственные органы черпают свои импульсы, тем сложнее, тем тоньше и разнообразнее должны быть приемы борьбы.

В свободной стране, где государственная жизнь широко переливается через край своих официальных органов, где она бьет ключом из тысячи невидимых пор народного тела, нельзя сосредоточивать своего внимания и растрчивать свою энергию в воздействии на один только центр. Как бы юридически ни была неограниченна власть английского парламента, как бы ни был высок его авторитет, но выше юридического суверенитета английского парламента стоит моральный суверенитет английского народа. И пока истинный суверен не завоеван, пока проповедуемая идея не сроднилась с мирозерцанием английского гражданина, пока она не проникла во все затаенные извилины народной жизни, пока приток свободолюбия не прорвал стену обычно-правовой косности, дело женщины не может быть выиграно. Потому-то поступок суффражистки, ворвавшейся в парламента, представляется мне не чем иным, как жалким.

Исходя из этих соображений, я полагаю, что усилия женского движения во всех странах, и в Англии в частности, не должны быть повернуты к парламента, а распределяться широко вокруг, путем одинаково интенсивного воздействия на все пункты проявления народной мысли и воли.

Чтобы приблизиться к моменту своего разрешения, женский вопрос должен утратить в глазах общества характер никого не связывающего теоретического пожелания; он должен принять облик практического требования, а последнее достигается лишь путем непрестанного трения в обыденной и подчас мелочной практичной жизни всюду, где жизнь выдвигает его вперед, - в союзах, в обществах и кружках, во всякого рода формах социального единения, трудового, научного, художественного и нравственного, - всюду, где прогрессивным и серьезно

аргументируемым требованиям открыто противостоит их главный враг: консервативная власть обычая и предрассудка.

Высказанными мною положениями совсем не исключается возможность и даже необходимость воздействия на законодательные органы, но я полагаю, что такого рода воздействие не должно ограничиваться наиболее яркой, но менее всего действительной формой: формой давления на отдельных личностей и волю законодателей, - а выражаться в отзывчивом отношении ко всем событиям парламентской жизни, в попытках самостоятельного освещения и научного аргументирования всех затрагивающих женские интересы вопросов, путем широкого использования всех тех средств, какими женщина может располагать в политически свободной стране.

Я не могу закончить моего доклада, не коснувшись задач женского движения в России; все то, что мною было сказано по отношению к движению западноевропейскому" применимо и к нам - своих сил, как в целях поддержки и посильного подспорья движению международному, так и для бдительного отстаивания своих прав и интересов во все могущие представиться моменты в народной жизни, когда жизнь выдвигает их вперед: в парламенте, в местных учреждениях или каких-либо иных областях проявления общественной мысли и деятельности.

Но исключительные условия русской жизни ставят женское движение нашей родины в совершенно иные по сравнению с Западом условия. Между тем как западноевропейское движение имеет перед собой широкую и свободную арену борьбы, все средства и условия для завоевания дальнейшей политической цели и усилия последнего, естественно, направляются в сторону завоевания политических прав, женское движение в России, так же как и движение общенародное, еще принуждено стремиться к созданию той политической обстановки, тех элементарных благ общественной жизни, при наличности которых оно получит возможность развернуть свои силы и действительно проявлять свою волю. И эти исключительные условия русской жизни налагают на женскую организацию в России исключительные по своей широте и ответственности задачи.

В целях успешности исполнения как своих личных, так и, сверх того, более; широких общественных задач женское движение в России так же, как и на Западе, должно стремиться к созданию самостоятельных политических организаций; однако эта самостоятельность в переживаемую Россией эпоху менее, чем где-либо может сводиться к замкнутости в себе и исключительности. Никогда и ни при каких условиях этот групповой эгоизм не должен застилать в глазах отдельной социальной группы, связанной единством лично затрагивающих ее интересов тех общих целей, которые довлеют над совокупностью смежных групп, а порой и объединяют их всех между собой.

Политически зрелая группа должны осмысливать политику во всем ее объеме и никогда не забывать, что в народном движении по пути политического прогрессе выдаются такие переходные этапы, когда каждый шаг вперед берется совокупными усилиями и трудом всего общества.

Таковыми совокупным трудом, исключаяющим всякий групповой сепаратизм в переживаемое Россией время, является пробуждение политического самосознания и поднятие его до необходимого известного уровня просвещения и политического понимания. Только при наличии этого самосознания, при наличии пробужденной народной самодеятельности в правовые и ничего не говорящие конституционные формы вливается реальное живое содержание.

Пусть же среди организованных сил русского общества, предназначивших себе задачей культурное и политическое возрождение России, вызревает еще новая организованная общественная сила; пусть она действует в неуклонном и ясном понимании и самоотверженном служении общей для всего нашего общества цели.

*С.К. Исполатова (Москва)*

### **Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя**

Мы знаем из исследований известных антропологов и ученых, как, например, Бахофен, Морган, Эл. Реклю, а также из трудов Бебеля, Энгельса, Лафарга, Каутского, Липперта, что рабство не было свойственно первобытным людям. Повсюду семье патриархальной, в которой женщина подчинена мужчине и народ - высшей власти, предшествовала семья матриархальная, где женщина, как мать, имела первенствующее положение и где, как говорит Лафарг, "не было ни классов, ни сословий, следовательно, не было господства одних над другими".

"Признание материнского права, - говорит Бебель, - означало равенство всех, появление отцовского права означало господство частной собственности и порабощение женщины".

Мне скажут, что существование матриархата - вопрос спорный, так как одни ученые признают его, другие отрицают. В таких случаях лучше всего справляться у природы, которая, бесспорно, является высшей инстанцией, решающей такого рода вопросы.

Матриархат, или материнское право, - это естественный закон природы, т. е. право каждой женщины быть матерью и право каждой матери на своих детей.

Для исследования жизни и обычаев первобытного человека мы обыкновенно обращаемся к природе животного мира, и вот в этом мире, где жизнь не подведена под статьи свода законов, материнское право не оспаривается и не ограничивается.

Если перейдем от животного мира к человеку, даже современному, то и здесь, конечно, ясно видим, что право матери установлено природой, которая, наделив мать функцией рождения детей, связала ее физически и непосредственно с ребенком, тогда как отец связан с ним только через мать, да и притом связан, как мы знаем, только с законными детьми, ибо о существовании своих незаконных детей он зачастую и не знает; а ведь никто не сомневается, что природа нисколько не повинна в чудовищном разделении детей на законных и незаконных. Это уже дело патриархата.

Итак, независимо от трудов Бахофена, Моргана и т. д. можно, основываясь на законах природы, утверждать, что материнское право существовало и у первобытных народов, пока его не начали ограничивать искусственные законы. Бахофен, Морган и т. д. своими исследованиями только указали на тот факт, что этот естественный закон существует еще и теперь в более или менее полном виде у племен, не зараженных еще зудом законодательства.

С введением патриархата господами положения явились исключительно мужчины. Устранив женщин от общественной деятельности, они создали власть, для укрепления которой начали составлять свои законы, идущие вразрез с законами природы. С тех пор человечество стало развиваться лишь усилиями одного пола, что, естественно, создало крайне одностороннюю цивилизацию, основанную преимущественно на грубой силе. Даже результаты человеческого гения, науки, искусства, изобретения служили и до сих пор служат почти исключительно для материалистических и спекулятивных целей, т. е. для обогащения одних в ущерб другим.

Золото и особенно власть с незапамятных времен и по сие время лежат в основе всех, даже самых возвышенных стремлений.

Но странное дело! Оказалось, что этот односторонний общественный строй не удовлетворял не только подчиненных, но и господ. Последние неустанно дрожали за свою власть и вечно должны были заботиться, чтобы ими созданные учреждения в достаточной мере охранили их от рабов. Господа оказывались рабами своего господства, ибо как господство, так и рабство не что иное, как две разновидности одной и той же болезни.

Свободен может быть только тот, кто не господин и не раб; а так как во всю известную нам историческую эпоху одни властвовали, другие подчинялись, то, очевидно, никто не был свободен. Да и откуда могли взяться свободные личности, если все они рождались от матери-рабыни? Рабский источник может производить

---

' Классы и сословия были созданы властью патриархата, т. е. государством и его законами.

@199

только рабов, и, чтобы очистить человечество от всеобщего рабства, необходимо начать с очищения самого источника.

Кто же должен взяться за эту работу? Очевидно, все те, которые понимают весь вред такого положения вещей. Однако надо признать, что понимание этого вреда доступно скорее рабу, так как его болезнь сопряжена с непосредственными лишениями, как материальными, так и духовными, тогда как власть опьяняет, и это наркотическое свойство власти делает больного почти неспособным сознавать свое болезненное состояние. Вот почему глубокий смысл имеет известный взгляд, что инициаторами всяких общественных переворотов обыкновенно бывают подчиненные.

Итак, законы - это плод деятельности больного властью мужчины. Все законы имеют запретительный характер, ибо если бы не понадобилось запрещать, т. е. ограничивать других в правах, то и не нужны были бы законы, и если человечество когда-нибудь добьется действительного равенства и свободы, то это будет конец писаным законам.

Из вышеприведенных положений мы видим, что началом всеобщего рабства было порабощение женщины; из этого нетрудно вывести заключение, что началом всеобщего равенства будет освобождение женщины; но необходимо понять, что это освобождение зависит всецело и исключительно от самой женщины, от степени развития в ней самосознания, то есть сознания своей ценности как женщины.

Самосознание - это отделение своего истинного, природного "я" от искусственного, законами и традициями навязанного "я"; поэтому первый шаг к самосознанию заключается в возможном освобождении нашей мысли от влияния авторитетов, догматов, традиций, предрассудков, общественного мнения и т.д.

Тот, кто берет на себя обязательство быть верным какой-нибудь идее или программе, авторитету или догме, тот тем самым обязуется самостоятельно не мыслить, тот не стремится дойти до самосознания, к которому ведет только мысль, независимая от всего этого окружающего гнета.

Сознает ли женщина самое себя? На этот вопрос пока нужно ответить отрицательно. Мужские законы и вытекающий из них всех общественный строй наложили на нее целую сеть запрещений. От пеленок до могилы она непрерывно находится в среде, враждебной ее стремлению к самостоятельности. Ей с детства внушают веру в превосходство мальчика над девочкой, мужчины над женщиной; она слышит, что мужественность - это достоинство, женственность же - это что-то неопределенное, слабое, ограниченное, узкое.

Вследствие направляющего влияния мужских законов до сих пор только один мужчина определял свойства как своего, так и женского характера. Неудивительно, что при таком одностороннем определении все достоинства оказались на стороне мужчин. Даже преобладание физической силы ставится ему в заслугу.

Естественно, что при таком положении вещей значение многих слов, как, например, "ум", "логика" определялось с чисто мужской точки зрения: мужской ум, мужская логика - понятия положительные, слова "женский ум", "женская логика" - употребляются разве только в насмешку. Во всей истории, вплоть до наших дней, под словами "человек", "человеческие права" понимается мужчина, мужские права, а слово "всеобщее" относится только к мужчинам; зато слово "падшая" относится исключительно только к женщине. Падших мужчин не бывает.

Но самым удивительным является значение слов "узкое" и "широкое". Мужчины всех направлений в своих законопроектах (не в программах) требуют прав только для себя'. Женщинам, по мнению одних, совсем не нужны права, по мнению других - давать им их еще "не время". "Они получают потом, когда настанет всеобщая свобода"... а пока *только нам*. Это широко. Когда же женщина прибавляет: *также и нам* - это узко.

Итак: *только мы* - требование всечеловеческое, гуманное, широкое, *также и мы* - требование эгоистическое, узкое. Вот до каких курьезов можно дойти, если руководиться не общечеловеческой, а только мужской логикой.

"Вы рассуждаете чисто по-женски", - мужчины, а за ними повторяют и "мужественные" женщины. И женщина задета этими оскорбительными словами, спешит поскорее сбросить с себя все женское, как что-то позорное, чтобы приобрести мужской ум и мужскую логику. В бессмысленном подражании мужчине она топчет в грязь свою духовную, творческую силу, свою волю, свою душу. Для определения своих природных свойств она пользуется мужской меркой, ибо собственная мерка не выработана. Она смотрит на себя мужскими глазами, а мысль ее - и та подчинена мужской цензуре. Есть исключения, но их пока немного.

Вейнингер говорит, что женщина ничтожна. Не разделяя, конечно, всех болезненных измышлений этого способного, но ненормального

юноши, я, пожалуй, с ним согласна в том, что женщина ничтожна (если ничтожество ее понимать в смысле отсутствия сознания). Только мотивы у нас разные: он считает женщину ничтожной постольку, поскольку она женщина, я же считаю ее таковой, поскольку она отрицает в себе женщину. Она ничтожна, поскольку она верит в свое природное ничтожество.

Говорят: нет творчества в женщине. Мы знаем, что оно есть, но слабо - от неупражнения. Слабо оттого, что она верит в отсутствие в себе творчества. Ей ставят в вину каждый ее шаг к самостоятельной организации. "Зачем обособляться" - говорят ей мужчины, и за ними повторяют то же и женщины. Проследим, однако, кто, собственно, обособляется. Думаю, не трудно доказать, что обособляются-то именно мужчины: в школах, учреждениях, клубах, в суде, церкви, во многих профессиях, в парламенте, в законодательстве. Одним словом, они обособляются, когда дело идет о правах.

Самостоятельная же организация женщин - это не только не обособление, а, наоборот, стремление к объединению обоих полов, объединению, которое может осуществиться только при условии предварительного развития в женщине самостоятельности и самосознания. Насколько существуют особые правовые ограничения для женщины, как таковой, настолько должны быть особые женские организации для того, чтобы, уничтожив эти ограничения, уничтожить вместе с тем и обособление полов.

Но за это стремление к самостоятельности на нее сыпятся упреки в феминизме (слово, которое у нас считается чуть ли не ругательным). Еще бы! Ведь феминистками называют тех бунтовщиц, которые, считаясь с историческими фактами, не верят программам, словам и обещаниям и самостоятельно хотят добиться своих прав. От женщин требуется, прежде всего, *вера*; вера во все, что бы им ни внушали (такой же веры требует всякая власть от подвластных), феминистки - неверующие, следовательно, неблагонадежные. (Мы знаем, что такого рода преступления не прощаются).

Однако к отсутствию у женщины мужского ума некоторые мужчины относятся снисходительно, ввиду того, что ее, как говорят, обидела природа, возложив на нее тяжелую функцию рождения детей.

Мужчина, законом возвысивший себя над женщиной, давно уже был озабочен тем, чтобы и научно обосновать теорию мужского превосходства.

Мы знаем, что наука бывает иногда очень снисходительна к шалостям своих корифеев и часто сквозь пальцы смотрит на искусственность и произвольность построенных ими теорий. Ученые нашли сначала доказательства мужского превосходства в мозгу, в его весе и извилинах, и создали соответственную научную теорию. Однако же, когда дальнейшие исследования дали нежелательные для ученых, порой даже противоположные, результаты, теория провалилась. Ученые не унывают и вскоре находят спасение - в половых органах. И создается новая научная теория.

Женщина, говорят, как физически, так и духовно стоит ниже мужчины вследствие своих половых функций. Беременность, роды, кормление отнимают у нее силы и время, вследствие чего она не в состоянии развиваться так, как мужчина.

Нельзя не согласиться с этим положением. Да, она действительно не может развиваться так, как мужчина, ибо функции ее пола - это не только физиологические акты, они тесно связаны с душевными ее свойствами, вследствие чего ее природа существенно отличается от природы мужчин. Но это различие не решает вопроса о преимуществе мужского пола. Если она не такая, как мужчина, это не значит, что она хуже его. Ведь то, что мы теперь считаем разумным, моральным, является таковым только относительно определенной эпохи, определенного идеала и, может быть, окажется ложным, когда общественная жизнь будет вытекать из свободного развития обоих полов.

Мы знаем, что материнские функции женщины и непосредственная связь ее с ребенком, даже еще не родившимся, не только не умаляют ее духовной ценности, но, наоборот, развивают в ней чувства духовного подъема, стремление к чему-то лучшему, чувство тесной связи с человечеством, желание как бы обнять весь мир и облегчить его страдания. Кто из женщин следил за собой, тот знает, что это так. "Сердце растет и вмещает весь мир", - говорит ибсеновская Агнеса, и эти слова как нельзя лучше характеризуют духовные стремления женщины. Отказываться от этих стремлений для того, чтобы приблизиться к мужскому типу, это обрекает все человечество на вечные страдания, происходящие от одностороннего, чисто мужского строения жизни.

Этим я нисколько не хочу умалить природный тип мужчины. Я вообще не думаю, чтобы природа делала какие-нибудь предпочтения одному полу в ущерб другому. Они оба одинаково ценны и одинаково нужны, но нужны именно постольку, поскольку они разны, поскольку они самостоятельно действуют, не уклоняясь от своей природы. Ибо только взаимодействие этих двух разнородных сил может дать в результате то, к чему человечество стремится, то есть возможное счастье для всех людей.

Но дело в том, что однополное законодательство исказило не только женскую, но оно в такой же мере исказило и мужскую природу.

Правовое господство мужчин развило в них эгоизм, жестокость, злоупотребление грубой силой, высокомерие и самомнение, доходящее порой до мании величия.

Правовое рабство женщины выработало в ней покорность судьбе, рабскую угодливость, зависть, хитрость, лживость и полное отсутствие чувства достоинства своей личности - как женщины. Это уклонение обоих полов от их природной нормы и является причиной так резко замечающегося вырождения человечества.

Но необходимо нам понять, что нельзя только одного мужчину винить за его законы. Мы, женщины, можем быть, больше виноваты, если вообще можно здесь говорить о вине с какой бы то ни было стороны. Мы сами дали мужчинам палку в руки и согнули спину, ожидая удара. Если он воспользовался этим и нанес удар, нам пенять не приходится.

Вольно же нам живую жизнь нашу подчинять мертвой букве закона, являться пешками в руках законодателей, вольно нам не только тело, но и душу нашу добровольно предоставлять им для их произвольных экспериментов! Высоко поднятое знамя буквы, штыка и золота так ослепило нас своей кажущейся силой, что мы из страха растеряли нашу великую духовную силу и мечемся из стороны в сторону, дрожа перед признаком силы.

Теперь мы от мужчин требуем прав, но ведь они нам их дать не могут, ибо права не даются - дается только бесправие. Некоторые из них искренне желают равноправия полов, но дальше теоретических пожеланий они идти не могут, ибо мы сами, матери, жены, сестры, слишком усердно в них вкореняли идею их превосходства над нами. Мы своей пассивностью внушали им презрение к женщине и теперь, желая им угодить, сами презираем друг друга.

Более дальновидные мужчины понимают необходимость нашей самостоятельности, нашей независимости от них.

"Женщины, - говорит Бебель, - так же мало могут рассчитывать на помощь мужчин, как рабочие на помощь буржуазии".

"Пусть не ошибается женщина: мужчины не поддержат ее", - заявляет Безобразов.

"Только сама женщина может спасти себя от гнетущих условий, взяв женский вопрос в свои руки и не надеясь на помощь мужчины", - говорит Будда.

А вот слова редактора американского журнала "Арена": "Мы жаждем наступления века женщины для установления естественных законов нравственности". Далее, указывая на примеры в Штатах (Канзас, Юта, Вайоминг и т.д.), где женщины имеют права, он добавляет: "Все же другие Штаты влачат знамя нравственности в пыли перед велениями мужской животности". А Рене Шож и еще шире смотрит, заявляя, что "свободная женщина - это конец

царству насилия, конец религии, поддерживаемой женщиной, рабой, конец войнам. Проституции, пьянству; свободная женщина - это новое человечество".

Так говорят мужчины, которые понимают, что рабство женщины - причина мирового зла; и в то же время они честно признаются, что они бессильны помочь нам в деле нашего освобождения. К сожалению, пока еще очень небольшое число женщин понимает это. Большинство из нас повторяют за мужчинами, что женский вопрос узок, что даже нет женского вопроса, а есть только вопрос общечеловеческий.

Если бы так было! Но дело в том, что общечеловеческого-то вопроса именно еще нет.

То, что до сих пор мы понимали под общечеловеческим вопросом, есть не более и не менее, как только мужской вопрос, ибо всегда, как и теперь, под человеком понимался мужчина, женщина же только мать, дочь, жена человека, оруженосец человека. Всякая политическая борьба или так называемые общественные движения были вовсе не общественные, а только мужские. Конечно, женщины туда привлекались и привлекаются - для работы, ибо хотя и до сих пор женщина еще не признана вполне правоспособной, зато она всегда и везде признавалась работоспособной.

Повторяю: общечеловеческого вопроса еще пока нет. До него можно дойти через женский вопрос, который, следовательно, не может быть узким. Человек будет рабом, пока женщина раба, ибо судьба человечества в руках матерей, которые, будучи рабынями, воспитывают детей в рабском духе и являются как бы рассадниками всечеловеческого рабства.

Тут напрашивается существенный вопрос: что же делать? Я думаю, что ответ на этот вопрос каждый должен постараться найти сначала в самом себе. Здесь необходимо предварительное обособление каждой личности, в смысле самоуглубления, для того чтобы на совместную работу люди выходили самостоятельными творцами, а не загипнотизированной блестящими речами толпой. Если мы признаем необходимость развития в каждом индивидууме инициативы личного почина, то не можем в то же время указывать ему ту или иную программу действий. Каждый, кто достаточно сильно чувствует весь ужас жизни современного человечества, может и должен создавать новую жизнь, начиная, конечно, от самого себя, то есть действовать не столько фразами, сколько примером, воплощая идею в свою собственную живую жизнь. Демократические ярлыки, прекрасные лозунги, блестящие речи не подвинут человечество ни на один шаг вперед, если личная жизнь наша не соответствует словам. Например, мы, положим, все единогласно принимаем здесь крайне демократическую резолюцию, а вернемся домой и забудем, что наша прислуга - это тот же пролетариат, за который мы здесь ломали копья. Но без самостоятельной инициативы женщины всех классов, без ее индивидуального творчества всякие новые социальные теории будут только вариациями на старую тему. Самосознание женщины произведет такой переворот во всех областях общественной жизни, о каком еще ни одна революция не мечтала, ибо переворот этот коснется самого корня жизни, а не ее внешних форм; и, что самое важное, в нем не будет ни врагов ни побежденных, он не вызовет ни кровавых жертв, ни реакции.

Женщина войдет в законодательство не для того, чтобы там создавать новые законы. Своей самостоятельной деятельностью она приведет оба пола в равновесие, тогда мужчина и женщина рука об руку пойдут к новой жизни, постепенно уничтожая созданные одним полом законные запрещения.

Борьба женщины за свои права и за свою свободу - это борьба за счастье обоих полов.

Л. А. Кальманович (СПБ)

## Женское движение и отношение партий к нему

Из работ четырех секций в течение недели ясно, что женщины неравнодушны ко всем бедам и язвам нашей общественной жизни и что их усилия пойдут на культурно-просветительную работу, на облегчение горя и страданий, окружающих их. Вместе с тем очевидно, что женщины вполне уяснили себе, что, будучи бесправными, они не могут рассчитывать на сколько-нибудь благие результаты этой своей работы. И нетрудно предсказать, что главные их усилия пойдут на борьбу за гражданские и политические права свои. Существенно важно, по какому пути пойдет эта борьба. На эту тему мне бы и хотелось поговорить с вами. История всегда поучительна. Тем более важно сообразоваться с ней теперь, когда общества не слагаются уже стихийно, как в первобытные времена, а люди строят свою жизнь более или менее сознательно, помогают так сказать, истории делать историю. Посмотрим же, что представляет собой женское движение. Есть ли это явление нового времени или же история уже знакома с ним?

Определить начало женского движения является либо весьма трудным, либо совершенно легким. Думаю, что оно началось с того момента, когда Адам, съев яблоко, сорванное Евой, так рыцарски свалил всю ответственность за это на нее одну. С тех пор потомки его следуют его благому примеру. Рвут себе цветы и плоды удовольствия, а сопряженных с этим неприятностей не хотят, не хотят этой так называемой прозы жизни, считая ее справедливо скучной, неинтересной, и сваливают ее на женщин, которых объявляют чуть ли не низшей расой, ни к чему лучшему не способной, как устранять тернии с их пути и смотреть сквозь пальцы на все их прегрешения. Но сами женщины никогда не мирились с этим положением и во все времена вели более или менее сознательно отчаянную борьбу за свою независимость. Библия не говорит нам, как отнеслась Ева к выходке Адама. Но мы знаем, что Иегова, как божество мужского пола, стал на сторону Адама и возложил на Еву более суровое наказание. И заметьте, наказал за то, за что боги и до сих пор карают, за срывание плодов с древа познания, и против чего мужчины так реагируют, когда это касается их. Им весьма понятно, что им нужны знания, образование, для них лучшие школы, университеты, а женщин до сих пор не всюду еще впускают в этот недоступный им рай. Как бы то ни было, женщины всегда вели борьбу за свое право на жизнь, свободу и знание. Следы этой борьбы мы видим в амазонстве. "Амазонство не есть продукт какой-нибудь одной страны или расы", - говорит большой знаток первобытной культуры, Бахофен, в сочинении "Das Mutterrecht" ("О матриархате"). Оно продукт всего человечества, как и гетеризм. Одни и те же причины вызывают одни и те же следствия. За гетеризмом, то есть глубоким унижением женщины, наступает борьба амазонок. "И смотря по тому, - говорит Бахофен, - одерживали ли женщины верх в этой борьбе или были побеждаемы, человечество подымалось или падало".

Следы существования амазонок он находит в мифах и легендах всех народов Азии, Африки, Европы и Нового Света. "Существование амазонок, - говорит он, - указывает, несмотря на всю его дикость, на действительное поднятие нравственного уровня. Оно знаменует собой прогресс, стремление к улучшению нравов, не только необходимую, но и благотворительную фазу. Оно противопоставляет право материнства требованиям чувственности. Всюду победы амазонок ознаменовывались поднятием культуры, постройкой городов, установлением земледелия, и история самых знаменитых впоследствии городов древности связана с подвигами амазонок". "Мужчины, - говорит далее Бахофен, - при господстве женщин делались мужественными, храбрыми, и, наоборот, как только они подавляли, унижали женщину, они предавались разнузданности, чувственности, наступал упадок нравов, падение всякой доблести, падение мужчин, от которых с презрением отворачивались сами женщины, унижение которых отмишлось падением целых государств". "На эту сторону жизни народов, - говорит тот же автор, - историки до сих пор не обращали нужного внимания. Приступающие к изучению древности под влиянием современных идей не могут себе представить, что обстоятельство, которому они привыкли уделять так мало внимания, относить к узкому кругу семейной жизни,

- взаимное отношение полов - имело такое решительное влияние на судьбы государств". В Троянской войне, например, они видят столкновение двух принципов: гетерического и семейного.

Но если удавалось побеждать женщин физически, закрепощать их путем купли-продажи, именуемой браком, подавить их дух не всегда удавалось. Указание на это мы опять видим в мифах и легендах. Я думаю, излишне говорить, что мифы и легенды суть та же неписаная история народов, которая отражает их взгляды, верования и убеждения. И что же мы видим? Во всех мифологиях рядом с божествами мужского пола стоят божества женского пола. И не только в качестве жен богов, но и как самостоятельные Верховные силы. Олимпийских высших богов, например, было 12-6 мужского пола и 6 женского, из которых 3 - Артемида, Гестия, или Веста, и Паллада Афина - были даже девственницы. Паллада, как известно, произошла из головы самого Зевса и считалась богиней мудрости, знания и врачебного искусства. Она же и управляла судьбами войны. Словом, вся мудрость и знания народные были, так сказать, в ведении женщины. Как мы видим, даже в военном деле, которое давало мужчинам всегда такой перевес над женщиной, ей отведено первое место, а Арею, или Марсу, - второстепенное, как физической силе только. Следовательно, участие женщины в делах народов считалось важным, нужным для блага этих народов. Это уже признавалось даже тогда, во времена государства грубой физической силы *rag excellence*'. Как же несправедливо и губительно для человеческой культуры отеснять женщину от участия в общественных и государственных делах теперь, когда физическая сила начинает играть, слава Богу, все меньшую роль в жизни? А все жрицы и пророчицы древности, разве они не служат явным доказательством того, что все народы отдавали дань уважения интеллекту женщины, несмотря на то, что они порабощали ее не как физически слабую, нет, - женщины, как мы видели, умели быть и сильными, амазонки не раз побеждали мужчин, когда выступали на них войной, - а как менее культурная грубая сила - силу более культурную. Побеждали именно тогда, когда женщины отдавались устройению жизни, воспитанию детей и разным научным изысканиям, скажу я. Ибо что такое эти колдуньи, знахарки, собирательницы трав и т. д., которые умели на основании наблюдений предсказывать будущее, хорошую и дурную погоду, лечить людей и скот, ухаживать за больными и ранеными?

"Тот сердце в груди не носил, кто слез над тобою не лил", - сказал Некрасов о русской крестьянке. То же самое можно сказать о женщине вообще на протяжении всей человеческой истории. Мы до сих пор плачем о том, что Ян Гус за свой пытливый ум, за искание правды был сожжен. А знаете ли вы, что в средние века был издан специальный закон, преследовавший ведьм? Что женщин за эту пытливость, за то же искание правды сжигалось в средние века в десять раз больше, чем мужчин? Их объявляли колдуньями, ведьмами, обвиняли в сношениях с нечистым духом и т. д. И если женщины за все эти муки не попали в число героев, так это потому, что историю до сих пор писали одни мужчины, а женщины ее не писали потому, что их преследовали за всякие писания. В первые века христианства, когда их еще не преследовали за стремление к знанию, мы видим их занимающимися науками и искусствами наравне с мужчинами. В XII веке Герарда из Ландсберга составила книгу, нечто вроде разговорного лексикона, до того замечательную по глубокому пониманию музыки, поэзии и живописи, что она была вновь издана в 1818 году в Штутгарте, а в 1879 году в Страсбурге.

---

' Преимущественно (*фр* )

В Германии, во времена Отгонов, знатные юноши готовились в женских монастырях принять сан священников, настолько ценилась высокая образованность монахинь. Христианские пророчицы считались в непосредственных сношениях с Богом, до того почитались их предсказания мудрыми, а изречения справедливыми и праведными. А теперь мы боимся доверить им звание судьи. "Женщины, - говорят, - будут пристрастными судьями!" Но они этим не ограничивались. Они были и крупными учеными. Да ведь иначе и быть не могло. Чтобы властвовать над умами, чтобы подчинять себе людей одним нравственным авторитетом, нужно превосходить их умом, знанием, характером. Влияние этих пророчиц было колоссально, потому что они сами были колоссальными людьми. Великая пророчица Германии, святая Гильдегарда Бекельгеймская (1098 - 1179 гг.), написала много книг по физике, по зоологии, ботанике и минералогии. Мудрость ее славилась во всем христианском мире. Ее совета добивались императоры, короли и папы. Таких пророчиц было немало. "Божественная комедия" Данте была написана под влиянием монахини Мехтильды Мекленбургской. 15 лет работала она над поэтическим религиозным сочинением, которое назвала "Божественный Свет". И не только монахини увлекались поэзией, искусством и наукой. Стремление это охватило женщин всех слоев. Но скоро их обвинили в сношениях с дьяволом, учение их признали языческим и сотнями сжигали на кострах. В 1498 году был издан закон против ведьм, на заголовке которого стояли страшные слова: "Отрицание колдовства есть ересь". Понятно, что немного нашлось смельчаков, готовых выступить на защиту несчастных, стойкость которых была Поразительна. Стойкостью особенно отличались матери. Под самой страшной пыткой они не сдавались, чтобы спасти своих детей от ужасной участи, постигавшей обыкновенно детей ведьм и дьявола, конечно. Процессы о ведьмах прекратили в Западной Европе только в XVIII веке. Но какое же ужасное влияние они должны были оказать на жизнь женщин, на их психику, на их духовный и умственный рост. После всего этого находятся еще люди, удивляющиеся, что среди женщин так мало выдающихся сил в науке и искусстве. Да не это удивительно. А удивительно то, что, несмотря на все это, они все же выдвигали недюжинные силы. Прочтите "Три женские судьбы" Эллен Кей. Вы там увидите, как легко могло бы случиться, что и славная наша Софья Ковалевская заглохла бы, как глохнут многие женские силы под влиянием той духовной инквизиции, которой подвергались женщины так недавно и от которой они еще не совсем освободились теперь. Разве не средневековьем отдает это изгнание русских женщин из университетов? Но все же все пытки и преследования средних веков, насмешки и запреты нового времени не в силах угасить духа женщин. И под мужскими псевдонимами, прячась за мужчинами, вдохновляя и толкая их, женщины принимали участие в умственной и общественной жизни человечества. Краткую историю этого женского мартиролога я изобразила в своей брошюре "История женского движения и его задачи". И теперь повторяться не стану. Мы там видели, как во всех странах всегда передовые люди, ставили ли они на своем знамени гордую декларацию "прав человека", боролись ли за "свободу, равенство и братство", всюду разумели мужчину. Для чего все права, все эти блага? Услуги женщин, их труд, их жертвы, до эшафота включительно, принимались охотно, но претензии их делить с мужчинами эти блага встречались с большим удивлением, негодованием, презрением, клеймились насмешливой кличкой - феминизм! Время шло. Условия жизни стали другие. С развитием фабричного производства лозунги борьбы переменились. Люди борются за экономическую независимость. Выступила на сцену классовая борьба. Одно из могучих средств этой борьбы есть участие всех граждан в делах общества и государства. Всюду идет борьба за всеобщее избирательное право. Что же называется на языке мужчин всеобщим избирательным правом? Конечно, всеобщее избирательное право для мужчин. Для женщин же, борющихся за то же право участия в общественной и государственной жизни, тяготы которой они несут, с переменной картины придумана новая насмешливая кличка - суфражисток и суфражеток и т. д. Я оговариваюсь раз и навсегда: во все времена, всюду и везде были мужчины с ясной головой, с развитым чувством справедливости и пониманием общественных интересов, которые стояли за равноправие женщин. Я это достаточно выяснила в упомянутой брошюре. Имеются они и теперь в партиях.

В Европе теперь три господствующие партии: либеральная, консервативная и социал-демократическая.

Посмотрим, каково их отношение к политическим правам женщин. Либеральная выставила в своей программе, эстетики ради, в виде украшения, равноправие женщин. Но всюду, где только может, она не допускает его осуществления, не находит это еще своевременным, так как все женщины, видите ли, поголовно консервативны и от этого может произойти одна выгода для консерваторов. На этом основании вы можете подумать, что консерваторы открывают нам свои объятия? Ничуть не бывало. Эти выдвигают другие мотивы: священный домашний очаг, детей, штопанье носков. Но про себя они думают другую думу. Предки их недаром сжигали ведьм. Они знают, что женский дух пытлив, прогрессивен, и не они, конечно, будут содействовать вмешательству женщин в излюбленный ими современный общественный строй.

Третья партия -• социал-демократическая. Эта партия претендует на то, что она искренне всегда желала равноправия женщин, что она одна воплощает всю справедливость. Я надеюсь доказать, что и здесь равноправие женщин служит только украшением программы. Я надеюсь убедить женщин, что им не следует ждать свободы от мужчины, как бы он ни назывался: либерал, консерватор или социал-демократ. Пока мужчина будет иметь возможность угнетать и унижать женщину, он будет это делать. "Что мне в имени твоём?" Не в названии дело, а в той власти, которую мужчины присвоили себе и которую они так ревностно охраняют. Не думайте, что я проповедую поход против мужчин. Я скажу это всем бесправным, всем угнетенным: "Не ждите великодушия ни от кого, защищайте сами свои права, ставьте людей в невозможность господствовать над вами, оградите себя законами. История учит нас, что угнетаемые, добравшись до власти, сами делались угнетателями. Поставьте их в такое положение, чтобы им неповадно было угнетать вас". Женское движение внепартийно. Оно стремится вывести женщину из угнетенного, унижительного состояния, в котором она находится, и ищет родственную сочувствующую душу. Увы, оно ее не находит ни в одной партии. Мне скажут: а Штутгартская резолюция? А я сошлюсь на "Русскую правду" Ярослава Великого. Ведь гуманный закон "Русской правды" не доказывает, что во время Ярослава не было кровавой мести. Напротив. Он это подтверждает. (Между прочим, и тут за убитую женщину назначалась меньшая вира, чем за убитого мужчину.) И Штутгартская резолюция подтверждает мои слова. Иначе непонятно ее появление. Ведь социал-демократическая партия существует не со Штутгартского конгресса, и в программе ее всегда значилось равноправие женщин. Зачем же понадобилась эта резолюция: "Социал-демократические партии всех стран обязаны энергично бороться за введение всеобщего женского избирательного права"? Значит, до этого они не считали себя обязанными? По поводу этой резолюции социал-демократов женский журнал "Die Gleichheit" ("Равенство") выражает удовлетворение, что конгресс принял эту резолюцию безусловно, ясно и "недвусмысленно высказался за требование женских политических прав без всяких соображений о целесообразности". Мы дальше увидим, что и это бывало. Резолюция эта была принята под давлением женской международной социал-демократической конференции, созванной впервые тут же, в Штутгарте. Можно смело сказать, что резолюция эта принята под влиянием так называемого буржуазного женского движения, с одной стороны, и из боязни, чтобы какая-нибудь другая партия их не опередила и тем не отвлекла бы значительное число членов, хотя бы и женщин, - с другой.

Немало огорчения доставили конференции английские и австрийские делегатки. Первые тем, что стоят на точке зрения так называемого буржуазного женского движения, то есть понимают женскую борьбу не столько как классовую, сколько как борьбу двух полов, и участвуют в общем женском движении. А вторые, находясь под сильным влиянием своих товарищей - мужчин, готовы при случае из тактических соображений поступиться своими интересами. Теперь часто возникают споры, кто первый сказал "э": буржуазная или пролетарская женщина. Не все ли равно? Вернее, что и та и другая в одно время. Но несомненно, что подняла движение

первая, как более образованная и более досужая, она должна была обратить внимание на ненормальное положение женщины в обществе и государстве. Я опять, чтобы не повторяться, сошлюсь на свою брошюру. Мы видели там, что на всем протяжении женского движения целью его было улучшение положения рабочей женщины-труженицы, общее благо государства и всего человечества, а не узкие классовые интересы. Казалось бы, в этом оно не должно бы встречать противодействия со стороны с.-д. Так нет же. Тактика у женского движения не подходит под их шаблон. С.-д. нужно, как тому щедринскому городовому, чтобы их обыватели ходили в одну сторону - так начальству спокойнее, - но обыватель ходит по своему усмотрению, куда сам находит нужным. Как бы то ни было, освободительное движение женщин, всех женщин, начинается в Америке вместе с борьбой за независимость и в Европе с 40-х годов XIX века. Среди же с.-д. возникает вопрос о равноправии женщин только в конце 60-х годов. Возбуждает его Юлиус Моттелер. "Но, - говорит с.-д. журнал в своем некрологе Моттелеру, - в тогдашнем пролетариате господствовали по отношению к женщине те же предрассудки, что и среди буржуазии". Они господствуют и теперь, добавлю я. Только женское движение освободит женщину. "Тирания мужчины над женщиной, - говорит Бебель, - подобна тирании буржуа над пролетарием". Бебель видит два класса, заинтересованных в перемене современного строя, - *пролетариев* и *женщин*. "Женщина-пролетарий, - говорит он, - стоит духовно ближе к женщине буржуазного или аристократического класса, чем мужчина-пролетарий к мужчине тех же классов". А я скажу - чем даже женщина-пролетарка к мужчине-пролетарию. Ибо стонут они обе под одним общим игом, одним бесправием, называется ли оно просвещенным деспотизмом или грубым насилием. Мужчина всех слоев общества, всех классов слишком заинтересован в порабощении женщины, а главное, он слишком унизил ее, чтобы сразу решиться уравнивать ее в правах с собой. Женщина должна сама завоевать принадлежащее ей место и заставить уважать себя.

Я, господа, не голословна. Я, как все искренне преданные делу люди, искала, где больше сочувствия, на кого можно бы опереться, и сделала маленькую анкету. Как близко к сердцу принимают равноправие все другие партии, я знала. Тут для меня не было никаких сомнений. Я знала, повторяю, что во всех партиях у нас имеются сочувствующие лица, но что на всю партию, как таковую, нам рассчитывать нечего. Относительно же социал-демократической, каюсь, у меня были некоторые иллюзии. В октябре 1906 года я обратилась к представительницам с.-л. движения: в Англии - к Доре Монтефиоре, во Франции - к Мадлен Пельтье и в Германии - к Кларе Цеткин. Я поставила им следующие вопросы: 1) с какого времени началось у них с.-д. женское движение, 2) почему они выделились в отдельные "женские организации, а не состоят членами готовых уже мужских организаций и 3) как относятся к их стремлениям их товарищи - мужчины. Ответы получились следующие:

Письмо г-жи Монтефиоре. *Чтобы категорически ответить на ваши вопросы, я должна сначала объяснить вам, что у нас, в Англии, имеются две социальные партии - социал-демократическая и независимая рабочая партия. Программа их приблизительно одна и та же, отличаются они главным образом по темпераменту. С.-д. партия более догматична, независимая рабочая партия - более гуманитарна. С.-д. организация не интересуется нашим женским движением, говоря, как говорят с.-д. и в России, что существует лишь одно движение - движение рабочих. Напротив, независимая рабочая партия настолько принимает в нем участие, что Кейр Гарди, ее президент, более всех содействует нам в парламенте. К организации для требования права голоса побудило наших работниц то, что в последнее время английские рабочие, желая добиться в парламенте больше прямого представительства, основали Комитет представительства труда, состоящий из социалистических организаций и тред-юнионов, с целью оплачивать расходы по выборам и для платы рабочим депутатам (в Англии члены парламента не получают вознаграждения). Чтобы организовать этот Комитет представительства труда, пришлось обратиться к каждому тред-юниону с просьбой делать особый взнос на нужные расходы. Но в некоторых союзах (союз текстильный) работниц*

оказалось больше, чем рабочих. Работницы охотно согласились помогать своими взносами платить парламентскому рабочему представителю, но они скоро заметили, что он представляет не их, а только мужские интересы. Работницы уже начинают понимать то, что я и другие женщины моих взглядов стараемся объяснить им в течение нескольких лет, а именно что если женщины будут теперь лишены возможности влиять на законы и изменять их, то грядущий социализм будет мужским социализмом и, следовательно, будет иметь для человечества немногим больше цены, чем теперешний социальный строй. Поэтому-то мы и боремся теперь с таким упорством.

*Письмо 2-жи Пельтье.* Почти во всех ремеслах, где есть мужчины и женщины, синдикаты смешаны. Женские же синдикаты имеются в исключительно женских профессиях. В конфедерации труда женщины занимают то же положение, что и мужчины... В принципе с.-д. занимают по отношению к феминизму положение враждебной инертности. Со стороны лидеров - присоединение на словах, со стороны массы - явное противодействие.

При вступлении в партию женщина, если она не является в сопровождении своего мужа, встречается враждебно. И если есть предлог не принять ее, то им не забывают воспользоваться. Если уж ей и удалось пройти, то делается все возможное, чтобы отнять у нее желание приходить: около нее не садятся, с ней не разговаривают, все интересное решается помимо нее. Наконец, если она так или иначе выдвинется, это возбуждает ненависть и зависть. Что касается женских требований, то о них нет и речи. Если же какая-нибудь женщина заговорит о них, то делается все, чтобы замять этот вопрос: "Конечно, мы сторонники права голоса для женщины, но, в конце концов, право голоса не имеет такого значения. Надо начать с перевоспитания женщин, за тем уже хлопотать о праве голоса. А прежде всего дело женщины - готовить суп".

При вступлении в партию я поставила своей задачей изменить это положение вещей. С большим трудом мне удалось поставить этот вопрос на конгрессе в Лиможе, где, сделав все, чтобы не обсуждать его, уделили ему наконец очень маленькое место. Было решено представить проект закона, но выбранные для этой цели уполномоченные предоставили всю работу мне. Я должна была считать себя счастливой, что они соглашались представить в Палату выработанный мною проект.

В качестве председательницы довольно значительной группы женщин я попробовала убедить их вступить в партию. Поражение было полное. В секциях им был оказан вышеописанный прием. Теперь их отношение к социалистам скорее враждебное. Мне пришлось изменить тактику: я, сколько могу, организую женщин на почве феминизма и время от времени прошу содействия на собраниях одного или нескольких социалистов-демократов. Надо сознаться, что женщины очень инертны. Если бы они энергично требовали себе места, то в конце концов им бы и дали его. Они также и очень робки. Они не приходят на партийные собрания, потому что они происходят по вечерам, после собраний отказываются идти в кафе, так как это неприлично... а между тем все дела решаются в кафе.

По-моему, главная причина враждебности партий к феминизму та, что партия состоит из рабочих. Только среди интеллигенции женщина может надеяться на некоторую справедливость, для рабочего же она только самка и служанка.

Клара Цеткин в любезном письме указала мне на отчет с.-д. женской конференции в Мангейме, на которой рассматривался вопрос о политических правах женщин. Тут я нашла факты, ставящие под большое сомнение дружеские чувства соцдемократов к нам. Так, например, в Бельгии в 1902 году соцдемократы отказались от требования избирательных прав для женщин. Конечно, из весьма тонких соображений о "целесообразности", но разве не все равно, кто вам зажимает рот, тонкие ли соображения соцдемократа или грубая рука полицейского? И, что

всего хуже, выбросив, как ненужный балласт, женское равноправие, они все же не добились всеобщего избирательного права для себя.

Та же самая история и с тем же самым результатом повторилась в Швеции и Австрии. Когда здесь так называемые буржуазные женщины вели отчаянную борьбу, соцдемократы не только не агитировали за уравнивание и женщин в правах, но они еще убедили своих товарищей-женщин - опять-таки из разных тонких соображений - агитировать за всеобщее избирательное право мужчин только. Ни требование избирательных прав для женщин не было выставлено, ни агитация не велась в пользу этого. Оно просто, без всякой нужды, с легким сердцем было отброшено. И мы опять остались при прекрасной с.-д. программе для будущих времен. Но пойдем дальше. В 1906 году во Франции консерваторы потерпели поражение при парламентских выборах. Чтобы обеспечить себе лучшее будущее, они вздумали искать поддержки у женщин и подняли вопрос о равноправии их. Либералы, как водится, моментально забыли про свой либерализм и стали доказывать, что уравнивание женщин в правах грозит чуть ли не самому существованию республики. А социалисты? Их положение было трудное. И вот "Revue Socialiste" предпринимает опрос всех европейских социалистических лидеров. И заметьте, вопрос был так и поставлен: какое положение должна занять партия, имеющая в своей программе равноправие женщин, если правые внесут этот вопрос? Ответы получились любопытные. Нигде не сказано, что социалисты должны внести сами этот проект. Все доказывают только, что опасность не так велика, как это кажется, и что если вопрос будет внесен правыми, то не пристало социалистам идти против своей программы. Вандервельде, например, хотя и объявляет себя сторонником женского равноправия, но признается, что понимает колебания партии.

Эдуард Бернштейн говорит, что понимает всю справедливость этого требования, считает женщину весьма способной к законодательной работе, прибавляет еще массу других комплиментов, но признается откровенно, что, если бы ему пришлось принести равноправие женщин в жертву другим, более важным вопросам, он несколько не задумался бы это сделать. Но все же рекомендует, если бы клерикалы внесли это предложение, вотировать за принятие его.

Каутский говорит: "Казалось бы, в ответе на поставленный вопрос не может быть никаких сомнений, если бы мы не знали, что в *некоторых странах* на *некоторых* товарищей наших нападает легкая дрожь пред этим вопросом. Они относились с энтузиазмом к нему, пока не предвиделось его осуществление. Но их сомнения росли по мере того, как стала приближаться возможность его". Эта анкета была для меня последним ударом. Для меня ясно стало, что женщинам не следует надеяться ни на одну партию. Им нужно организовать самим: всем женщинам всех классов, как это делают англичанки, - и вербовать друзей во всех партиях, где они только найдутся. Женщинам нужно добиться права голоса во что бы то ни стало. Только тогда станут считаться с их волей, только тогда они смогут исправить то зло в человеческих отношениях, которое составляет плод однополостного общественного строя. Не утешило меня и Штутгартское постановление.

И тут законы пишутся, по-видимому, для того, чтобы их не исполнять. В апреле сего года венгерские соцдемократы выступили против требования женского равноправия и заявили в главном своем органе "Nyoszaun", что считают вопрос о женском равноправии вообще несвоевременным. То же самое произошло и в Богемии.

13 сентября голландские соцдемократы вместе с независимой рабочей партией устроили митинг. Ораторов было 12, между ними одна женщина. Вопрос шел о всеобщем избирательном праве. Большинство о женщинах совершенно забыло. Трое обратилось к женщинам с просьбой поддержать их, не пообещав даже в свою очередь сделать что-нибудь в пользу женского

равноправия. Один только Трельстра, лидер голландской с.-д. партии, говорил о необходимости пропаганды среди женщин, чтобы они могли сделаться живой силой для рабочего класса, вместо того чтобы быть мертвым балластом. И здесь цель чисто утилитарная, эгоистичная. Как видите, хорошие законы еще не доказывают, что и нравы хороши.

Одно из обвинений, бросаемых соцдемократами буржуазным женщинам, это то, что они обособляются, создают особое женское движение, а не сливаются в одной общей борьбе с мужчинами. В упомянутой брошюре своей я показала фактами, что женщины только этого и хотели, но что их всюду отталкивали, заставляли организоваться отдельно. В некоторых областях Германии соцдемократы имели до сих пор предлог - законы, не позволяющие женщинам участвовать в политических собраниях. Ну, а в других частях Германии, где этого препятствия нет? Послушайте только жалобы на той же Мангеймской конференции депутатки из Вюртемберга фрау Шраден. Там представитель партии прямо заявил, что женщины слишком глупы, чтобы слушать рефераты в собраниях. Другая делегатка, Радель-Гера жалуется: "В первый раз три округа. Рейс, Альтенбург и Веймар, послали делегатку на женскую конференцию. Нелегко было нам довести наших товарищей - мужчин до этого. Если мы допустим, говорили они, чтобы ваши женщины принимали участие в агитации, то дети наши покроются вшами". Г-жа Вейман из Лейпцига говорит: "Вначале и у нас было не лучше. Многие товарищи-мужчины не понимали всего значения женского движения. Но это менялось с успехами нашего *движения*". И тут же она говорит о специально женских нуждах, о воспитании детей, яслях, школах, которые им так близки. И всюду женщины организуют сестру свою пролетарку, а не мужчины. Последние скорее тому противодействовали.

В Италии десятки тысяч работниц работают на рисовых плантациях. Неорганизованные, они страшно эксплуатируются. Г-жа Альтобелли и другие не раз обращались в партию за разрешением образовать женскую рабочую организацию и получали в ответ, что в этом нет надобности, что женщины Италии имеют полную возможность вступать в мужские организации. Как эти организации гостеприимны по отношению к женщинам, мы видели из письма г-жи Пельтье. Как бы то ни было, но в 1902 году такое ходатайство было отклонено. Время шло, и итальянские работницы оставались неорганизованными, и только в 1906 году они получили разрешение организоваться. И опять-таки над этой организацией работают женщины, а не мужчины, они устраивают съезды, конференции и т. п. Правда, сделав эту уступку, соцдемократы говорят, что это только разделение труда, что у женщин имеются свои вопросы, такие, как женское избирательное право (как видите, это у них считается чисто женским вопросом), защита детей, обеспечение рожениц и т. д., в которые не могут вникать глубоко партийтаги ("Gleichheit", 1908, № 18). А мы же, так называемые буржуазки, что говорим? Вы посмотрите, какой переполох произвел в Германии закон 15 мая среди соцдемократов.

Издавна существуют в Германии женские с.-д. образовательные клубы, начало которым положено так называемыми буржуазными женщинами. В этих клубах образовывались и учились пролетарские женщины. С введением же упомянутого закона, разрешающего женщинам принимать участие в политических собраниях, партия нашла, что в этих отдельных клубах нет больше надобности, под предлогом, что это лишняя трата сил. Послушайте же, что говорят по этому поводу соцдемократки. "Gleichheit" пишет: "До тех пор, пока приговором партийных инстанций мужчинам не запрещено, как излишняя трата сил, собираться в клубах для игры в кегли, курения и т. д., нет никакого основания запрещать повсюду и женщинам собрания, которые могут при случае развернуть полезную деятельность".

Далее: "Отдельные женские организации необходимы, потому что женщины, за немногими исключениями, не решаются проводить свои мнения в мужских собраниях, тем более что и товарищи наши - мужчины не всегда, как известно, на практике служат интересам равноправия" ("Gleichheit", № 19). Не кажется ли вам, что это говорим мы, грешные буржуазки?

Если это классовая борьба, то уж, конечно, борьба класса женщин против класса мужчин. Жизнь сильнее всяких теорий. Проповедуя постоянную совместную работу, нападая на буржуазных женщин за их отделение от мужчин, соцдемократы и сами не заметили, как у них постепенно выросло женское движение, которое уже носит официальное название пролетарского женского движения, у которого свои клубы, пресса, съезды, конференции. Мы видели даже уже и первый международный женский социалистический конгресс, который из скромности для начала назвал себя конференцией. Женское с.-д. движение за последнее время стало делать такие быстрые успехи, что мы можем только радоваться. Женские с.-д. организации возникают в таких странах, где о внешней помехе работать вместе с товарищами-мужчинами не может быть и речи.

Я заканчиваю и резюмирую в кратких словах все сказанное. Итак: женщины никогда не мирились со своим униженным положением. Это доказывают все меры, предпринимаемые во все времена для обуздания их. Чтобы сохранить, привилегии мужчин, прибегают и прибегают ко всем мерам: охраны: усиленной, чрезвычайной и даже военной, как видим мы теперь в Англии. Все терема, гаремы, все эти "табу" для женщины, наложенные на все то, что доставляет удовольствие мужчине и с чем ему не хочется делиться с нею, доказывают, что дух сопротивления велик у женщин. "От всех этих запретов можно бы одуреть, - говорит Михайлов, - если бы здравый смысл не спасал женщину". И еще я скажу, униженное положение женщины не доказывает ее низшую породу, как угнетатели всякого рода не принадлежат к лучшей части населения. Я не объявляю похода ни против мужчин вообще, ни против социал-демократов в частности. Еще меньше против теории сил последних. Я только против того, чтобы мы, женщины, ждали свободы от них. Все прошлое человечества не оправдывает таких ожиданий ни по отношению к женщине, ни по отношению к угнетенным вообще. Освобождались лишь те, кто, восстав, писал свои законы.

*Е. Кувшинская (СПБ)*

## **Женщина и политика**

Выступление массы женщин на защиту их политических и гражданских прав наблюдается в настоящее время как в странах Старого, так и Нового Света и носит характер не только устойчивого, но и постоянно растущего явления, полного жизненных сил. Где же источник этого движения, неудержимо прокладывающего себе дорогу вперед?

Фактором, породившим борьбу женщин за политические права и постоянно привлекающим новых борцов из женской среды на защиту их прав, служит характер капиталистического развития, толкающий массы женщин на путь самостоятельного заработка. Уже давно рост легкой промышленности с сопровождавшим его удешевлением товаров лишил мало-помалу всякой ценности целый ряд домашних работ, на которые прежде уходила вся жизнь женщин и девушек в огромной массе семей. Обесценив продукты их разрозненного кустарного труда, прогресс капиталистического развития властно призвал женщин к самостоятельному заработку за пределами домашнего очага и толкнул их в некий океан общественной жизни в качестве людей, самостоятельно зарабатывающих себе средства к существованию.

Новый образ жизни миллионов женщин вызвал среди них настоятельную потребность сбросить с себя путы, тысячелетиями стеснявшие их самостоятельность, и в настоящее время неудержимо толкает Женские массы на борьбу за отмену политических и гражданских законодательных актов, ограничивающих политические и гражданские права женщин и не соответствующих более реальному соотношению общественных сил. Однако, намечая общие задачи в деле политического и гражданского раскрепощения женщин, женское движение отнюдь не является однородным как по характеру входящих в него элементов, так и по

отношению этих разнородных элементов к основным вопросам политики и тактики женского движения. Противоположность классовых интересов, так резко дающая себя знать на каждом шагу в мужской среде, само собой разумеется, сказывается также и в женской среде и вносит неизбежную дифференциацию в женское движение. И уже в настоящее время на почве противоположности классовых интересов женское освободительное движение распалось во всех странах, где оно только имеется, на два течения: на женское буржуазно-демократическое движение и на движение пролетарское.

Насколько неизбежным явилось это распадение, видно, между прочим, из совершенно различного отношения женщин буржуазно-демократической среды, с одной стороны, и пролетарок - с другой, к принципу всеобщего избирательного права для всех граждан, без различия пола, несмотря на то, что этот принцип выставляется как на пролетарском знамени, так и в программах буржуазно-демократического женского движения. В то время как пролетариат, мужской и женский, видит во всеобщем избирательном праве средство для уничтожения всех привилегий и монополий государства и могучее орудие для коренного переустройства современного капиталистического общества на началах социализма, само собой разумеется, что буржуазно-демократическое женское движение не усматривает в такой перспективе ничего заманчивого для себя, с точки зрения классовых интересов буржуазии. Более того, буржуазия со страхом и трепетом взирает всегда на пролетариат, энергично Добывающий себе всеобщее избирательное право как средство для завоевания лучшей доли и счастья. Вот почему буржуазия всех стран в лице своих, как мужских, так и женских, представителей не готова, даже в период ее оппозиционных выступлений, заменить провозглашаемый ею принцип всеобщего избирательного права цензовым избирательным правом, этим барьером, сдерживающим напор трудящихся масс в их стремлении к политической власти. Недавним примером такого отношения женской буржуазной демократии к вопросу о всеобщем избирательном праве служит поведение феминисток в Норвегии в 1907 году, ставших всецело на сторону цензового представительства и резко отмежевавшихся от тактики рабочего класса, выступившего с требованием полной отмены имущественного ценза.

Со своей стороны социал-демократия в Англии с Квелчем во главе и в Германии в лице Цеткин и других совершенно справедливо показывает рабочим, что в избирательном праве, ограниченном тем или другим цензом, имущие классы приобретают новую привилегию, с помощью которой усиливается их господство над бесправной частью населения. Вот почему социал-демократия на Западе не раз указывала женщинам-пролетаркам, что им не следует поддерживать буржуазно-демократическое женское движение в его борьбе за цензовое представительство.

Предупреждая работниц относительно того, насколько ненадежного союзника в борьбе за всеобщее избирательное право они имеют в лице буржуазной демократии, социал-демократия постоянно ставит на вид женскому пролетариату, что в борьбе не только за всеобщее избирательное право, но и за другие реформы в интересах труда место женщин-пролетарок в рядах общей пролетарской организации, как мужской, так и женской. Вместе с тем история наглядно показала, что, только идя рука об руку с организованным мужским пролетариатом, работницам удалось добиться всеобщего избирательного права в Финляндии, в Новой Зеландии и в Западной Австралии. Во всех этих странах требование всеобщего избирательного права для женщин было выдвинуто рабочим классом, который самым кровным образом заинтересован в том, чтобы избирательное право не было обусловлено цензом, а действительно сделалось бы достоянием всех совершеннолетних женщин, так как от этого, бесспорно, сильно возросло бы политическое значение рабочего класса в целом.

Переходя к России, мы наблюдаем здесь уже на заре женского освободительного движения, что женский пролетариат не вступает в организацию женской буржуазной демократии, несмотря на

обещания последней встать "вне классов и вне партий", а входит в ряды своих товарищей-рабочих. Такая тактика русских вытекает из сознания, что успех освободительного движения женщины-работницы неразрывно связан в России, как и везде, с успехом классовой борьбы пролетариата в целом, и этой борьбе должны безраздельно принадлежать все пролетарские силы.

Со своей стороны, признавая всецело, что место работницы там же, где место и мужчины-рабочего, в рядах классовой пролетарской организации, мы в то же время допускали, что в России снова может наступить момент, всем нам еще памятный, когда силы всех русских демократических партий смогут слиться на почве общего тактического выступления, хотя бы в борьбе за всеобщее избирательное право. Но что же нужно, чтобы организованный пролетариат, как мужской, так и женский, мог участвовать в таком, хотя бы временном, объединении своих усилий с усилиями других демократических партий? Прежде всего, подъем настроения в рядах этих демократических партий и соответствующий этому подъему характер тактики. Только при наличии этих условий у русских демократических партийных и других организаций явится возможность применить известное правило: "Отдельно идти, но вместе быть".

### **3. ФЕМИНИЗМ И ПРАВО**

*А. Н. фон Рутцен (СПБ)*

#### **Законодательные предположения партии народной свободы**

##### **в области равноправия**

Программа партии народной свободы, установленная окончательно во втором делегатском съезде партии в то время, когда конституционалисты-демократы готовились выступить на выборах в наше первое представительное собрание, начинается словами: "Все российские граждане без различия пола, вероисповедания и национальности равны перед законом".

Первая Дума не без основания называется кадетской, да и на самом деле партии народной свободы в этой Думе пришлось нести ответственность если не за результаты законодательной работы, то за направление ее. Посмотрим, что сделала или, лучше сказать, что стремилась сделать партия, чтобы провести в жизнь слова, поставленные в первых строках ее символа веры.

В первом деянии Государственной думы, в политическом акте громадной важности, определявшем направление всей деятельности ее, в адресе на Высочайшее Имя уже повторено основное положение кадетской программы.

То, что в адресе было выражено сокращенно, партии надлежало развить путем законодательной работы, и вот на третьей неделе фактического существования в стране представительного строя, 15 мая 1906 года, было внесено законодательное предположение, заключающее в себе основные положения законов о гражданском равенстве.

Сто пятьдесят один депутат, в числе которых подписались едва ли не все наличные члены кадетской фракции, предложили Государственной думе "приступить к выработке ряда законопроектов, покоящихся на следующем основном положении: все граждане без различия пола равны перед законом".

Эти немногие слова, знаменовавшие преобразование не только всего гражданского, но частью и политического строя, требовали для проведения в жизнь создания цикла законов, предполагали обширнейший и сложный законодательный труд. "Гражданское неравноправие", по справедливому указанию членов Думы, воспользовавшихся в этом случае своей законодательной

@224

инициативой, "так глубоко проникло во все части нашего законодательства и охватило в такой мере все сферы жизни, что устранение его путем единого законодательного акта представляется невозможный".

Неравноправие выражается, продолжают они, перечислив все случаи проявления его в наше правовом обиходе, "наконец, в устранении лиц женского пола от пользования во всей полноте правами, предоставленными лицам мужского пола".

Широко задуманная реформа предусматривала создание четырех разрядов законов, из которых первый относился к ограничениям крестьян как сословия, второй - к ограничениям, обусловленным национальностью и религией, третий - к отмене привилегий дворянства по образованию и государственной службе, по владению недвижимым имуществом и по участию, в местном самоуправлении.

Наконец, в основе четвертого разряда должно было быть положено начало, согласно коему "ограничения, установленные для лиц женского пола гражданскими законами, ограничения в праве получать образование на всех ступенях, ограничения в активном и пассивном избирательном праве и все вообще ограничения в публичных правилах, поскольку этому не препятствует существо обязанностей, связанных с этими правами, подлежат отмене".

Предложение Думою было признано спешным, и для рассмотрения его избрана комиссия из 33 членов. Комиссия приступила к работе, но трудам ее не было суждено появиться в Думе.

Во вторую Думу кадетская фракция не внесла закона о гражданском равенстве. Еще в первое междудумье и во время сессия второй Думы партия народной свободы продолжала усиленно ранее организованную ею параллельную думской работе партийную законодательную работу.

Одной из партийных комиссий было поручено превратить в законодательные акты, облечь в плоть и кровь основные положения одобренного первой Думой закона о гражданском равенстве. Этим путем предполагалось выиграть время, освободив поле думской работы для других законопроектов, быть может, и не более важных, но, по существовавшей тогда политической конъюнктуре, более неотложных. К числу таких законопроектов принадлежал "Проект основных положений о выборах в Государственную думу", внесенный 17 апреля 1907 года фракцией народной свободы за подписью 36 членов. Основные начала избирательной системы не только были установлены в момент формального учреждения конституционно-демократической партии, но в распоряжении партии имелись уже подробные проекты проведения в жизнь этих начал. Кадетская фракция в первой Думе немедленно организовала комиссию для составления соответствующего законопроекта. В начале июля 1906 года работа фракционной комиссии закончилась, и около июля закон о всеобщем избирательном праве должен был быть внесен в Думу, но за роспуском Думы внесение не состоялось" После этого законопроект подвергся дважды пересмотру во фракционных комиссиях и, наконец, как я только что упомянул, был внесен во вторую Думу

"Существенной особенностью законопроекта, - так говорится в сопровождающей его объяснительной записке, - является предоставление избирательных прав российским гражданам обоего пола, другими словами, полное уравнивание в избирательном праве женщин с мужчинами".

"В прошлой исторической жизни России, - говорится в записке далее, - мы не находим тех условий, на почве которых могла бы возникнуть и укрепиться идея неравенства в политических правах мужчин и женщин. Перед лицом неограниченной государственной власти женщины и мужчины были в своем политическом бесправии равны, они были равны в борьбе за политическое и социальное раскрепощение России.

Полагая основы обновленного государственного строя России, законодатель не должен вводить в общественное сознание народа идеи политического неравенства и бесправия женщины - идеи, которые, отвердевая с течением времени, становятся непреодолимым или, по крайней мере, нелегко устранимым препятствием прогресса".

Обсуждение законопроекта, как и обсуждение многих законопроектов, внесенных во вторую Думу кадетской фракцией, за роспуском Думы не состоялось.

Положение о выборах в Государственную думу, в отличие от основных положений закона о гражданском равенстве, представляет собой вполне законченную законодательную работу. О внесении ее в Думу 3 июня вопроса" насколько мне известно, еще не поднималось. Есть, наконец" одна область публичного права, относительно которой до последнего, по крайней мере, времени, существовала, по-видимому, надежда на устранение неравноправия женщин. Господствующая в третьей Думе партия поставила на своем знамени равноправие женщин по отношению к представительству в органах местного самоуправления.

Парламентская фракция народной свободы изготовила законопроекты, имеющие целью проведение в жизнь пункта 21 программы партии, гласящего, что "представительство в органах местного самоуправления, приближенное к населению путем учреждения мелких самоуправляющихся единиц, должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании, без различия пола, вероисповедания и национальности". Соответствующие программным положениям законопроект о выборе уездных земских гласных и проект закона о выборе гласных в городские Думы были начаты разработкой во фракционных комиссиях еще во время сессии первой Думы и закончены во время заседаний второй.

Проект закона об изменении порядка избрания уездных земских гласных внесен одновременно с положением о выборах в Государственную думу 17 апреля 1907 года за подписью 43 депутатов-кадетов. Закон о выборах в Городские Думы был одобрен парламентской фракцией партии народной свободы во второй Думе, но не представлен в Думу за ее роспуском. Предоставление мужчинам и женщинам равного избирательного права устанавливается соответственными статьями обоих законопроектов. Тот же принцип включен в партийный законопроект о волостных земских учреждениях и во вновь составленный партийный же законопроект о выборах уездных земских гласных, отличающийся от представленного во второй Думе законодательного предложения только согласованием его с законом о мелкой земской единице.

Все последние законопроекты не выходили еще за пределы фракционного обсуждения.

Вот и все, милостивые государыни и милостивые государи, что сделала до сих пор партия Народной свободы для осуществления принципа, во имя которого мы собрались.

Фактических результатов, как вы, конечно, знали и раньше, нет, но не этим одним объясняется краткость сегодняшнего моего к вам обращения. Аргументов в защиту великого принципа, проникающего, как мы видели, в самую суть законопроектов, мною здесь упомянутых, вы от меня, вероятно, не ожидаете. Все, что я сказал бы вам, было уже сказано много раз, и сказано неизмеримо сильнее того, чем я мог бы задержать сегодня ваше внимание. Новых доказательств необходимости уравнивания женщин в гражданских и политических правах с мужчинами нам не нужно. С другой стороны, принцип женского равноправия вошел в кадетские законопроекты во всей полноте своей и равноправие мужчин и женщин, гражданское и политическое, провозглашено в абсолютной форме; обстоятельство это делает излишним с точки зрения, которая нас занимает, объяснение отдельных положений законопроектов.

Нам могут сказать, что конституционалистам-демократам не следовало делать даже попытки к осуществлению своих программных требований во всей их широте, что такая попытка заранее обречена на неудачу. Кадетам надлежало, может быть, подобно мореплавателям времен парусных судов, в борьбе с противными ветрами направляться не к тому месту, которого они намерены достигнуть, а лавировать, то есть двигаться зигзагообразно, выигрывая в одном направлении и теряя в другом. Я думаю, что действовать так было невозможно. В ту столь близкую к нам, по крайней мере по времени, эпоху страна была охвачена неодолимым стремлением к справедливости. То, с чем возможно было, быть может, примириться в другие времена - отсутствие полного равноправия полов, приобретение мужчинами политических прав сначала только для себя, - представлялось недопустимым в период повышения общественного чувства права и правоты, болезненно реагировавшего на всякую несправедливость. Я думаю, что действовать тогда иначе кадеты не могли. Я иду далее - действовать иначе теперь только кадеты не должны. Перед каждым политическим деятелем нередко встает вопрос, идти ли прямо к твердо намеченной, правильно поставленной, но трудно достижимой цели или подвигаться из стороны в сторону, часто теряя из виду конечную цель, меняя направление, без уверенности в том, что подвигаешься вперед. Для конституционалистов-демократов этот вопрос решен. Партийная законодательная работа парламентская и внепарламентская, производится неуклонно в русле, пробитом еще на заре нашей конституционной жизни, расширяя и углубляя это русло в ожидании момента, когда по нему мощным потоком устремится законодательная воля страны. Когда это наступит, мы, конечно, не знаем, наша обязанность - готовить спокойное течение светлотекущему потоку права, который принесет с собой светлое будущее. Наступит это будущее, быть может, ранее, чем мы того ожидаем.

Мне остается сказать еще немного. Конституционалисты-демократы, поставив равноправие женщин основным пунктом своей программы, развили это положение во всех без исключения законодательных областях, где оно только могло иметь применение. Всюду принцип равноправия был проведен без малейших

@228

ограничений. Законодательные предложения партии стоят на разных степенях технологичной законченности. Наиболее далеким от завершения представляются законы о гражданском равенстве, но все трудности, которые остается преодолеть, суть трудности законодательной техники. Споры принципиальных или даже споров о своевременности постановки того, что называется женским вопросом во всей его широте, в партийных организациях не возникает. Далека ли от нас конечная цель или достижение ее есть вопрос ближайшего будущего - партия народной свободы движется к цели прямым путем. Ее можно сдержать, можно даже остановить, но сбить с пути невозможно.

В краткие дни первой Думы, в тяжкое время междудумья, в наступившее теперь безвременье, на думской кафедре, в тиши партийной работы кадеты стремились и продолжают стремиться к

созданию в стране такого положения, когда русские граждане будут наконец равны перед законом "без различия пола, вероисповедания и национальности".

*А. И. Шингарев (СЛБ)*

## **О правовом положении женщины**

### **в земельных законопроектах правительства**

### **и проектах реформ местного самоуправления**

В законодательстве вообще всех культурных стран мало уделено внимания вопросу женского равноправия среди волнующих вопросов, среди политических и общественных задач. Почему так поздно вступили на общественную арену вопросы женского равноправия? Почему нередко даже среди прогрессивных деятелей, среди друзей и близких нам лиц встречается непонятное отношение к вопросу женского равноправия? Откуда это удивительное запоздание в вопросах ясных, простых? Откуда это равнодушие или даже пренебрежительное отношение со стороны высших культурных народов? Причины этого заложены глубоко, во всем далеком прошлом их культуры и быта. Система веры и воспитания, строя общественной и политической государственной жизни бессознательно воспринимается многими. У отдельных людей, помимо воли и сознания, складывается такое отношение к вопросу женского равноправия, которое отдает глубокой, седой стариной. Две главные причины могут быть здесь поставлены на первое место. Косность мысли, недостаточно проясненное сознание мужчин, обладающих преимущественным правом в гражданском и политическом строе, и косность самих женщин, их пассивность, недостаток их собственной энергии в отстаивании их прав, слабость организации. Такое положение до самого недавнего времени наблюдалось почти во всех культурных странах. Наша страна не является исключением. До настоящего времени законом женское равноправие в области общественной и государственной жизни отрицалось. То же продолжается и в новейших законодательных предположениях. Позвольте остановить ваше внимание на том, что составляет тему моего краткого сообщения, - на земельном законопроекте, внесенном в Государственную думу. Закон 9 ноября и законопроект о крестьянском землевладении обсуждаются в Думе и в комиссии. Эти законы ничего не говорят о правах женщин. Первый закон совершенно умалчивает о женском равноправии; второй (о крестьянском землевладении) не считается с ним. В этом законе мы находим элементы даже отрицательного свойства. Закон обходит вопрос молчанием, он просто не называет лиц женского пола тогда, когда определяет Права мужчин, и, таким образом; точного определения прав в нем не содержится, а умолчание трактуется как неразрешение. Обычное право нашей деревни в большинстве случаев не в пользу женщин. Закон вовсе их отрицает. Статья 28 ограничивает круг наследников лицами, не отделенными семьей. Девушка, вышедшая замуж, теряет свою связь с семьей и с ее имуществом. Можно найти указание на пределы земли по наличным душам, то есть, включая туда и женские души. Таким образом, права на землю, признаваемые этими местными обычаями и за членами семьи женского пола, значительно шире умаления прав в наследовании имущества женщинами-крестьянками в правительственном проекте, хотя статья 54 по-прежнему предоставляет усмотрению схода основы передела пахотной земли. Умолчание и пропуски можно найти и в других статьях. В статье 6, где показано совместное владение с боковыми родственниками, упомянуты "брат и племянники" и нет "сестры и племянницы". Закон умалчивает даже и о матери, говоря об отце, в статье 32, где говорится о домохозяине<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup>Следует отметить, что женщина-домохозяйка пользуется равными правами в земельном обществе (решения Сената от 13 июня 1878 г, 10 января 1890 г и 11 декабря 1891г).

@230

Целый ряд статей из этого закона не говорит ни слова о правах женщин, устанавливая права мужчин на формы землевладения, на наследование по обычному праву. Итак, сама мысль о женском равноправии в законе не встречается, она вне сферы мышления законодателя. Характерно, что именно на эту область законодатель не обращает внимания, что ему в голову не приходит необходимость разрешения и этого вопроса. Он просто его опускает.

Вот то немного, что приходится сказать о правительственных земельных законопроектах.

Мы должны перейти к тем проектам реформ местного самоуправления, которые в данное время имеются в портфеле Государственной думы. Как она относится к этому вопросу? Правительственного проекта в Думе пока нет. Вопрос самого избирательного закона правительством еще не внесен в Думу, а потому сказать что-либо о нем нельзя. Возможно, что в область самоуправления могут быть допущены женщины как представители имущества, как хозяйки. Что касается проектов волостных и поселковых управлений, там права женщин не упомянуты, и так как трудно думать, что эти проекты изменятся в прогрессивную сторону, то и в этой области ничего хорошего ждать нельзя. Что же имеется со стороны частной законодательной инициативы Государственной думы? Со стороны демократической части Думы такие проекты имеются, внесенные еще во вторую Думу партией народной свободы, которая земские выборы ставит на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования безразличия пола и национальности. Со стороны более левых групп имеются проекты с таким же требованием всеобщего избирательного права без различия пола. Однако все эти проекты интересны лишь как создание определенных партийных шоу, как творчество политической мысли, как идеалы таких групп, которые в настоящее время не имеют решающей возможности влиять на законодательство; с практической точки зрения интересен проект, исходящий со стороны центра из той политической группы, которая имеет притязание быть решающей в законодательстве третьей Думы. Этот проект весьма интересен именно потому, что исходит от самой крупной партии Государственной думы, со стороны членов Союза 17 октября, и затрагивает вопрос женского равноправия в смысле расширения прав женщин. Статья 12 его содержит следующее: за несовершеннолетних избирателей обоего пола, не достигших 25-летнего возраста, в земских избирательных собраниях участвуют лица, снабженные от них доверенностями, а за малолетних и несовершеннолетних обоего пола - их опекуны и поручители, если удовлетворяют условиям для личного участия в означенных собраниях; сверх того, не достигшие 25 лет, малолетние и несовершеннолетние лица женского пола могут уполномочивать на участие в выборах своих отцов, мужей, родных братьев и племянников, не имеющих установленного имущественного ценза, если они удовлетворяют требуемым для личного участия в земских выборах условиям.

№ 13. *Лица женского пола*, удовлетворяющие тем же условиям (ценза и возраста), имеют право личного участия в земских избирательных собраниях, но не могут быть избираемы в земские гласные.

Лица женского пола, не могущие или не желающие принимать личное участие в земских избирательных собраниях, могут уполномочивать на участие в выборах своих отцов, мужей, сыновей, братьев и внуков, не имеющих установленного имущественного ценза, если они

удовлетворяют прочим, требуемым для личного участия в земских выборах, условиям. Лица эти могут быть избираемы в земские гласные.

Итак, проект партии Союза 17 октября дает право женщинам, имеющим определенный ценз, участвовать в выборах самих гласных, признает расширение женских прав в области активного избирательного права. Женщины, обладающие совершеннолетием, не ограничены в правах, имеющие ценз партией 17 октября признаются гражданами в выборе гласных. Однако это расширение прав; обставлено весьма странными обстоятельствами.

В 13-й статье проекта малолетние и несовершеннолетние лица женского пола могут избрать уполномоченных, тогда как со стороны мужчин могут быть только опекуны и попечители. Казалось бы, этим расширяются права женщин по сравнению, правами мужчин. Но это лишь на первый взгляд.

Резкая политическая нелогичность по вопросу об участии в выборах в октябристском проекте заключается в том, что женщины избирать других могут, но самих их избирать запрещается. Казалось бы, раз люди признаны способными намечать кандидатов и избирать более достойных, такие люди вообще полноправны. А между тем проект здесь делает удивительный скачок, ограничивая пассивное избирательное право. Допустив к урне женщин, он их самих устраняет от избрания, он считает женщину не подходящей для такой роли, чтобы быть самой избранной, призвав ее выбирать. Это совершенно непонятно. Это такое политическое заблуждение, такая политическая робость, которые я отказываюсь объяснить. Раз допустили пассивное право, то вводить неравенство в тот момент, когда оно отправляется к своей цели, когда совершается его применение, - большая политическая ошибка.

Раз активное право признано, необходимо также дать и пассивное право. В области земского управления, как и везде, труд женщины был бы чрезвычайно полезен, а может быть, и незаменим. Что касается расширения прав малолетних и несовершеннолетних женщин по статье 13, это сначала является малопонятным. Что за странная привилегия? Как будто несовершеннолетние женщины лучше могут наметить заместителя, чем мужчина. Разгадка лежит в том, что так как избирается при этом новое лицо - мужчина, то этим лице расширяются избирательные права мужчин. Таким образом, за такой видимой привилегией скрывается, в сущности, желание привлечения большого числа мужчин к выборам. Нелепость положения при разделении на две категории несовершеннолетних по полу делает нелепой всю постановку дела. Предположения проекта октябристов странны еще и потому, что они когда-то выступали с широковещательными заявлениями. Вот отрывок их воззвания к московским женщинам, выпущенного перед выборами в Государственную думу:

"Женщина в истории культуры играла выдающуюся роль. Она один из могучих двигателей цивилизации, носительница нравственных начал и примиряющий элемент в борьбе страстей.

К вам, гражданки Москвы обращается Союз 17 октября с просьбой принять энергичное участие в выборах" и т. д. Теперь же в своем проекте земского избирательного закона октябристы как бы говорят женщине: "Несите бюллетени, подавайте за нас, а мы выберем себя. Вас же, носительниц нравственных начал, считаем годными только на подачу бюллетеней".

Где тут последовательность, где справедливость!

Итак, в земельных законопроектах правительства нет даже упоминания о равноправии женщин. В избирательном земском законе, внесенном руководящей партией Думы, равноправие искажено, изуродовано. Можно ли говорить о близости торжества идеи женского равноправия? Можно ли ожидать скорой победы в этой области?

Прежде чем сказать, что это когда-нибудь будет, мы должны себе представить, каким путем эта цель может быть достигнута. Она может быть достигнута лишь изменением двух факторов, о которых я говорил вначале. Только тогда, во-первых, когда политическое сознание мужчин-законодателей в этом смысле совершенно определено, без всякой двусмысленности, будет перевоспитано, когда исчезнут из наших переживаний отзвуки далекого прошлого, когда предводителям политики станет ясно, что потеря активной работы женщины в политической и гражданской жизни - вообще огромная потеря культуры, во-вторых, когда и вы, женщины, активно будете участвовать в проведении этой необходимой для культурной жизни идеи, когда вы будете за нее бороться сами, - только тогда это осуществится. Вы должны немолчно твердить о том, что бедна вся страна, бедна наша, Россия культурой и культурными работниками. А теперь массу культурных работников выбрасывают как бы за борт, совершая бессмысленное дело. В этом отношении необходима огромная настойчивость, огромное терпение. Течение мысли общественного законодательства, течение мысли огромных групп населения, течение мысли даже вашей собственной нередко противоречит этому исканию женских прав. Необходима еще долгая и настойчивая, плодотворная идейная борьба. Необходимо прояснение сознания, и если косность мысли и старое течение явятся тормозом, то главным выходом будет возникновение сознания противоположного нового течения.

Позвольте выразить эту мою мысль о будущем развитии признания прав женщин, перефразируя прекрасные строки одного из стихотворений А. Толстого, в котором он бодро призывал не бояться противных течений. Вот его совет друзьям: "Вы же возбудите течение встречное против течения!"

#### **4. ЖЕНСКИЙ ТРУД И ЕГО ПРОБЛЕМЫ**

*Е. Д Щепкина (СПБ)*

##### **Труд и здоровье крестьянки**

Моя задача - остановить ваше внимание на выдающихся чертах судьбы крестьянских женщин великороссийских губерний, где среди крестьянства еще держатся общинные порядки землевладения, где еще действуют местные обычаи. Наши великороссийские деревни еще живут в тех формах быта, какие существовали на Западе в средние века. До великой революции, за исключением Англии, даже культурный Запад не знал закона в современном смысле слова, как постановления народных представителей конституционной страны. При старом порядке действовал указ, исходивший от верховной власти; внутри же классов и в группах населения господствовала сила обычаев, часто гибких, растяжимых, ради очевидных выгод местного люда, допускавших большие колебания общих правовых норм.

Эти обычаи часто считались с голосами женщин. Во французской деревне XIV, XV веков женщины и девушки сельского общества являлись на сходы, когда заключался важный хозяйственный договор, и присутствие всех членов общины без различия пола придавало большую устойчивость совершаемому акту. До конца XVII века в Англии феодальные владельцы местечек сами избирали представителей в палату общин, пока парламент особыми постановлениями не сузил действия обычаев.

Наша деревня живет под влиянием указов сверху и обычного права снизу. Общество землевладельцев, если находит это полезным, делает женщину, даже имеющую взрослых сыновей, *домохозяйкой*, представительницей двора на сходе; иногда такие же права получает и сестра при "ненадежных" братьях. Такие явления нередки, но распространены, однако, не

повсюду, оказываются скорее исключениями; однако Сенат считался с ними и признал их законность при наличии местных обычаев. Иногда, чаще там, где земля плоха и мало обеспечивает, общество делит ее поровну между мужскими и женскими душами. На севере часты случаи выполнения женщинами сельских должностей десятского, старосты; там мужчины целыми деревнями уходят на дальние промыслы; административная же служба, нужно отметить, сама по себе не пользуется расположением крестьян. Общая же норма сельского быта - непризнание за женщинами каких-либо прав: мужчины распоряжаются землей и руководят делами обществ. С женщинами обращаются сурово, часто жестоко. "Про баб закон не писан", - думает крестьянин, и он прав: личность крестьянской женщины отсутствует в нашем законодательстве. И "положение о крестьянах" 1861 года ни словом не упоминает о ней; она - бессловесное достояние семьи, двора и общества. Только там, где труд женщины сколько-нибудь индивидуализирован, закон вынужден коснуться ее; он говорит о ней в отдельных положениях о бывшей дворовой прислуге помещиков и особенно подробно о прачках, няньках и швеях бессарабских дворян, определяя даже жалованье освобождаемых. И только в наши дни, когда начинается великий перелом жизни и зарождается новое понятие о законе, обсуждаемом представителями разных слоев населения, одни из самых тяжелых законов о земельной собственности, закон от 9 ноября 1906 года, попутно, по необходимости заговорил о правах крестьянок как землевладеллиц. Впервые в законе мы находим четыре разъяснительных пункта о женщинах - домохозяйках и единственных наследницах семейных наделов, имеющих право наравне с мужчинами укреплять за собой участки. Отныне закон больше не может молчать о крестьянке: он подошел вплотную к давно назревшим статьям X тома о наследстве, неприменимым к мелкой собственности крестьян, и вынужден будет изменить эти статьи, а заодно и многие другие.

Нельзя, однако, сказать, чтобы крестьянка была совершенно безликой за последние 50 лет; она оказывала сильное влияние на весьма важное явление в деревне, именуемое народниками *борьбой за малую семью*. Дореформенные многолюдные дворы под властью большаков жили гораздо сытнее современных маленьких семей; они могли пользоваться широкими земельными угодьями. Но старая большая семья была истинным царством патриархального деспотизма. С возникновением фабричного труда, личного найма на чистые деньги крестьянская молодежь научилась ценить личный заработок, и с освобождением она начала вырываться из-под гнета большаков; особенно энергично восставали молодницы против старших и толкали мужей на разделы, не смущаясь недоеданием, рискованным хозяйством на малом наделе. Жажда личной самостоятельности перевешивала экономические расчеты. В этой борьбе молодниц таился своего рода женский вопрос, побеждавший сопротивление администрации, считавшей разделы вредными, ослаблявшими платежную способность крестьянства. В сущности, господство малых семей уже разрушает старый семейно-общинный уклад жизни, приближая переход к личному землевладению.

Нужно сознаться, что крестьянка плохо подготовлена к ведению индивидуального хозяйства. Власть самых невероятных суеверий и предрассудков всецельна над нею.

Труд деревенской женщины в местностях, живущих сельским хозяйством, громаден; не меньше он и в губерниях с развитым отхожим промыслом, где за уходом мужчин женщины выполняют все сельские работы и все службы. Не говоря о страдной поре, даже осенью, зимой хозяйка вся в работе: поздно ночью и рано утром она прядет и тклет, носит на себе воду, часто издалека, по тяжелой дороге; стряпает раза по два в день, убирает скотину; месит квашню с двумя пудами ржаного теста, изнывает на холоде за мытьем толстого посконного белья. В центре России она таскает на себе трехпудовые мешки огурцов; в черноземных губерниях она стоит по пояс в ледяной воде, моя овец, которых стрижет на холоде; и все это выполняет беременная, со всеми невзгодами женского организма.

Тяжкий труд и условия быта накладывают роковую печать на крестьянок и их потомство.

В Воронежской, Костромской и многих других губерниях рабочая страдная пора очень часто совпадает с критической порой молодой жизни: на июль, август, сентябрь и октябрь в Костромской губернии приходится 54 процента от всего числа родов; в результате - множество выкидышей и тяжких заболеваний. Невежество, тьма предрассудков, окружающих акт рождения, невозможный уход за новорожденными вызывают громадную детскую смертность; а это бедствие ведет за собой учащенную беременность крестьянки.

Деревенские девушки выходят замуж в 16-19 лет; к 25 годам у молодежи несколько детей. По исследованиям члена Государственной думы А. Шингарева, на 25-летнюю крестьянку приходится 5-6 родов, а на старший возраст, до 45 лет, - почти 9.

Более 1/4 женщин этого возраста вынесли более 10 беременностей. Процент выкидышей выше 1/4; это число быстро растет с возрастом, а в 35-40 лет дает 70% выкидышей. Несомненно, от непосильного труда и опасных условий родов крестьянки в цветущей молодости наживают женские болезни, и в среднем возрасте организм не справляется с деторождением.

Поразительны такие биографии:

**55 лет    51 год**

35 лет замужем    29 лет замужем

24 беременности    22 беременности

2 живых детей    2 живых детей

14 умерло    15 умерло

8 выкидышей    3 мертворожденных 2 выкидыша

Таковы судьбы матерей среди главной массы русского населения.

Акушерская помощь в деревне слаба до крайности, до того, что является самой слабой частью нашей земской медицины. Простые акушерки не удовлетворяют при сложных обстоятельствах, да к ним редко и обращаются. А доморощенная помощь является чем-то трудно поддающимся описанию. Бабушки часто просто считают грехом облегчать страдания женщин; Священное Писание указывает - страдать и болеть. Иногда пугают рожениц криками: "Пожар, горим!", чтобы вызвать развязку. Водят по избе до полной потери сил, пихают паклю в рот, поят деревянным маслом. В трудных случаях несчастные мученицы подвергаются невероятным пыткам; их подвешивают к потолку и встряхивают; выпаривают в печи, а затем вниз головой... смертные исходы неизбежны.

Исследователи разных губерний России почти единогласно отмечают, что среди массы обращавшихся к врачам женщин находили громадный процент, иногда до 91 процента, разных форм женских болезней, таких тяжелых, о каких в городах не имеют и понятия. Большинство их, вдвое больше, нежели в городах, связано с родами.

В то время как среди мужчин преобладают острозаразные болезни, масса крестьянок страдает общим расстройством питания, малокровием, различными нервными заболеваниями. Очень распространен сифилис, но у женщин преобладает поздняя стадия, незаразительная: результаты

не прямого заражения, а условий жизни среди беспросветного невежества. Но сифилис при своей распространенности играет ничтожную роль среди несчастных родов; он тонет среди прочих условий быта. Расстройства питания дают меньший процент заболеваний у девочек, нежели у мальчиков; но с 14 лет быстро, повышается среди девушек и у женщин 20-30 лет почти втрое превышает процент той же заболеваемости мужчин. Силы женщины надламываются с юности... "За мертвыми цифрами нашего анализа, - говорит А.Шингарев" - скрываются десятки тысяч индивидуальностей!.. Из-за цифр смотрит на нас скорбный лик, смотрит "всевыносящего русского племени многострадальная мать"...

По вычислениям статистиков, заболеваемость крестьянок в два раза превосходит заболеваемость мужчин, и главный процент заболеваний выпадает на те цветущие годы, когда женщина-мать должна жить полной жизнью; в годы зрелости (30-40 лет) эти бедствия разражаются усиленной смертностью женщин, вдвое превышающей смертность мужчин. Последствием является устрашающая смертность грудных детей в России. В Воронежской губернии в начале XX века на 1000 родившихся умирало 503 ребенка. Приблизительно то же найдем и в других губерниях Великороссии...

@238

При других условиях быта заболеваемость и смертность крестьянских женщин не так отличаются от мужской. В Полтавской и особенно Херсонской губерниях замечается даже перевес заболеваний мужчин. Видно, там женщинам легче живется. Лучшее обеспечение земель заметно сокращает заболеваемость и смертность в деревнях. Только женщин не обеспечивает и земельное богатство: наоборот, в более зажиточных дворах замечается даже больший процент заболеваемости и смертности женщин; и понятно: тут значительнее число скота, больше полевой работы, больше материала для тканья, здесь больше домохозяев во 2-м и 3-м браке, рано схоронивших своих первых тружениц.

Таково для женской личности влияние устарелых форм быта; среди него массами вымирают матери, а еще более дети. Иностранцы гораздо осторожнее обращаются со своими семейными. Не может скоро помочь женскому населению великороссийских деревень и лучшее наделение земель - жадная обработка ее на первое время еще повысит женскую смертность. Кроме подъема благосостояния, для крестьянки необходима скорейшая смена форм быта, забота законодателя о ее личности.

Выше отмечено, что указ и обычай - соперники. Часто указ попадает на обычай, и тогда бывает в результате, что наиболее бесправные выигрывают, как было при натиске петровских указов на высший класс, когда женщины вышли из теремов. В переживаемое время между указом 9 ноября и крестьянским бытом разражается братоубийственная война: следует думать, что обоим не выйти целыми из боя.

Быт отступит перед введением общих правовых норм.

Что же станет с крестьянками? Среди общего экономического ухудшения для них следует ожидать постепенного улучшения их правового положения. Необходимо хлопотать о сохранении в будущем законодательстве некоторых выгодных для женщин преимуществ, старого обычая: права на наделы, допущения на сходы; придется применить статьи X тома, а далее станет необходимым участие крестьянок в поселковом и земском Самоуправлении. Постепенный подъем правовой личности крестьянки поможет ей воспользоваться школами и подготовиться к гражданским обязанностям.

*А. М. Коллонтай (СПБ)*

## Женщина-работница в современном обществе

"Женский вопрос, - говорят феминистки, - это вопрос "права и справедливости"". "Женский вопрос, - отвечают пролетарки, - это вопрос "куска хлеба". Женский вопрос и женское движение, убеждают нас буржуазные женщины, возникло тогда, когда сознательный авангард борцов за женскую эмансипацию выступил открыто на защиту своих попираемых прав и интересов. Женский вопрос, отвечают пролетарки, возник тогда, когда миллионы женщин властью всемогущего Молоха - капитала - оказались выброшенными на трудовой рынок, когда, послушно спеша на унылый призыв фабричного гудка, миллионы женщин стали толпиться у фабричных ворот, перехватывая заработок у своих собственных мужей и отцов... Этим женщин гнал из дома плач голодных детей, скорбные взгляды истощенных родителей, болезнь кормильца семьи, собственная необеспеченность, нищета... Все шире и шире раскидывал капитал свои сети. Стремительно бросалась женщина в гостеприимно открывающиеся перед нею двери фабричного ада...

Пока женщина не принимала непосредственного участия в товарном производстве, пока деятельность ее ограничивалась изготовлением главным образом, "продуктов домашнего потребления, до тех пор не могло быть и речи о женском вопросе в современной его постановке. Но с той поры, как женщина вступила на трудовую дорогу, как труд ее получил признание на мировом рынке, как женщина приобрела для общества значение самоценной трудовой единицы, прежнее вековое бесправие в обществе, прежнее порабощение в семье, прежние пути, сковывавшие свободу ее движений, стали для нее вдвое горше, вдвое невыносимее...

Не на почве внезапно созревшей потребности в духовных благах, стремлений к науке и знанию выросал женский вопрос - нет, женский вопрос явился как неизбежное следствие коллизии между застывшими формами социального общежития и переросшими их производственными отношениями, коллизии, вызвавшей и наиболее серьезный вопрос наших дней - вопрос трудовой.

Напрасно воображают борцы за женское равноправие, что двери профессиональной деятельности и промыслового труда начинают открываться перед женщиной вместе с ростом ее собственного самосознания; пробуждение женщины, назревание ее специальных запросов и требований наступает лишь с приобщением женщины к армии самостоятельно трудящегося населения. И эта армия растет безостановочно.

В таких странах, как Франция, Англия, Германия, за последние 10-15 лет число самостоятельно трудящихся женщин возросло на миллион и более человек в каждой. В Америке за 26 лет женский труд возрос на 117 процентов.

Женский труд стал крупным и *необходимым* фактором хозяйственной жизни: целая треть ценностей, поступающих на мировой рынок, изготавливается руками женщин.

Капитал нуждается в дешевых рабочих руках и притягивает к себе все новые и новые трудовые силы женщин. Но в то время, как буржуазная женщина с гордо поднятой головой вступает в открывающиеся перед ней двери интеллигентных профессий, пролетарка с тяжелой покорностью судьбе идет к новому станку. Пролетарка уже давно успела проклясть ту хваленую свободу труда и профессий, которой все еще добиваются буржуазные женщины. В те времена, когда буржуазка еще ютилась в своей домашней скорлупе, благоденствуя за счет отца и мужа, пролетарка уже долгие годы несла тяжелый крест наемного труда. В середине XIX столетия буржуазная женщина делает свои первые робкие шаги на пути к своему экономическому освобождению; она настойчиво *стучится* в двери университетов,

художественных мастерских, контор. А ее "младшая сестра", пролетарка, изведавшая до дна весь ужас капиталистической эксплуатации наемного труда, требует от государства вмешательства в область "свободы договора" между трудом и капиталом. Не свободы труда добивается она, а нормировки рабочего дня, запрета ночной работы и других постановлений, ставящих предел алчному использованию капиталом ее трудовых сил. Пролетарка не только первая вступила на трудовую дорогу, она продолжает и по сию пору господствовать на ней по своей численности. В Австрии на 5310 тысяч пролетарок приходится всего 935 тысяч буржуазных женщин, занятых самостоятельным трудом; в Германии на 5293 тысячи пролетарок - едва 180 тысяч женщин, занятых в либеральных профессиях; во Франции на 3584 тысячи пролетарок приходится лишь 300 тысяч самостоятельных интеллигенток, и т. д.

А если на руках семья... Если дома ждут малые дети... Не успев разогнуть спину после фабричного станка, женщина принуждена браться за кропотливую домашнюю работу... Ноют усталые члены, опускается отяжелевшая голова... Но нет отдыха для профессиональной работницы-матери. И в этом заключается хваленая свобода труда для женщины, о которой столько хлопочут феминистки? Эти женщины воображают, что они нашли ключи от женского счастья. Что же предлагают они пролетарке. Что сделали они, чтобы избавить женщину рабочего класса от непосильного бремени труда? Могут ли указать поборницы женского освобождения хотя бы один факт, свидетельствующий об их стремлении облегчить младшей сестре тяжелую борьбу за охраны труда, на осуществление которого феминистки оказали бы действительное влияние? Всем, чего добились пролетарки в смысле поднятия своего экономического положения, они, прежде всего, обязаны объединенным усилиям рабочего класса, в частности сами себе. История борьбы работниц за лучшие условия труда, за более сносную жизнь есть история борьбы пролетариата за свое освобождение. Что, как не страх перед грозным взрывом недовольства пролетариата, в целом заставляет фабрикантов повышать расценку труда, сокращать рабочее время, вводить более сносные условия работы? Что, как не опасение "рабочих бунтов", понуждает правительства ставить законодательным путем предел эксплуатации труда капиталом?

Фабричное законодательство - это один из радикальнейших способов защиты интересов пролетариата. Но повинно ли, хотя бы косвенно, феминистское движение в проведении хотя бы одного охранительного закона? Стоит бросить беглый взгляд на историю возникновения и развития фабричного законодательства различных стран, чтобы убедиться, как мало сочувствия встречали эти законодательные акты в феминистских сферах и как явно обязаны они своим появлением на свет исключительно растущей мощи рабочего движения.

Стонет работница под семейным ярмом, изнемогает она под тяжестью тройных обязанностей: профессиональной работницы, хозяйки и матери. Что же предлагают ей феминистки? В чем видят для нее исход, избавление? "Отбрось ветхие моральные заботы, - предлагают они младшей сестре, - стань свободной возлюбленной и свободной матерью. Возьми наш лозунг - свобода любви и право материнства".

Как будто эти лозунги уже давно не стали для женщины рабочего класса слишком реальной действительностью! Как будто в силу окружающих ее социальных условий, когда все бремя материнства падает на слабые плечи "самостоятельно трудящейся" пролетарки, свободная любовь и материнство не являются для нее неизъяснимым источником новых страданий, забот и горестей!.. Как будто все дело во внешних обрядовых формах, а не в окружающих социально-экономических отношениях, определяющих собой сложные семейные обязанности пролетарской женщины!

Освященный церковью, оформленный у нотариуса или построенный на принципе свободного договора, брачный и семейный вопрос лишь в том случае утратил бы свою остроту для большинства женщин, если бы общество сняло с нее все мелочные хозяйственные заботы, неизбежные сейчас при ведении расчлененных, единоличных хозяйств, если бы оно переняло на себя заботу о подрастающем поколении, охраняло бы материнство и вернуло бы мать ребенку в первые месяцы его жизни.

"Брак - лицевая сторона медали полового вопроса, - говорит Бебель, - проституция - обратная". Она неизбежный придаток современной буржуазной семьи, она необходимое порождение эксплуататорского строя, строя, при котором миллионы женщин вынуждены существовать на заработок - достаточно высокий, чтобы не умереть с голоду, но слишком низкий, чтобы жить человеческой жизнью.

Проституция в наши дни достигает таких колоссальных размеров, каких никогда не знало человечество, даже в периоды наибольшего своего духовного упадка.

В Лондоне насчитывается свыше 250 тысяч проституток, в Париже - 100 тысяч, в Петербурге - от 30 до 50 тысяч. Тысячи, десятки тысяч женщин толкают на этот скользкий путь необеспеченность, сиротство, нищета...

Надо ли описывать все ужасы вынужденной продажи женщинами своего тела? Надо ли еще и еще доказывать, что причины проституции глубоко зарыты в экономике, что эта страшная язва современного классового общества всецело кроется в растущей необеспеченности женских трудовых сил.

Страшно подумать: к проституции привлекаются не одни одинокие, заброшенные своими любовниками девушки, как это принято считать, но весьма нередко и законные жены рабочих, крестьян и ремесленников, которые только этим оказываются в состоянии поддерживать существование своих близких.

Современный капиталистически-эксплуатационный строй толкает мать ради ребенка и ребенка ради матери на путь "позорного ремесла". Даже нежный младенческий возраст не в состоянии охранить дитя рабочего класса от хищнических притязаний пресыщенного разврата буржуазии.

В Москве из 957 опрошенных проституток одна начала свою профессию с 11 лет, 5 - с 12 лет...

В Париже возраст большинства проституток колеблется от 18 до 23 лет. В наиболее "утонченных" притонах Неаполя держат проституток не старше 15 лет. В Лондоне есть дома с проститутками моложе 14 лет.

@244

Но ведь это же дети! Те самые дети, которые сидят на школьных скамьях, для которых в буржуазных семьях нанимается целый персонал воспитательниц и учительниц, о правильной гигиене души и тела которых сколько хлопочут, пишут, говорят...

Что же предлагают феминистки в борьбе с этим разлагающим обществом злом? Какие меры выдвигают они для сведения своих младших сестер? Быть может, более высокую заработную плату, больший досуг для женщин-работниц, вовлечение их в классовую борьбу пролетариата за свое освобождение, борьбу, которая, как могучий нравственный импульс, возвышает и очищает душу женщины и служит великой опорой в борьбе за существование? Ничуть не бывало! Пара приютов для кающихся Магдалин, несколько обществ для духовно-

нравственного воспитания работниц, в лучшем случае - борьба с регламентацией. В то время как наиболее искренние феминистки будут строить убежища для Магдалин и сражаться с врачебно-полицейским надзором, капитал, неустанно творя свое дело, день за днем будет выбрасывать все новые и новые жертвы "общественного темперамента".

Загнанная в подполье или нагло выставляющая себя напоказ, проституция будет продолжать отравлять общественную атмосферу, служа источником наслаждения для одних, неся болезнь, отчаяние и горе другим... В этом вопросе, как и во всех остальных темных проблемах ее жизни, женщине приходится ждать своего освобождения только от растущей мощи рабочего класса. Только ему под силу будет справиться с этой стоголовой гидрой наших дней... Бороться с проституцией - значит не только уничтожить ее современную регламентацию, нет, это значит бороться против основ капиталистического строя, значит стремиться к уничтожению классового деления общества, значит очищать путь к новым формам человеческого общежития...

Но, скажут буржуазные поборники равноправия женщин, пролетарка страдает не только как продавец своей рабочей силы, но и мать и жена: ее угнетает еще ее бесправное положение в обществе, подчиненность мужчине. И в данном случае интересы всех женщин не могут не совпадать. "Уравнение прав женщин с мужчинами своего класса" - что, кроме уравнения в бесправии со своим товарищем-пролетарием, может дать женщине излюбленный девиз феминисток? Докторский диплом, чиновничий мундир или даже министерский портфель, кому, как не самим же буржуазкам, доступны эти заманчивые "блага". Полная политическая правоспособность? О, да в ней работница нуждается еще в большей мере, чем буржуазка.

Политические права для работницы - это великое, могучее орудие борьбы за свое освобождение. Но в состоянии ли даже эта радикальная реформа, эта кульминационная точка феминистских вожделений избавить пролетарку от бездны страданий и зла, что преследуют ее и как женщину и как продавца рабочей силы? Нет! Пока женщина принуждена будет продавать свою рабочую силу и сносить кабалу капитализма, пока жив будет современный эксплуататорский способ производства новых ценностей, до тех пор не стать ей свободной, независимой личностью, женой, выбирающей мужа лишь по влечению сердца, матерью, без страха глядящей на будущее своих детей... Это не значит, конечно, будто последователи научного социализма, как упрекают их в этом феминистки, "отодвигают" решение вопроса о равноправности женщин до наступления социализма; что они не желают бороться за возможное и в рамках современного буржуазного мира раскрепощение женщины. Напротив, нет ни одной партии в мире, которая бы так любовно, так вдумчиво относилась к интересам женщин и сколько бы сделала для всестороннего ее освобождения, как та рабочая партия, что стоит на точке зрения научного социализма. Будучи твердо убежденной, что полное раскрепощение женщины возможно лишь в коренным образом реформированном обществе, эта партия, тем не менее, для удовлетворения ближайших нужд женщин требует:

- 1) отмены всех законов, подчиняющих женщину мужчине;
- 2) права избирать и быть избираемой во все законодательные учреждения и органы местного самоуправления на основе всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов;
- 3) законодательной охраны труда: а) распространения законодательной охраны на все отрасли промышленности и сельскохозяйственного труда, домашнего услужения и работы на дому; б) установления максимального 8-часового рабочего дня в промышленности и торговле и 10-часового рабочего дня для сельскохозяйственных работ в летнее время; в) полного праздничного отдыха (не менее 42 час.) в неделю; г) полудневного отдыха по субботам, е) отмены ночного и сверхурочного труда, ф) воспрещения женского труда в особо вредных для

женского организма производствах: в отраслях производства, где применяется ртуть, фосфор, свинец и др. яды; g) улучшение гигиенических, санитарных и технических условий труда в мастерских; i) воспрещения таких способов труда, которые вредны или опасны для матери и потомства (таскание тяжестей, ножные двигатели и т. д; j) расширения фабричной инспекции на все отрасли труда, включая домашнее услужение и работу на дому. Назначения женщины фабричными инспектрисами. Участие в инспекции выборных от рабочих и работниц;

4. охраны материнства: а) установления обязательного отдыха для беременных за 8 недель до и 8 недель после родов с получением пособия в размере полного заработка из касс государственного страхования; б) бесплатной медицинской и акушерской помощи в родовой период; в) освобождения кормящей грудью детей каждые 2 часа до 1/2 часа; d) отведения специального помещения в крупных предприятиях для кормления грудных детей и для яслей; мелкие предприятия каждого района сообща отводят такое помещение; e) управления яслей в руках матерей; f) организации курсов для обучения матерей уходу за детьми; g) возложения на городские и земские самоуправления домов для беременных и рожениц, раздачи ими здорового бесплатного детского молока тем матерям, которые не в состоянии кормить детей грудью;

5) в области семейных отношений и борьбы с проституцией требуется: а) отмена регламентации проституции и борьба с ней при помощи улучшения экономического положения рабочего класса и широкое вовлечение женщин в классовое движение пролетариата; б) требование отдельного вида на жительство для жены, до отмены паспортной системы; в) возложение на городское и земское самоуправление заботы о постройке дешевых здоровых жилищ для рабочих семейств и для неженатых рабочих и работниц; d) развитие кооперативного движения, облегчающее работнице ведение своего хозяйства. Необходимым условием для осуществления всех помещенных требований является полная свобода союзов, собраний, печати, слова и стачек.

Под многими ли из этих требований подпишутся наши равноправки? Буржуазные женщины постоянно толкуют о единстве женских интересов, о необходимости общеженской борьбы. И данный съезд, первый в России съезд представительниц "прекрасного пола", имеет целью объединить вокруг общего женского знамени всех женщин без различия классов и партий. Но где оно, это общее женское знамя?

Женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря: один по своим целям, стремлениям и интересам примыкает к классам буржуазным, другой тесно связан с пролетариатом, освободительные стремления которого охватывают также решение женского вопроса во всей его полноте. И цели, и интересы, и средства борьбы различны у той и другой категории борющихся за свое освобождение женщин.

Пусть же не зовут в свои ряды буржуазные равноправие женщин рабочего класса, пусть не рассчитывают их руками завоевать себе те социальные блага, что сейчас являются достоянием одних лишь мужчин буржуазного класса. Оторванные от своих товарищей, отказавшиеся от своих классовых задач, пролетарки перестанут быть социальной силой, с которой сейчас считается даже "реальная политика"... Только оставаясь в рядах своего класса, только сражаясь за общерабочие идеалы и интересы, сможет женщина-работница защитить и свои женские права и интересы...

И тогда, одновременно со всем рабочим классом, сможет она в преобразованном на новых трудовых началах обществе наконец отпраздновать двойную, великую победу: свое

освобождение как продавца рабочей силы от цепей и рабства капитализма и свое всестороннее раскрепощение как личности и человека...

## **5. ПРОСТИТУЦИЯ КАК ФОРМА НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНОЙ**

*Д-р М. И. Покровская (СПБ)*

### **Как женщины должны бороться с проституцией**

Вопрос об уничтожении проституции является самым жгучим для тех женщин, которые стремятся к равноправию. Если последнее осуществится фактически, то проституция исчезнет. Вопрос о борьбе за равноправие женщин тесно связан с вопросом о борьбе с проституцией. Уменьшение проституции есть шаг вперед по пути равноправия, уменьшение бесправия женщин уменьшает и проституцию. Ввиду этого I Всероссийский женский съезд должен посвятить особое внимание не только вопросу о равноправии женщин, но и борьбе с проституцией.

@248

В настоящее время, если заходит речь о борьбе с проституцией, постоянно высказываются два мнения. Одни настаивают главным образом на нравственных причинах проституции и на борьбе с ними при помощи повышения нравственного уровня масс, другие сводят все на экономическую почву. Последние совершенно забывают, что проституция отличается от чисто экономических вопросов тем, что она тесно связана с вопросами пола. Потому при борьбе с проституцией приходится решать не только экономические вопросы, но и вопросы пола. Мне кажется, что не решение экономических вопросов, но решение вопросов пола должно играть первенствующую роль в борьбе с проституцией. Решение же экономических вопросов имеет тут хотя и важное, но второстепенное значение.

Я полагаю, что присутствующие более или менее знакомы с теми причинами проституции, которые обыкновенно перечисляются авторами. Бедность, невежество, беспризорность, беспомощность и дурное воспитание молодых девушек - вот что толкает их к проституции, говорят они. Мужчин же побуждают, пользоваться проституцией исключительно экономические причины. Если бы средства позволили им жениться, то они не обращались бы к проституции.

По всей вероятности, присутствующим известно, что женскую молодежь толкают на путь проституции не только бедность, невежество и т. д., но и посредники. Что касается причин, побуждающих мужчин обращаться к проституции, то тут главную роль играют не экономические, а нравственные и физиолого-патологические причины.

Благодаря господству одного пола над другим в современных обществах существует не одинаковый взгляд на удовлетворение половой потребности мужчин и женщин. Удовлетворение полового инстинкта первых признается настолько необходимым, что им предоставляется право удовлетворять его, как пришлось. К женщинам же предъявляется требование, чтобы они удовлетворяли свой инстинкт только в браке. В соответствии с таким взглядом на половую нравственность и ведется воспитание обоих полов.

Чрезмерно развитый и необуздываемый половой инстинкт побуждает мужчин постоянно совершать физиолого-нравственное преступление, не наказуемое законом, - удовлетворение половой потребности при помощи проституции, и физиолого-нравственное преступление, наказуемое законом, - изнасилование женщин, девушек и даже девочек.

Чрезмерное развитие полового инстинкта у мужчин, его необузданность служит одной из самых важных причин проституции, так как увеличивает спрос на нее и предложение, потому решение вопроса об обуздании их полового инстинкта имеет громадное значение для борьбы с проституцией.

Воспитание и общественное мнение обуздали половой инстинкт у женщин. Те же способы следует применить и для обуздания полового инстинкта у мужчин. Главную роль должны играть тут женщины. Они должны изменить господствующий взгляд на половую мораль мужчин и женщин и требовать, чтобы не было разницы для тех и других, чтобы те и другие умели обуздывать половую страсть и удовлетворяли ее только при известных условиях. Одинаковая половая нравственность для мужчин и женщин - вот что должны требовать женщины, желающие уничтожения проституции.

Если мы возьмем на себя труд проследить по газетам, то встретим целый ряд случаев изнасилования женщин девушек и девочек, совершаемых зверски. В этом оказываются повинны не только невежественные мужчины, которым более свойственно проявлять дикие инстинкты, но и образованные, которых воспитание и образование, казалось, должно было бы от этого удерживать. Эти случаи свидетельствуют о том звере, который сидит еще в человеке. Интеллигентным женщинам необходимо хорошенько обсудить вопрос, как бороться с этим зверем и победить его.

Несомненно, вопрос об обуздании зверя в человеке, прежде всего, является вопросом воспитания и наследственности, вопросом усовершенствования человека при помощи того и другого.

Интеллигентная девушка, выходя замуж, не имеет права игнорировать наследственность, полученную ее будущим мужем, так как дурная наследственность будет передана ее детям. Воспитание же далеко не всегда может бороться с наследственностью и победить ее. Девушка должна выбирать не только мужа, но и отца своим детям.

Мать должна воспитать сыновей. Но, к сожалению, она не только мало делает в этом направлении, но и это малое в большинстве случаев погибает при существующих условиях. Против усилий матери облагородить инстинкты сыновей восстает современная школа, которая совсем не заботится о нравственном воспитании детей, а только набивает им голову всякими науками. Мальчик, в воспитание которого мать вкладывала всю душу, находит в школе формалистов-учителей, испорченных товарищей. Все это дурно влияет на него и пробуждает в нем зверя и заглушает благородные порывы. Поэтому коренная реформа школы может сохранить в душе юноши те благородные задатки, которые ему вкладывает мать, и научить его обуздывать свои половые инстинкты. Но для реформы школы женщинам нужны законодательные права.

Дальнейшим шагом в жизни юноши является практическая деятельность. Он выбирает себе специальность, которая дает ему средства к существованию. И тут он встречает множество подводных камней, которые грозят полным крушением всяким благородным порывам. Начальство, товарищи, подчиненные, знакомые - все они заняты преимущественно погоней за материальными благами и наслаждениями. Этот житейский омут топит хорошие задатки юноши и пробуждает в нем звериные инстинкты. Если дома мать может воспитывать в ребенке благородство, если она может выбирать лучшую школу для своего сына, что может сделать она для него в житейском омуте? Какие шансы существуют для того, что ей удастся видеть сына в зрелых годах не поддавшимся зверю? Нельзя не признать, что, в сущности, тут она почти ничего не может сделать и что ей постоянно приходится видеть крушение всего того, что она стремилась создать в своем сыне, и осознать бесплодность своих усилий. Но из этого вовсе не

выходит, что женщины должны сложить руки и без борьбы покориться всему тому, что встречается им в жизни. Напротив, они должны сплотиться для энергичной борьбы с теми условиями жизни, которые пробуждают в юноше зверя. То, чего не в силах изменить единичные личности, уничтожат массы.

@251

Что в современной жизни пробуждает зверя в юноше? Ответ на этот вопрос мы находим до известной степени в половой переписи студентов Московского университета. Из нее видно, что раннему пробуждению половых стремлений у юношей содействует порнография, проституция, товарищи, прислуга и различного рода зрелища. Потому, если женщины хотят перевоспитывать мужчин в половом отношении, им надо направить свои усилия на борьбу с только что упомянутыми причинами.

Вопрос о борьбе с порнографией и зрелищами является вопросом законодательным по преимуществу. Потому, пока женщины бесправны, они не добьются тут больших результатов. Кое-что они могут сделать при помощи протестов против порнографических книжек и картинок, против развращающих представлений. Но для действительной борьбы с порнографией женщинам нужны законодательные права.

Проституция является самым обыкновенным способом удовлетворения рано пробудившегося полового чувства у юноши. Ее широкое распространение, ее доступность являются громадным злом. Она создает извращенные половые стремления, она воспитывает в мальчике зверя. Потому борьба с ней представляется вопросом первенствующей важности. Но и тут, как и везде, бесправие женщин является громадным препятствием.

Авторы, занимавшиеся исследованием причин, толкающих женщин к проституции, указывают бедность, невежество и дурное воспитание Молодых девушек. Нельзя отрицать, что эти причины часто побуждают их отдаваться проституции. Потому необходимо озаботиться широкой постановкой женского образования, улучшением воспитания женской молодежи и ее экономического положения. Мы знаем, как обездолены женщины во всем этом. Тут ей, как и в наследстве, достается четырнадцатая часть.

Последняя история вольнослушательницы в университете показывает, как шатко для бесправных все то, чего они, по-видимому, достигли. Пользуясь днями свободы, женщины начали поступать в мужские высшие учебные заведения. Но кончились дни свободы, и министр народного просвещения говорит вольнослушательницам: "Уходите вон. Вам здесь не место".

@252

Конечно, если бы женщины обладали правом голоса, то министру не пришло бы в голову принять подобные меры против вольнослушательниц. К сожалению, подобного рода уроки проходят для женщин бесплодно. Вместо того чтобы направить свои усилия на главное, на добывание себе права голоса в народном представительстве; они обращают внимание преимущественно на разные частичные случаи. После циркуляра г. Шварца об удалении вольнослушательниц из университета последние начали усиленно хлопотать о возврате их туда. Эти хлопоты совершенно естественны и необходимы, но все-таки надо смотреть шире на дело и всегда иметь в виду главную цель - право голоса в законодательном учреждении. Но, к сожалению, русские женщины не придают ему того значения, которое оно имеет.

Подобное отношение женщин к своему бесправию сильно тормозит, их равноправие. Благодаря бесправию, всякий частичный шаг вперед стоит им громадных усилий. Примером того опять-

таки служит высшее женское образование в России. Сколько раз мы в нем пятились назад. Сколько сил, труда, борьбы пришлось и приходится тратить женщинам для завоевания этой области! Мы пятились назад в нем тогда, когда у нас не было народного представительства, пятимся и теперь, когда оно у нас есть. При нашем бесправии никто не может поручиться за то, что мы не потеряем всего, добытого нами столь тяжелым трудом. Наше политическое бесправие тормозит также улучшение экономического положения женщин. Конечно, законодательным путем нельзя заставить частных работодателей сравнить оплату женского труда с мужским. Но народное представительство может это сделать для лиц вышестоящих на государственной службе, служащих в местных самоуправлениях. А теперь нам приходится покоряться таким несправедливостям, которые совершаются нашим народным представительством. Государственная дума второго созыва не признала нашего равноправия на службе в думской канцелярии. То же повторилось и в Думе третьего созыва. Законодательным путем можно было бы улучшить экономическое положение тех женщин, которые больше всего пополняют ряды проституток, а именно нашей домашней прислуги. В 1889 году в России была проведена перепись поднадзорных проституток, общее число проституток тогда равнялось 17603. Из них 45 процентов прежде были прислугой. Огромный процент проституток из числа бывшей прислуги мы находим и за границей.

Для улучшения положения прислуги необходимы законодательные меры; Закон должен защитить ее от чрезмерной эксплуатации хозяев, урегулировать ее труд, определить ее рабочий день, ее свободное время, доставить удовлетворительное помещение и питание. Он должен также позаботиться о ней во время болезни материнства и безработицы. Введение страхования работниц, в том числе и прислуги, во всех только что упомянутых случаях имело бы громадное значение для защиты женской молодежи от проституции. Болезнь, материнство, безработица часто толкают ее на путь порока. Материальная поддержка в таком случае крайне необходима. Но только широко поставленное государственное страхование могло бы оказать тут действительную помощь работницам. Но для этого женщинам нужны законодательные права.

Всюду констатируется факт, что беззащитность девушки, ее сиротство толкает ее в проституцию. Из вышеупомянутой русской переписи проституток видно, что из них было 87,4 процента круглых сирот. Укажем также, что среди наших проституток преобладают крестьянки. Этот факт дает яркое освещение закону, лишаящему женщин-крестьянок земли.

Сирота-девушка не только остается на произвол судьбы, но с потерей отца даже лишается средств к существованию. Ей ничего не остается больше, как нищенствовать, идти в работницы, в поденщицы, в прислуги. Голод гонит ее вон из деревни. Будь у нее земля, она могла бы прожить в деревне и устроиться совсем иначе. Изменение закона необходимо для борьбы с проституцией. Но для этого женщинам нужны законодательные права.

Студенческая половая перепись показывает, что проституция главным образом удовлетворяет слишком рано пробудившиеся половые стремления юношей. Она же, несомненно, содействует чрезмерному развитию полового инстинкта мужчин, так как ее существование значительно облегчает удовлетворение последнего. Молодые люди поддаются под ее тлетворное влияние и развивают свой половой инстинкт до чудовищных размеров. Наибольшее значение тут имеет поднадзорная проституция.

Хотя регламентисты уверяют, что проститутке, желающей оставить свой промысел, очень легко освободиться от надзора, этого на деле нет. Надзор толкает ее в объятие сводников и сутенеров, которые, пользуясь беззащитностью девушки и благосклонным содействием полицейских агентов, цепко захватывают ее и не выпускают до тех пор, пока не высосут из нее все соки. Насилие, спаивание, запугивание, долги - все выступает на сцену. Таким образом, надзор содействует увеличению числа проституток. С увеличением же их числа выступает на сцену

конкуренция. Это побуждает проституток и сводников изощряться в увлечении и развращении мужчин или, иными словами, в чрезмерном развитии и извращении их полового инстинкта. Само собой понятно, что под развращающее влияние поднадзорной проституции подпадает главным образом зеленая мужская молодежь.

Поднадзорная проституция представляет громадный вред еще в том отношении, что обещает ложную гарантию здоровья. Врачи, принимающие участие в надзоре, выставляют на билетах проституток отметку "здорова". Некомпетентные люди верят, что это так, что осмотры предохраняют их от заражения. Но теперь уже достаточно выяснилось, что это только одно заблуждение. На брюссельской конференции по вопросу о борьбе с сифилисом (1899 г.) специалисты говорили, что врачи не должны проставлять отметку "здорова" на билетах проституток. Это было почти 10 лет тому назад. Но у нас врачи и теперь ставят такую отметку на билетах проституток, вводя в заблуждение молодежь и уменьшая для нее спасительных страх заразы.

Какое значение имеет последний, показывает студенческая перепись. 29 процентов воздержавшихся от проституции объяснили свое воздержание страхом заразы. Эта цифра достаточно наглядно говорит нам, что отмена надзора окажет большое содействие обузданию половых инстинктов мужской молодежи, увеличив среди нее страх заразы. Но для отмены врачебно-полицейского надзора женщинам нужны законодательные права.

В развитии проституции посредники играют громадную роль. Поэтому законодательные меры против них необходимы. Мы знаем, что и мужчины издают законы, наказывающие посредников и сутенеров, но больших результатов от них не видно. Мужчины уверяют, что законы тут бессильны, так как проституция - неизбежное зло. Но я думаю, что бессилие закона в данном случае объясняется тем, что он направляет свой удар мимо главных виновников проституции - мимо потребителей женского тела, мимо покупателей проституток. Пока будет существовать спрос на них, будет существовать и предложение, пока мужчины платят деньги посредникам, будут находиться специалисты по этой части. Для уничтожения посредничества надо издать закон, карающий мужчин за покупку женщин при содействии посредника. Надо признать их соучастниками совершаемого сводниками преступления и наказывать за это. Только тогда сводничество будет уничтожено. Но подобного закона мужчины, конечно, не издадут, пока они одни обладают законодательной властью. Он появится только тогда, когда и женщины будут иметь ее.

Из всего вышесказанного мы видим, что бесправие является для женщин громадным препятствием в борьбе с проституцией. Поэтому добывание себе законодательных прав является самой важной задачей для тех, которые действительно желают уничтожения этого зла. На добывание права голоса в народном представительстве женщины должны направить свои усилия.

Пусть женщины прислушиваются к тем стонам, которые раздаются из притонов, где их несчастные сестры и дочери погибают в невыразимых страданиях. Пусть они вспомнят об этих притонах, где гибнет душа и тело не только их сестер и дочерей, но и их братьев и сыновей. Тогда для них станет ясно, что они не могут и не должны мириться со своим бесправием. Им нужны законодательные права для борьбы с тем зверем, который беспощадно губит молодежь обоого пола, создавая страшные бедствия и страдания.

*М. Е. Бландова (Москва)*

**О надзоре за проституцией**

Милостивые государыни и государи! Генерал Рейнбот закрыл около двух лет тому назад дом терпимости в Москве. У него на этот счет были, вероятно, свои соображения, конечно, не гуманного свойства, но как бы то ни было, факт свершился, закрытие домов терпимости состоялось. Говорят, впрочем, что дома терпимости закрыты не все, некоторые еще функционируют и между ними известный "Эрмитаж"; в общем же они заменены домами свидания. Прежде всего, нас заинтересовало, куда девались те тысячи искалеченных физически и нравственно женщин, что были заключены в этих домах, и мы обратились к одному санитарному врачу с вопросом, не было ли случаев обращения к честной жизни хоть некоторых из этих несчастных, но санитарный врач отозвался на этот счет полным незнанием. Можно было бы предположить, что о таком важном распоряжении полиции, как закрытие притонов, были предупреждены благотворительные женские общества, и тем им дана была возможность помочь той или иной обитательнице вертепов выбраться на честный трудовой путь, но делать такие наивные предположения может только тот, кто не знает, как низко ценятся у нас жизнь, благосостояние и достоинство личности...

В Финляндии общество не так безучастно, там усиленно работают над разрешением вопроса, как помочь проституткам, остающимся в скором времени без крова, вследствие закрытия законным порядком всех домов терпимости... "Об-во Hvita bandet", основанное несколько лет тому назад; с целью борьбы против проституции, занято устройством домов призрения для распущенных проституток. В этих приютах предполагается устроить образцовые прачечные и другие мастерские и т. д. ("Союз женщин", январь 1908 г.).

В противоположность финляндскому обществу наше русское общество находится по вопросу о проституции в полном неведении, как будто проституция, эта гангрена современной цивилизации, не отражается губительно на здоровье и нравственности населения. Чтобы бороться со злом, надо его исследовать, а у нас есть только немногие работы о проституции специалистов, касающихся вопроса вообще, но как дело обстоит в данный момент, в данной местности, с этим при всем желании ознакомиться невозможно - сведения эти, к сожалению, не публикуются. А между тем современные женщины считают уже противным своей совести оставаться в счастливом неведении по вопросу, оскорбляющему их человеческое достоинство, задевающему их душевное спокойствие и угрожающему нравственному и физическому благосостоянию всего населения.

Много прилагается стараний успокоить общественную совесть по отношению к проституции. С этой, вероятно, целью некоторые ученые, и между ними Ломброзо, проф. Тарновский, утверждают, что проститутки самой судьбой предназначены для отбывания своего позорного ремесла, что они существа ненормальные, продукты вырождения, дегенерации. В подтверждение этого мнения указываются особенности, по которым в них можно отличить дегенератов, как физические: аномалия ушей, узкие ноздри, грубый голос и т. д., так и нравственные: лживость, нечувствительность к обидам и т.д. - с такими субъектами, следовательно, церемониться нечего. Хорошо же, однако, это успокоение, хорошо оправдание!..

Что такое дегенерат? Ведь это, во всяком случае, субъект ненормальный, физически и нравственно расслабленный, так позволительно ли, согласуется ли с самыми примитивными понятиями о человечности эксплуатировать, болеть, да. Еще для таких низких целей? Да и самое половое общение с физическими и нравственными уродами, каковы проститутки, по свидетельству хотя бы того же проф. Тарновского, самое это общение разве не должно вредно повлиять на того; кто ими пользуется? У нас привыкли слишком легко судить о половом акте, тогда как, по новейшим исследованиям русских ученых. Брандта, Викторов, французских Рибо и др., долевое общение есть акт взаимного питания полов, следовательно, нетрудно себе представить, какие вредные последствия влечет за собой половое общение при таких

унизительных условиях, если мы даже оставим совершенно в стороне опасность заражения венерическими болезнями. Куда же это благотворительное начальство смотрит?

В газетах весьма кратко и отрывочно помещено было в прошлом году, что правила надзора за проституцией подвергнутся в самом скором будущем коренным изменениям. Уже организовано, по словам газет, врачебно-полицейское управление вместо врачебно-полицейского комитета с его обязательным (то есть принудительным) освидетельствованием проститутток. Впрочем, в чем тут, собственно, разница, если по проектируемым новым правилам *предварительно привлекают к ответственности* у мирового судьи, но на основании каких же статей закона мировой судья подвергнет ослушницу судебной каре, когда в законодательном кодексе совершенно нет статей, касающихся регламентации проституции, и эту мрачную область ведают исключительно полиция и администрация? Не вследствие ли этого к женщине, желающей уклониться от медико-полицейского надзора и уже привлекавшейся к ответственности у мирового судьи, будут применяться административные меры. Интересно было бы, однако, знать, в чем состояли и будут состоять административные меры, применяемые к этим несчастным, поставленным вне закона. Вот те краткие и туманные сведения, которые можно было почерпнуть из современной печати о предполагающихся в надзоре за проститутками "нововведениях". Судя по ним, все как будто останется по-старому. Как и прежде, будут издаваться суровые административные правила, карающие беззащитных невежественных женщин, и в то же время по-прежнему, обманом и насилием, будут вербоваться из таких женщин кадры для удовлетворения разнузданной мужской похоти, ставящей мужчину ниже всех животных в мире.

Городские управления при совещаниях по ограничению так сильно прогрессирующей у нас проституции любят указывать на просвещение как на главное средство борьбы со злом. Положим, просвещение вещь хорошая, и нет, пожалуй, того зла, с которым нельзя было бы бороться просвещением, но когда вместо принятия серьезных и неотложных мер против торговли женским телом во всех ее проявлениях делается туманная ссылка на просвещение, то оно, это просвещение, представляется нам в виде Улиты, которая только едет и когда-то еще будет. Надо, однако, помнить, что просвещение к нам с неба не свалится, надо идти ему навстречу. Чем меньше мы будем эксплуатировать бедность и невежество, тем скорее его достигнем. И к тому же разве проституцией пользуются, разве дома терпимости посещают одни только непросвещенные мужчины? "В городе было несколько высших учебных заведений, много молодежи, поэтому дома терпимости составляли в них целый квартал, длинную улицу и несколько переулков", - пишет в одном из своих рассказов Максим Горький. Трудно допустить, согласитесь, что дома открывались в угоду невежественным женщинам. Больше того, высшее образование облегчает молодому человеку доступ в публичные дома, так как студенты, посещающие публичные дома, пользуются там 50 процентами скидки, это установлено, по крайней мере, в одной из столиц. Было бы весьма желательно знать, кто входил по этому поводу в сношение с заведующими домами терпимости - студенты сами или их участливое начальство? Если торговать своим телом мерзко и унизительно и покупать это тело для издевательства над ним тоже не составляет добродетели - в этом случае бедная, невежественная проститутка и покупающий ее высокопросвещенный мужчина едва ли не уравниваются между собой, недоумеваешь даже, кому из двоих отдать предпочтение... Что беззащитная, невежественная женщина легче всего улавливается в сети торговцев живым товаром, это, конечно, стоит вне всякого сомнения; что оказанная ей вовремя нравственная поддержка легко может удержать ее от падения, это тоже неоспоримая истина; но защиту бедных, одиноких девушек не так-то легко у нас осуществить. В доказательство приведем маленькую историческую справку. Лет около девяти тому назад в Москве возникло общество, "поставившее себе целью бороться против разврата и тесно связанного с ним пьянства". Для осуществления своих целей общество предполагало: 1) оказывать женщине нравственную и материальную поддержку, 2) способствовать распространению женского образования, а также

технических знаний, 3) устраивать убежища и приюты для падших женщин и для малолетних, впавших в порок разврата, и т. д. Общество насчитывало около 800 членов, среди которых были известные профессора, ученые, общественные деятели и деятельницы, писатели, и писательницы, врачи-филантропы, земцы и пр. Был собран из пожертвований и членских взносов довольно значительный капитал. Члены не ограничивались только взносами и горячо и дружно принялись за дело. Нам припоминаются оживленные, многолюдные собрания общества, происходившие частью в земской управе, частью в редакции уже не существующей больше газеты или на квартире юной, всей душой отдавшейся начатому ею благому делу председательницы. Общество разделилось на комиссии, в них под руководством знатоков дела были выработаны проекты следующих уставов: убежища для женщин и девиц, впавших в порок разврата и изъявивших желание исправиться, комиссии для попечения об ученицах и мастерицах мастерских, трудовой помощи, бесплатной библиотеки, спасательной комиссии, воскресных собраний для работниц и т. д. Но все или почти все эти благие начинания разбились о преграды, поставленные им недоверчивой администрацией. Воскресные собрания не были допущены вовсе. Вот что мы читаем в отчетах о деятельности других комиссий: "Спасательная комиссия указывает на то, что осуществлять свою задачу: спасти жертвы разврата - она может лишь исключительно при помощи особого убежища, и ввиду того, что на ходатайство об утверждении проекта такого убежища не было никакого ответа, комиссия: прекратила свое существование".

"Комиссией попечения об ученицах и мастерицах мастерских было возбуждено ходатайство о разрешении открыть дешевые квартиры, без которых деятельность комиссии была малопродуктивна. Ответ на ходатайство не был получен, и комиссия принуждена была приостановить свою работу. Это ходатайство было повторено еще три раза, но ответа не получено до сих пор" и т. д. Эти извлечения взяты из отчетов, печатавшихся довольно давно. Теперь это общество, так энергично взявшееся было за борьбу с самыми низменными общественными пороками, вследствие различных административных преград пришло к убеждению в невозможности дальнейшего ведения дела и быстро распадается...

Так вот при каких условиях русскому обществу приходится проявлять свою самодеятельность, а как бы пригодилась эта самодеятельность на благо униженных и оскорбленных особенно теперь, когда все шире разливается волна порока; и как следствие его - заживо разлагающие человека заразительные недуги; теперь, когда уже и администрация начинает сознавать, что опасно оставаться, в вопросе об урегулировании проституции при прежней тактике, когда под предлогом охранения народного здоровья покровительствуется и поощряется разврат. Пора уже, кажется, прийти к убеждению, что 1) регламентация проституции бесполезна, так как если бы сейчас при помощи ее удалось изъять из обращения всех женщин, зараженных венерическими болезнями, и заменить их безусловно здоровыми, то завтра же завтра же эти женщины были бы заражены больными мужчинами, которые, как известно, медико-полицейскому надзору не подлежат; 2) регламентация проституции, безусловно, вредна, так как отмежевывает известную область, в черте которой распутство, как мужчины, так и женщины регулируется, покровительствуется и даже поощряется. На арену борьбы с такой злокачественной общественной язвой, как проституция, русская женщина должна выступить немедленно, а когда она только приобретет себе право голоса в народном представительстве, одним из первых ее требований должно быть требование отмены регламентации, одной из первых забот - оздоровление общественных нравов.

## **6. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ФЕМИНИЗМА**

*М. Б. Бландова (Москва)*

### **О современном положении русской женщины**

Наш настоящий съезд называется Всероссийским женским съездом. Такое его название на первый взгляд покажется несколько странным, неопределенным. Ведь сходятся и съезжаются люди главным образом для того, чтобы обсудить, вопросы и нужды одной общей им деятельности, специальности, профессии; съезды устраиваются членами различных; корпораций, например корпорациями врачей, присяжных поверенных, художников, натуралистов, ремесленников и т.д. Устраиваются съезды для совместного обсуждения вопросов, в которых заинтересованы все члены съезда, вопросов, которые их всех объединяют, им всем близки и важны. Но что, казалось бы, общего между всеми женщинами, населяющими огромную Россию? Что должно объединить женщин различных состояний, национальностей, сословий, профессий, специальностей? Их всех должно, однако, объединить общее им всем гражданское и политическое бесправие. Обсудить это бесправие, наметить те пути, по которым женщины должны стремиться к своему освобождению,- вот что, нам кажется, должно стать главной задачей съезда, так как, работая для своего освобождения, женщины должны сознавать, что работают не только для себя, но и дня своей родины, но и для всего человечества, так как не может быть в этом мире ни благоденствия, ни истинного прогресса, пока в нем существует какой бы то ни было вид рабства, пока род человеческий делится на угнетателей и угнетаемых. Освобождение женщины положит начало новому, лучшему строю государства, новой, лучшей эре в жизни человечества. Что женщина до сих пор не уравнена в правах с другими гражданами, можно объяснить только недостаточной дальновидностью хозяев жизни - мужчин. Еще Екатерина II сказала: "Gouverner - c'est prévoir"<sup>1</sup>; вот этого-то предвиденья и не хватает нашим законодателям.

Сознает или не сознает женщина, но ее бесправие тяжело сказывается на ее судьбе. Сознание своего бесправия начинает, однако

---

<sup>1</sup> Править - значит предвидеть (фр.

@262

пробуждаться в женщине, она уже начинает серьезно им тяготиться и настойчиво заявлять протест против своего подневольного положения. К сожалению, у нас в России такие женщины составляют еще меньшинство, большинство же продолжает оставаться в состоянии инерции. Недаром великий печальник женской горькой доли Некрасов сказал: "Позорный плен, весь ужас женской доли ей для борьбы оставил мало сил".

Изменившиеся экономические условия выдвинули женщину на арену борьбы за существование, но сфера ее деятельности чрезвычайно ограничена. Говоря это, мы имеем в виду женщину средних классов; женщине-крестьянке, работнице труда, конечно, не занимать стать, она делает ту же работу, что и мужчина ее круга, она ему необходимая помощница, и это возвышает ее в ее собственных глазах и в глазах ее товарища - мужчины. Припомним по этому поводу еще одно стихотворение Некрасова, отрывок из поэмы "Мороз, Красный нос":

Есть женщины в русских селеньях

С спокойною важностью лиц,

С красивою силой в движеньях,

С походкой и взглядом цариц.

Идут они той же дорогой,  
Какой весь народ наш идет,  
Но грязь обстановки убогой  
К ней словно не липнет. Цветет  
Красавица миру на диво,  
Румяна, стройна, высока.  
Во всякой одежде красива,  
Ко всякой работе ловка...

Где вы найдете такой образ среди женщин интеллигенции, буржуазии, если хотите. Там она или щеголиха и куколка, желающая своей внешностью приковать к себе внимание мужчины и завербовать себе поклонника, или же, наоборот, отрекшись от своего женского естества, махнув рукой на все радости жизни, неловкая, застенчивая, запуганная, одна бредет, понуря голову, по жизненной стезе. Сознаться, что ни в том, ни в другом женском образе нет и тени царственной красоты. О женщинах, участвующих в освободительном движении, мы здесь распространяться не будем...

Для того чтобы выбиться на самостоятельную дорогу, для того чтобы отвоевать себе хотя бы некоторую независимость, девушке среднего класса приходится преодолевать тяжелые преграды, нагроможденные из предрассудков и предубеждений людей, в чьей власти она находится, в особенности, если ее родные люди состоятельные, а она не мирится с беспечным прозябанием у прокармливающих ее родственников. Выбравшись на трудовую дорогу, она, однако, увидит, что ей не дано права делать ту работу, что делают мужчины ее среды. Она не может, например, участвовать в земском и городском самоуправлении, занимать хорошо оплачиваемые, ответственные должности в министерствах, по судебному, железнодорожному, почтовому и др. ведомствам, служить в кредитных учреждениях и т. д. Отрадно, впрочем, было слышать, что стремление некоторых единичных женщин заняться адвокатурой встретило сочувствие среди присяжных поверенных. Нам кажется, однако, что еще прежде допущения женщин в адвокаты следовало бы исправить одну вопиющую несправедливость по отношению к женщинам, а именно, допустить их в присяжные заседатели. К женщинам совершенно теперь неприложимо евангельское изречение: "Не судите, да не судимы будете", так как судят их по всей строгости законов, а самим им участвовать в суде присяжных, в суде общественной совести не разрешается.

Итак, кроме врачебной и педагогической деятельности, и то в ограниченном масштабе, женщине, предоставлены плохо оплачиваемые и тяжело обусловленные обязанности телеграфистки, телефонистки, бухгалтерши, кассирши, продавщицы и т. д., а между тем получаемое ею среднее, а иногда и высшее образование дает женщине средних классов достаточную подготовку для занятия более ответственных, более почетных и лучше оплачиваемых должностей. Недопущение женщин к разного рода должностям обыкновенно мотивируется тем, что особенности женской природы служат-де препятствием к выполнению этих лучших и почетнейших занятий. Замечательно, однако, то, что вопрос об особенностях женской природы выдвигается только там, где дело идет о более выгодных и прибыльных должностях, когда же женщина несет каторжный фабричный труд, когда она грузит кирпичами

вагоны, когда ее барабанная перепонка страдает от непрерывных звонков на телефоне, когда она, не разгибаясь, сидит с иглой, об особенностях ее природы печалятся весьма мало.

Несоответствию в праве на труд среди мужчин и женщин привилегированных классов страшно принижает и обесценивает женщину этих классов, не говоря уже о том, что от этого терпит и государство, лишая себя добросовестных, прилежных, интеллигентных работников.

*Участие женщин, например, в городском и земском самоуправлении было бы крайне полезно для страны. Невыносимо тяжело это притеснение в праве на труд отзывается и на самой женщине, ее гнетет чувство нестерпимой обиды за то, что она лишена права свободного выбора, права, которое должно сохраняться за каждым существом, не лишенным разума. Поневоле ей приходится искать выхода из своего тяжелого положения в замужестве, что тоже особенно принижает и обесценивает наш пол в глазах мужчин.*

В романе Толстого "Воскресенье" Нехлюдов, обсуждая вопрос о своей предполагаемой женитьбе и сознавая, что Мисси - девушка ему вполне подходящая, все-таки откладывает женитьбу, ссылаясь на то, что "можно было бы найти девушку, имеющую еще гораздо больше достоинств, чем она". И каким мужским самомнением веет от этих рассуждений! Лишенная возможности иметь хорошо оплачиваемое занятие, обездоленная в правах наследства, припомним пресловутую четырнадцатую часть, девушка, если она не обладает богатым приданым, действительно предвещает собой в замужестве обузу, статью расхода, и это есть одна из причин, по которой мужчина избегает брака и предпочитает мимолетные связи. Но девушка стремится к замужеству не для того только, чтобы устроиться, чтобы составить себе положение в обществе. В ней еще говорит природный, вполне законный инстинкт материнства, жажда деловой любви, а между тем она не смеет дать понять тому, кто пленил ее сердце, что она к нему равнодушна. Те же, что пели ей в уши, что ее назначение - быть матерью, тотчас завопят: "Замуж захотела, а! Мужчинам на шею вешается!" - как будто бы не понимают они, что для того, чтобы быть матерью, надо полюбить. Да и у избранника ее сердца девушка на свое робкое признание услышит в ответ холодное: "Учитесь властвовать собой" или "Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой", как певали когда-то Татьяна и Лиза, Онегин и Герман. Припоминая пушкинскую Татьяну, вспомнишь невольно и Анельку из романа Сенкевича "Без догмата". Судьба обеих очень сходна. Послушаем, как резонерствуют по поводу брака Онегин и Леонтий. Первый произносит перед смущенной Татьяной высокопарную тираду, начинающуюся словами: "Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел" и т. д. Не считаю нужным приводить ее всю - она давно знакома решительно всей читающей русской публике. Леонтий в романе "Без догмата" рассуждает так: "Женщине нужно изменить жизнь, отказаться от многих привычек, особенностей, вкусов, а за это едва ли может вознаградить самая чистая, самая великая любовь, для меня это не годится..."

Шансы тут не равны: для девушки отказ от замужества равносителен почти отказу от права любви, права материнства, мужчине же приходится только выбирать между мимолетными связями и браком. Пушкин говорит об Онегине: "Он в ранней юности своей был жертвой странных заблуждений и необузданных страстей". Сенкевич рисует любовные похождения Леонтия с Лаурой, надо думать, что эта Лаура была не первым и не последним увлечением Леонтия. Послушаем, что говорит по поводу приключений неженатых мужчин и гр. Толстой в "Крейцеровой сонате". "Из тысячи женящихся мужчин, - говорит нам писатель, - не только в нашем быту, но к несчастью, и в народе всегда есть один, который не был бы женат уж раз десять, а то и тысячу раз, как Дон Жуан до брака". Следовательно, повторяю, шансы не равные. Напрашивается также сомнение, подарили ли бы своим поздним вниманием Онегин и Леонтий Татьяну и Анельку, если бы те не связали своей судьбы с нелюбимыми мужьями и продолжали вздыхать о своих героях в деревенской глуши. Ответ может быть только один - отрицательный.

Так вот бедной девушке приходится, затаив в своей душе непризнанную любовь, идти за того, у кого явится охота связать с ней судьбу. Браки по любви - явление редкое. Положим, есть еще исход и совсем не выйти замуж, остаться, что называется, старой девой, казалось бы, что ту происходит естественный отбор, что мужчины выбирают себе в жены женщин достойнейших, поразивших их своей человеческой и нравственной красотой, - ничуть не бывало!

В этой уродливо сложившейся среде, которая называется человеческим обществом, брак есть лотерея, непредвиденная случайность, коммерческая сделка. Та девушка, что не умеет или не желает кокетничать, что, по меткому выражению проф. Безобразова, означает будить в мужчине самца, та, что не хочет связать свою судьбу с человеком, овладевшим ее чувством и помыслами, у той все шансы остаться старой девой, несмотря на ее физическую и нравственную красоту. Остается только пожалеть, что эти твердодушные, незаурядные женщины не оставляют потомства.

Выходит как будто бы, что, ограничивая сферу деятельности женщины, законодатели имели в виду удержать ее у домашнего очага, охранить ее для выполнения святых обязанностей матери. Слушая уже ставшие избитыми, давно уже не соответствующие условиям современной жизни возгласы, что назначение женщины - быть матерью, что ее место у домашнего очага, можно подумать, что священное право материнства обеспечено за каждой женщиной, что государство, ограничивая сферу ее деятельности, озабочивается предоставлением ей уютного гнездышка, где бы протекала ее жизнь как жены и матери; но в действительности мы видим совершенно противоположное, мы утверждаем, что государство вовсе не покровительствует семейной жизни, стоит только припомнить, какие препятствия ставит русское законодательство бракам военных, учащихся в высших учебных заведениях; толкая, таким образом, молодых мужчин в лоно проституции и подвергая их риску заражения венерическими болезнями. В наделавшем шуму рассказе Куприна "Поединок" автор, например, свидетельствует, что среди военных 75 процентов сифилитиков. Нам сдается, что если бы население России состояло из одних привилегированных классов, со всеми их нездоровыми вкусами и наклонностями, со всем их настроением, то наша родина давно вся вымерла бы. Русь плодится и множится только благодаря нашему бодрому и крепкому крестьянству, живущему своей своеобразной жизнью, на которую администрация, к счастью, еще не успела наложить свою тяжелую руку. Там каждая девушка, достигая совершеннолетия, выходит замуж, следовательно, каждой молодой женщине обеспечено право материнства. Право, которое, казалось бы, должно было принадлежать не одним крестьянкам.

Немалой задержкой к совершению браков служит также воспреещение лицам православного вероисповедания в течение 260 дней в году; по числу постных дней и канунов праздников. Правило это, давным-давно устаревшее, было введено в первые времена христианства, когда человечество, с одной стороны, увлекалось аскетизмом и силилось пренебрегать своим земным существованием, а с другой стороны, считалось необходимым насаждать строгие нравы среди вновь обращенных христиан и бороться с языческими обычаями, среди которых свадебные пиршества с их излишествами и эксцессами всякого рода играли немалую роль. Теперь представляется совершенно непонятным, почему нельзя в течение постов совершать обряд венчания, где брачующиеся дают обет объединяться на всю жизнь, тогда как ко всякому другому нарушению постов наше церковное ведомство относится совершенно безразлично.

В подтверждение вышесказанного позвольте привести здесь встретившееся в газетах объявление: "Театр "Невский фарс". Завтра, 8 марта, открытие великопостного сезона" - последние три слова напечатаны крупным жирным шрифтом: ну разве это не кошунство, дозволенное нашей обыкновенно не в меру строгой цензурой? Далее следует перечисление пьес, назначенных к исполнению: "В первый раз новая сенсационная оперетта "Фрина наших дней". Действ. 1-е - Фрина из Варвена, действ. 2-е - мартовский кот, действ. 3-е - Фрина перед

кассационным судом, в одном только покрывале; небывалый, еще невиданный трюк. Новейшая шансонетка" и т. д. А венчаться считается за грех! Где же тут логика? И не пора ли снять тяжелый запрет, из-за которого льются слезы, разбиваются жизни, совершаются преступления?

Несмотря, однако, на всяческие препоны, поставленные духовной и светской администрацией, и на другие неблагоприятные условия, все же если принять во внимание все классы населения, то, по статистическим данным, окажется, что замужество есть удел многих женщин.

Посмотрим, однако, что ожидает женщину в браке и постаралось ли наше законодательство облегчить женщине трудные обязанности супруги и матери. О, далеко нет! Брак весь основан на закреплении жены мужу. Уже в церкви, о время венчания, ей внушают посредством чтения апостольских посланий, что муж ее глава, что она должна не только повиноваться мужу, но и бояться *его*. "А жена да убоятся своего мужа!" Этим возгласом и заканчивается обряд венчания. Такое суровое апостольское назидание неминуемо должно отразиться в неблагоприятном смысле на вступившую в супружество женщину, в особенности в простонародном быту. Ведь самый упрощенный способ заставить себя бояться - это выносить побои, что мужья нередко и проделывают".

И закон гласит: 1) жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почитании, неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома; 2) супруги обязаны жить вместе. При переселении, при поступлении на службу или при иной перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним; 3) могут получить виды на жительство замужние женщины, независимо от их возраста, не иначе как с согласия их мужей; 4) не могут наниматься жены без согласия своих мужей. Вот на этих-то четырех параграфах закона, как на четырех китах зиждется закрепощение женщины в браке.

Принято считать, что у нас замужняя женщина имеет право распорядиться своим именем или заработком и что это будто бы составляет ее преимущество перед западноевропейской женщиной. Но это ее самостоятельное распоряжение имуществом есть не более как фикция. Ведь если у жены нет личной свободы, если она не вправе распорядиться своей собственной особой, то как же она осуществит распоряжение своим имуществом? Разве, пользуясь такой неограниченной властью над женой, муж не имеет ежедневной и ежечасной возможности взять себе и, ее заработок, и приданое, и вообще все, чем она владеет? Бывают случаи, когда мужья экспроприируют имущество своих жен с ножом или револьвером в руках, такие экспроприаторы-мужья остаются совершенно безнаказанными.

Из этого краткого обзора положения женщины в браке явствует, что полный произвол мужа ради гуманности и справедливости ради упорядочения и смягчения нравов должен быть ограничен законом. Мы вовсе не имеем в виду сгущать краски и охотно признаем, что много есть хороших мужей, которые вовсе не склонны притеснять своих жен. Но ведь закон, становясь на защиту слабых, имеет в виду парализовать злую волю сильных, хорошим же мужьям - допустим, даже, что их большинство, - никто не мешает оставаться хорошими, как при жестоких старых, так и при смягченных новых порядках.

Не лучше обстоит дело и с разводом, но я позволю себе сделать здесь маленькое отступление. Облегчение развода является, конечно, насущной потребностью общества, но, как бы то ни было, чтобы решиться на развод, супругам приходится сначала много перенести, перестрадать. Желание развестись свидетельствует о пережитой тяжелой семейной драме, страдают тут и дети, и потому очень важно не то, чтобы было меньше законных поводов к разводу, а то, чтобы было меньше желающих разводиться. Достигнуть этого можно только, как мы уже упоминали выше, упорядочив законодательство о браке, то есть, уравнивая в правах мужа и жену.

По существующим законам, на долю мужа дана неограниченная власть, на долю жены - подчинение, и на этой-то почве произвола, с одной стороны, и бесправия - с другой, главным образом и создаются недоразумения, раздоры и нередко преступления. Нашему съезду следует настоять на своем желании, чтобы пересмотрено было брачное законодательство, в смысле уравнивания прав жены с мужем. Финляндские депутатки уже прошлой зимой подали об этом просьбу в сенат.

Поводов к разводу русское законодательство признает весьма мало: доказанное свидетелями прелюбодеяние, безвестное отсутствие, неспособность к брачному сожитию, если это физический недостаток прирожденный, а не приобретенный впоследствии. О чудовищности и дикости требования законодателя, чтобы акт прелюбодеяния был засвидетельствован посторонними лицами, немало уже писалось и говорилось, это есть печальный пережиток грубости наших старинных нравов. Неспособность к брачному сожитию признается поводом к разводу только через три года после вступления в брак, безвестное отсутствие - спустя 5 лет после исчезновения супруга, а для жен лиц, пропавших без вести в военное время, только спустя 10 лет. Кроме того, у нас существует проект о раздельном жительстве супругов, где предполагается разрешать супругам вступать в новый брак только спустя 7 лет, с тех пор как состоялось их раздельное жительство. 5, 7, 10 лет - что это все за чудовищные сроки для лиц, желающих порвать с первым неудачным браком и стремящихся осуществить духовную и телесную близость с теми, кого полюбили теперь! Согласуются ли эти суровые правила с физиологией и психологией человека, как они освещены современной наукой? И скажите, положив руку на сердце, можно ли такие законы уважать и добровольно по совести по ним поступать? 5, 7, 10 лет - ведь это для женщин, при невыносимом ее существовании и вследствие этого при рано наступающем ее старении, ведь это вся ее молодость, вся жизнь ее сердца!

В блаженной памяти шестидесятые годы, когда на полную мрака и лжи русскую жизнь вдруг нахлынула волна правды и милосердия, гр. Блудов, в бытность свою министром внутренних дел, внес в Государственный Совет законопроект о раздельном жительстве супругов, дабы, говорилось в нем, оградить жену от жестокого обращения с нею мужа, но проект этот остался неразработанным и до сих пор. С улучшением женской участи у нас не спешат. Жестокое обращение одного супруга с другим все еще не может служить по нашему современному законодательству поводом к разводу. Жене в таких случаях предоставляется право обращаться с жалобой в суд, и если жестокое обращение будет доказано на суде (синяки, кровоподтеки), то буяна мужа сажают под арест.

Само собой разумеется, что весьма мало находится жен, подающих в суд жалобу на своих мужей, ибо они хорошо знают, что, отбыв наказание, мужья будут им жестоко мстить. Существует, говорят, другой способ: можно обратиться с просьбой о выдаче отдельного вида на жительство к земскому начальнику, но ведь это тот же административный произвол: захочет земский начальник - выдаст вид на жительство, не захочет - не выдаст.

Много говорится в Европе, а последнее время и у нас об охране женского труда на фабриках и в различных промышленных производствах; охрана эта, конечно, крайне желательна, но действительна она будет только тогда, когда жена будет раскрепощена в браке, ибо что пользы от того, что женщину освободят в период беременности и после родов от работы на фабрике, если она будет избиваема дома?

Кроме жестокого обращения, законным поводом к разводу должны были бы по всей справедливости служить заразительная болезнь одного из супругов и алкоголизм. Не то теперь: жена сифилитика, например, которую страшит перспектива заразиться этой ужасной болезнью, не может требовать развода, и достигается он в таких случаях все тем же архаическим, оскорбительным, непомерно дорого стоящим путем. Что же касается алкоголиков, то сколько

вреда физического и нравственного наносят они своим женам и детям, сколько преступлений совершается потому, что алкоголик, человек нравственно и умственно ненормальный, имеет право бесконтрольного распоряжения над своими домашними, а между тем -ограничение алкоголика в правах над своей семьей, задевая мужское самолюбие, должно непременно служить сдерживающим стимулом для начинающих пьяниц и оказать благотворное влияние на общественную нравственность.

Таковы тяжелые условия, при которых протекает жизнь женщины в браке и при его расторжении. Все это неминуемо должно деморализовать женщину и угнетать ее и в то же время служить причиной пренебрежительного отношения к ней общества. В самом деле, она - пария, по отношению к ней все позволительно. Если мужчина относится не корректно и не лояльно к своей жене или любовнице, репутация его от этого ничуть не страдает. Не только простые смертные, но и всем известные общественные деятели в своей интимной жизни не всегда бывают безупречны, но это нисколько не роняет их в глаза общества, с женщинами не принято церемониться. Картина женского унижения не была бы полна, если бы мы не упомянули о проституции, об этой гангрене современной цивилизации, но вопрос о проституции очень обширен, и ему уже было посвящено на нашем съезде небольшое собеседование, а пока зададим себе вопрос: что нас ожидает, куда мы идем?

Теперь, когда происходит переоценка всех ценностей, переоценивается и половой вопрос. Жгучий интерес, который проявляет к этому вопросу общество, в особенности молодежь обоего пола, нельзя объяснить исключительно склонностью современного общества к эротизму, как это утверждают некоторые; нет, современное общество охвачено мучительным сознанием, что отношение полов друг к другу стоит на ложной почве, что люди зашли в этом отношении в какой-то тупик, где царит невообразимый хаос понятий, взглядов, руководящих идей и где всем только ясно, что дальше так жить нельзя...

По нашему мнению, половой вопрос решится в должном смысле только тогда, когда женщина завоеует себе права и вследствие этого будет уважаема в обществе и будет уважать сама себя. Тогда она поднимет в смысле половой нравственности мужчину до себя. Если же она по-прежнему останется рабой, то общество устремится по отношению к половой морали по наклонной плоскости. Женщина пойдет за мужчиной по пути нравственной распущенности. Она уже более не затворница у домашнего очага, жизнь выдвинула ее на арену общественной сутолоки. Вынужденный аскетизм начинает сильно ее тяготить, ей уже наскучило неведомо для кого и для чего подавлять в себе жгучую потребность в половой любви, ей, как находящейся в рабском достоянии, нечего жалеть, нечего терять! Насколько близкой подражательницей в нравственной разнузданности она явится, если жизнь ее останется такой же безотрадной, предсказать нетрудно. В нашем любезном отечестве грозит воцариться нравственность павианов. Но будем надеяться, что прежде чем случится такое несчастье, женщина завоеует себе свободу и равенство. Тогда отношения полов друг к другу будут согласовываться с требованиями природы и справедливости, не будет в этом случае ни обидчиков, ни обиженных.

Но этого мало, конечно: добившись участия в управлении страной, женщина совместно с мужчиной будет участвовать в созидании лучшего социального строя, и этот строй, строй экономического равенства и братства, наступит тогда скорее, скорее взойдет солнце правды и всеобщего благополучия над нашей страдавшей родиной!

*М. Л. Вахтина (СПб)*

**Брачный вопрос в настоящем и будущем**

Разбирая вопрос о браке, писатели всегда указывали, что брак и его развитие находятся в зависимости от экономического положения данной страны и от степени производства данного народа и членов семьи. Вот почему будто и те члены семьи брали верх в доме, на долю которых выпадала более значительная часть производительного труда. Не отрицая этого, я должна, однако, сказать, что все это так и было до сих пор, но далеко не есть в настоящее время.

Брак и семья пережили уже четыре фазиса, которые всем хорошо известны и о которых было уже много говорено. Теперь мы вступаем в новый фазис эволюции брака, основанный не только на материальном благополучии, но и на духовном единении людей.

В те времена, когда человек не знал, да и не мог знать никакой другой работы, как только умножить, сохранить и прокормить свою семью, выполняя тем заповедь, данную ему Богом в раю<sup>1</sup>, мысль о духовном и нравственном совершенствовании своего вида (семьи) не приходила даже и в голову, так как размножение было единственной наградой, обещанной человеку Богом за его добрые дела. "Умножу потомство твое, как песок морской", - говорит Йогова Иакову. Понятно, что при таких условиях экономическое положение семьи должно было играть главенствующую роль, а потому и тот член семьи, который вносил большую часть производительного труда, должен был считаться по праву главой семьи.

Теперь не то. В настоящее время человек уже осознал в своем лице духовное существо. Он понял, что знанием он постепенно покоряет себе природу, а нравственным совершенствованием убивает в себе животное начало, унаследованное им от прародителей, под именем первородного греха, которого он начинает теперь стыдиться, а потому и стал искать духовного единения.

Греки искали физического подбора, чтобы усовершенствовать красоту форм, которую боготворили. Современный человек ищет нравственного подбора, для чего и стремится к духовному единению. Он перестал боготворить красоту форм, он боготворит красоту духа, духовную силу, хоть и в слабом теле. Его идеалы, его божество - более не Аполлон и Венера, а Любовь и Всепрощение

---

<sup>1</sup> Плодиться, множиться и наполнять землю

- Христос и Материнство - Дева Мария. Грекам легко было совершенствовать красоту форм, ради которых они уничтожали все слабое и безобразное при самом рождении. Современному человеку труднее, так как духовное безобразие не проявляется при рождении, оно определяется уже в зрелом возрасте, когда невозможно уничтожить человека, это не допускается ни нравственным, ни религиозным чувством. А потому человек-мужчина начинает искать в человеке-женщине те нравственные качества, которых недостает ему самому, и те смягчающие его душу инстинкты, которые вложены в природу женщины, будущей матери его детей. В свою очередь и человек-женщина ищет в мужчине благородства духа, гуманности и силы воли, одним словом, те качества, которые она хочет, чтобы унаследовало ее потомство. Итак, вы видите, что требования различны, значит, и оценка человеку теперь является уже другая.

Требование духовных качеств уступает постепенно место требованию производительного труда, а вместе с этим и свободная любовь или, вернее, свободный брак должен уступить место насильственному браку, потому что духовный подбор может быть только при свободной любви, явившейся между людьми без всякого расчета, - не связанными никакими догматами, никакими путами. Вот это, и только это, - святая любовь, а не современный брак, придуманный ради поддержания семьи и облегчения сбора податей, - есть то великое таинство, к которому

должно приступать с благоговением, для которого не должно существовать ни отдыха, ни дней недели, так как это единственное великое, с которым ни одно из шести других не может сравниться, так как оно основано не людьми, как все другие, а самой природой, самим Богом. Вот об этом-то браке и поведу речь. Не касаясь исторического развития брака, я скажу лишь одно, что брак есть и был всегда показателем культурности нравственного уровня народа в данное время.

Человек в понятиях древних не имел значения личности. Для них личность не существовала, а признавалась только масса: род, племя, семья и проч. А потому о свободе выбора в любви у них не могло быть и речи, как это и сейчас еще существует у нас в крестьянстве, где сыну берут в жены не ту, которую он себе наметил и которую любит, а ту, которая удовлетворяет требованиям семьи, - хорошую работницу, здоровую и сильную девушку.

Говоря о свободной любви, я вовсе не хочу этим сказать, что кто-нибудь или что-нибудь может сделать эту любовь свободной или признать за ней свободу. Любовь свободна сама по себе, так как она просыпается в человеке не по его воле, разрастается не по его хотению, а совершенно независимо от его воли, а потому и не может быть подчинена никаким законам человеческим.

Осознав в себе чувство любви, человек стремится к той или к другому, не руководствуясь ни расчетом, ни долгом, и такой союз есть союз священный, так как здесь люди соединяются исключительно во имя любви. И все, что они будут делать друг для друга, будет ими делаться во имя этой же любви, так как они любят не потому, что обязаны любить, а потому, что они не могут не любить друг друга; а потому при таком союзе не может быть и речи ни о самопожертвовании, ни о подчинении, так как тут двое совершенно равноправны и нет здесь ни старшего, ни младшего, ни господина, ни подчиненного, а есть товарищи, друзья, любящие друг друга. Такой брак, безусловно, свободен, к нему, и только к нему, следует стремиться.

Конечно, так могут любить пока еще немногие. Вот почему такая любовь и воспевалась во все времена величайшими поэтами всех стран. Это тот идеал любви, к которому всегда стремился человек.

"Свободного свободная любовь", - сказал великий Пушкин в "Русалке".

Современный же брак - это путы, это тюрьма, в которую заключены два невольника, не только не имеющие ничего общего между собой, но очень часто даже ненавидящие друг друга. И скованы они одною короткою цепью, всего в два кольца, но оттого-то она так и тяжела, что коротка, так как не дает ни тому, ни другому возможности шага шагнуть свободно.

И такой брак, будь он освящен целым сонмом духовенства, не может быть свят - это ад, и его защищать безумно, он должен быть уничтожен, потому что безнравственен, так как благословляет он не на любовь, а на сделку и на разврат.

И этот брак назвать святым,

Скорей назвать его - клятым, -

сказал еще Герцен.

До сих пор мужчина требовал безусловного целомудрия от девушки и обязательной верности от жены. И он имел на это глубокое основание, так как не хотел, чтобы состояние, нажитое его трудом, переходило чужим детям, потому что экономический вопрос стоял для него до сих пор на первом плане.

Теперь не то. В настоящее время не только мужчина предъявляет эти требования женщине, но и женщина начинает предъявлять те же требования мужчине, только она руководствуется совершенно другим. Так как она знает безошибочно, что дети ее и кто их отец, то ею и не могут руководить экономические причины. Ею руководит совершенно другое, а именно оздоровление потомства, а это гораздо серьезнее.

Как некогда мужчина не хотел работать для чужих детей, так теперь женщина не хочет более обрекать себя и свою семью на страдание и вырождение, а потому и начинает требовать от жениха, будущего отца ее детей, такого же целомудрия, а от мужа - такой же верности, что требуют от нее.

Итак, если экономические требования считались настолько важными, что в ограждение их явились законы всех стран, то как же серьезно должны будут теперь отнестись законодатели к такому важному требованию женщины, от которого зависит благосостояние, здоровье, мощь не только матери и ее поколений, но и счастье, сила и здоровье целой смены - всего человечества. Подумайте же об этом серьезно.

Если прелюбодеяние женщины, наносящее экономический ущерб семье, так жестоко наказывалось, до избияния камнями включительно, то какого же наказания достойны те, кто вносит в семью болезнь и вырождение, благодаря чему все человечество осуждено на неврастению и поголовное вымирание? Посмотрите, как с каждым годом понижается процент новобранцев, годных к службе. А кто виноват в этом? Наши милые законодатели, которые в ограждение своих экономических интересов оказались так неумолимо жестоки к женщине и так же снисходительны к себе. При свободном браке таких явлений быть не может. Любящий жених не захочет обрекать любимую девушку на страдание и горе, не захочет он и своих детей видеть неврастениками и слабоумными, склонными к самоубийству, с наследственными пороками, а потому будет беречь тот драгоценный материал, которым его снабдила природа для продолжения вида, а не растрачивать его для своего удовольствия направо и налево. И тогда, конечно, проституция должна будет исчезнуть сама собой, так как ей не будет места между свободно любящими людьми. Вместе с этим наступит и полное оздоровление человечества, так как и все те ужасные болезни, которые теперь разъедают человечество, исчезнут тоже, а потому, как только женщина получит право голоса в парламенте, ее первой задачей должно быть: внести вопрос о браке, внебрачных детях и о свободе любви, так как в настоящее время больше всего страдают дети, затем юноши и девушки, которые уже более не готовят себя для семейной жизни, не надеясь иметь таковую.

Современный брак потому так и плох, что люди воображают, что можно в браке отделить духовную связь от плотской. Но это все равно, что отделить душу от тела. Что такое душа без тела? Идея. А тело без души? Труп. То же и в любви. Любовь духовная, платоническая без плотской связи - это идея; плотская же связь без духовного единения - разврат, который убивает в человеке его личность и делает из женщины вещь, забаву. Духовная жажда любви есть стремление соединиться с другой душой в одно гармоническое целое. Это хотя и верх блаженства, но и его все же недостаточно для полного счастья, для этого нужно еще и плотское единение, которое и должно завершать гармонию. Платоническая любовь, как мы знаем, существовала во времена рыцарства, но она не удовлетворяла людей, потому что рыцари, в конце концов, все же женились, оставляя своих дульциней страдать.

Из всего сказанного мною возникает вопрос: как же будут чувствовать себя дети при свободном браке? Да так же, как и теперь. При свободном браке вопрос о внебрачных детях так же отпадет в область предания, как и вопрос о проституции. Раз будет предоставлено людям на их усмотрение, закреплять ли свой союз в церкви, у мэра или просто своим любящим словом, какие же при этом могут быть внебрачные дети? Тогда все дети будут равны, так как будут

иметь одинаковые права. Но для того, чтобы, вступая в свободный союз, молодые люди не могли принять мимолетную вспышку за святое чувство любви, нужно, чтобы девушки и юноши воспитывались в одной и той же школе, тогда они с детства привыкнут видеть друг в друге не только субъектов разного пола, но и товарищей и друзей, и тогда чувственное влечение юноши к подруге-девушке будет уже не просто некая вспышка, а высокое и святое, здоровое чувство любви. И привыкнут люди смотреть на свободный брак как на основу всех жизненных отношений. Этот независимый брак уничтожит собою и страшную процедуру развода, так как люди будут свободны во всякое время разойтись, если увидят, что совместная жизнь их стала более не под силу. Еще одно обстоятельство может обеспокоить общество, а именно что молодые супруги при настоящих экономических затруднениях не в состоянии будут сами воспитывать своих детей за недостатком средств. Но тут обязано, безусловно, прийти на помощь правительство, которое и должно взять на себя заботу о будущих гражданах устройством большого числа воспитательных заведений.

Отдают же в настоящее время очень зажиточные родители своих детей в институты и корпуса, почему не делать так и молодым супругам?

Кроме того, можно учредить и детский фонд, обложив всех достигших половой зрелости налогом в пользу детей, и выдавать родителям на руки нужную сумму на воспитание детей, как это делается в морском ведомстве, тогда не понадобится и столько детских интернатов.

Итак, современная женщина предъявляет мужчине новые права, она перестала в браке ставить долг на первый план, он уже не хочет более, как Татьяна, говорить: "Но я другому отдана и буду век ему верная". То была прежняя женщина, строгая к себе и снисходительная к другим. Теперь женщина уже не та, она стала понимать, что любовь по долгу - преступление, что такая любовь есть величайшее унижение человеческой личности, а потому стремится всеми силами сбросить с себя этот гнет и сделать этот брак, как и развод свободным.

И эта новая, облагораживающая и освященная не церковью, а самою женщиной любовь, конечно, не будет иметь ничего общего с грубым животным инстинктом, возможности проявления которого так боятся противники свободного брака.

***К. Макшеева (СПб)***

### **Нравственная сторона русской женщины в литературе и в Жизни**

Все мы в свое время увлекались, конечно, девочкой, изображенной Пушкиным, мечтательно сидящей под окном "с французской книжкою в руках"; в юности нам хотелось походить на нее, и не даром - в Татьяне поэтом воплощен целый внутренний мир, такой богатый и привлекательный. С Татьяны начинается сложная жизнь души русской женщины, полной глубоких переживаний и тончайших изгибов. Она

...от небес одарена

Воображением мятежным,

Умом и волею живой,

И своенравной головой

И сердцем пламенным и нежным.

Но можем ли мы, утонченные люди **XX** века, восхищаться провинциальной барышней, воспитанной на поверьях и предрассудках, с фантазией, разожженной романами и одинокими мечтами, когда кругом нас кипит политическая борьба и деловая, реальная жизнь, торжествуют знание, наука, и во всем этом принимает живейшее участие женщина, и не как зрительница, а как сотрудница? И все же Татьяну мы не можем не ценить, и отдаленность расстояния делает ее еще значительнее и увлекательнее.

Ведь в ее лице русская женщина с пробужденной мыслью почувствовала и одиночество, и разлад с окружающей помещичьей действительностью и вместе непосредственную любовь к народной силе, воспитавшей ее среди природы и вдохнувшей ей душевное здоровье и нравственную силу.

У Татьяны есть корни в глубине русской жизни, она не беспочвенна, подобно тепличным растениям института или галлицизированным светским дамам высшего круга. Ей, как женщине 20-х годов, естественно было всецело, без оглядки, погрузиться в бездонную область чувства, но оно в ней не заглушало других сторон духа; так мысль в ней заговорила, лишь только прошел первый удар юного увлечения.

Родную природу и деревенскую обстановку она любила органически, как частицу самой себя; в ней еще не было гуманитарного интереса к народу, но было сочувствие его задушевной жизни, полной незатейливой, но искренней поэзии. И внедрившиеся в нее элементы народности дали ей тот богатый внутренний мир, которого недоставало более образованному Онегину, и помогли ей исполнить тяготу долга, не внешнего, а чисто внутреннего, вызываемого нравственным законом совести, что так глубоко было отмечено Достоевским.

В лице Татьяны русская женщина стала жить внутренней жизнью, свободная духом, хотя и подчиненная в своем быту. Роскошный мир иностранной литературы и искусства, родная скромная природа, а в основе всего богатейшая жизнь чувства, хранимая, как святыня, на дне души - вот сфера Татьяны, а с нею и лучших женщин ее поколения.

А что женщины 20-х годов способны были и на активность в любви, показали жены декабристов, последовавшие за мужьями из своей комфортабельной жизни в глубь Сибири, бросив свои дворцы и преимущества ради суровой борьбы, согретой сердечным чувством.

Вслед за Татьяной идет другая женщина, впервые мы ее видим тоже мечтательной девушкой, сидящей в саду с горькими думами и мучительными вопросами. Она еще дальше, чем Татьяна, от своих родных, от своего круга, ее еще более влечет к народу, к крестьянским детям, к деревенским бабам. "Не могу никак понять, отчего крестьяне нашей деревни лучше всех гостей, которые ездят к нам из губернского города и из соседства, и гораздо умнее их, а ведь они учились, и все помещики, чиновники, - а такие все противные", - говорит семнадцатилетняя Любонька, вышедшая впоследствии замуж за учителя Круциферского (в романе Герцена "Кто виноват?"). И у нее душевный разлад, и в ней кипят борьба, даже не чувства с долгом, а двух самостоятельных чувств: дружбы к мужу, доброму, преданному, выведшему ее из невыносимой обстановки отцовского дома, и любви к Бельтову, в котором она сразу почуяла родственную себе душу, увидела "страшное богатство сил и страшную ширь понимания". Это столкновение двух чувств не было бы для нас особенно интересно и не шло бы дальше обычного романа, не будь в основе любви Круциферской к Бельтову благо духовного переворота. Молодая женщина поражена "силой, отвагой мысли", на которые не способен ее кроткий, меланхолический муж,

ей хочется полного понимания и сочувствия. "Я много изменилась... - говорит она в своем дневнике. - Его огненная, деятельная натура, беспрестанно занятая, трогает все внутренние струны, касается всех сторон бытия, сколько новых вопросов возникло в душе моей! Сколько вещей простых, обыденных, на которые я прежде вовсе не смотрела, заставляют меня теперь думать.

Многое, о чем я едва смела предполагать, теперь ясно!"

Драма Круциферской не только в том, что она, замужняя женщина, полюбила другого, а гораздо глубже: она любит и мужа теплой привычной любовью, но новый мир чувств и мыслей открывает ей человек, более близкий ей по духу, с которым она вынуждена расстаться, чтобы не расстраивать своей семейной жизни. Дилемма Герцена "кто виноват" не решается ни в чью сторону, потому что не виноват никто, а страдают все. И женщина гибнет от избытка в ней чувства и духовной одаренности, но, страдая сама, она не желает видеть несчастным другого, не строит своего счастья на его муках. Высокоразвитое нравственное сознание - неотъемлемая черта этой женщины, переживающей еще более сложный лабиринт чувствований, чем Татьяна.

До апогея самоотвержения, до вершины резиньции дошла русская женщина в лице тургеневской Лизы; это лучезарный образ чистой, самобытной девушки, религиозность которой носит глубоко внутренний, идейно-нравственный характер. Это христианская голубица, с ранних лет готовая на жертву, на служение; счастье, мечта всякого молодого существа для нее является лишь мимолетным проблеском, за которым следует покорность, самоотречение.

"Счастье на земле зависит не от нас", "это все в Божьей власти", "покориться", "простить, чтобы и нас простили", "отмолить и свои грехи, и чужие" - вот какие христианские понятия и чувствования наполняют сердце Лизы с нежной юности, и нельзя сказать, чтобы они были только навеяны чьим-нибудь влиянием: нянины семена падали на восприимчивую почву, ее речи не скользили по молодой душе" а глубоко врезывались в самое ее нутро. Заставить полюбить Бога восторженно, как отца и как друга, никто не может, это величайший духовный дар, присущий немногим и щедро отепляющий скромную, непочатую натуру Лизы. В ответ на разглагольствования Лаврецкого о значении христианства Лиза, не ведая сама, попадает в самый корень вопроса, говорит, что "христианином нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть".

Вся христианская философия лежит в этих простых, незатейливых словах. Чувство нравственной ответственности насквозь пронизывает все существо Лизы и охватывает важнейшие моменты ее жизни: и молитву, и любовь, и уход из мира. Сама кристально чистая, Лиза - это искупительная жертва за близких и окружающих ее людей. Не внешние причины, не условности заставляют ее уйти в обитель, а глубокое осознание окружающего ее зла и необходимости внести в него примирение. Но, покидая мир, она не ломает себя, а воссоединяется с родной стихией-с Богом.

Такая внутренняя религиозность, христианственность души присуща русской женщине, явившей и образцы святости, и подвиги самоотречения на протяжении своей многострадальной истории.

До сих пор мы касались женщин, жертвующих собой в тиши, ради возложенного ли на себя долга, высшего чувства или убеждения. Но расширяющаяся сфера жизни начинает требовать от женщины активности, и она выступает с беззаветной смелостью на подвиг, на борьбу. Тургенев, поэт русской женщины, дает нам яркие образцы этого типа. В Елене из "Накануне" русская женщина пробуждается к деятельной жизни, стремится проявить себя вовне. С самого детства ее влечет помогать бедным, утешать несчастных; все страждущие - не только люди, но

и загнанные животные, даже насекомые и гады возбуждают ее жалость. Ей мало книги, она рвется в жизнь: вначале на свидание с нищей девочкой Катей, потому, рука об руку со своим избранником, на помощь угнетенным славянам. Ее манит жизнь "на всей Божьей воле", но в окружающей среде она не находит себе отклика. "Ее душа разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, но клетки не было", - рисует ее облик Тургенев. Никто не стеснял ее, никто ее не удерживал, а она рвалась и томила, она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя. Все, что окружало ее, казалось ей не то бессмысленным, не то непонятным. "Как жить без любви? А любить некого!" - думала она, и страшно становилось ей от этих дум, от этих ощущений.

Елену вывел из этого тягостного кипения внутри и вынужденного бездействия не русский - русские борцы из молодого поколения тогда еще не отлились в форму, о чем так красноречиво писал Добролюбов. Перед Еленой явился человек из далекой, угнетенной Болгарии, направивший все свои силы на освобождение родины. Деятельный склад Инсарова заставил Елену отдать ему преимущество над более развитым, но рефлектирующим Берсенывым - прекраснодушным русским интеллигентом;

"Быть доброй - этого мало: делать добро... да; это главное в жизни" - вот к чему направлены стремления Елены, и, не находя им исхода, она восклицает: "Пошла бы куда-нибудь в служанки, право: мне было бы легче". Служить чему-нибудь, отдать себя всецело - вот ее заветная мечта.

"Кто отдался весь... - говорит Елена, - тому горя мало, тот уж ни за что не отвечает. Не я хочу: *то* хочет".

С 60-х годов положение дел меняется: вопросы, поставленные предшествующей эпохой в "Накануне", "Что делать в России?" и "Будут ли у нас люди?", уже получают себе ответы. Начинается кипучая пора преобразований, вместе с которой разворачивается самодеятельность женщины. Страдание за других, ищущее деятельной любви и справедливости, переполняет ее сердце и влечет ее отрешиться от всяких условностей и идти в народ.

"Если я несчастна, то не своим несчастьем, - говорит Марианна Нежданову. - Мне кажется иногда, что я страдаю за всех притесненных, бедных, жалких на Руси... нет, не страдаю - а негоую за них. Возмущаюсь..., что я за них готова... голову сложить".

"Жажда деятельности, жертвы, жертвы немедленной - вот чем она томила", - говорит Тургенев про эту новую разновидность женских типов, стремящуюся "опроститься". Марианне уже не надо нести свои силы на Балканский полуостров, она видит им приложение здесь, среди голодных и невежественных крестьян.

"Верю всеми силами души - и посвящу этому делу всю свою жизнь! До последнего дыхания!" - с восторгом восклицает Марианна.

В лице Марианны русская женщина выступает на общественное поприще. Пусть первые шаги ее робки, и несмелы, пусть сама цель наивна и мечтательна. Дело тут не в практическом достижении, не в целях, а в той внутренней напряженности, в том беззаветном самоотречении, с какими женщина 60 - 70-х годов идет в народ его пробуждать, учить, врачевать, наконец, учиться у него; набираться сил. Покаяние за свои преимущества, жажда полного прощения, слияния с народом, служения ему - вот какие мотивы громко зазвучали в русской интеллигенции вслед за освобождением крестьян и в чуткой душе женщины нашли себе живейший отклик.

Длинные вереницы женщин потянулись на разные поприща культуры: кто в сестры милосердия, кто изучать медицину, науки на курсах и заграничных университетах, кто в школы учить детей, крестьянских по преимуществу. Им этим девушкам, уже не нужно было, как первым пионеркам освободительного движения, чтобы их вел непременно мужчина, чтобы любовь одушевляла стремление их к деятельности, интерес и убежденность становились все более и более самоценными чертами таких девушек.

"Вот это-то изящнейшее, невыдуманное и притом реальное слияние девичьих и юношеских черт в одном лице, в одной фигуре, осененной не женской и не мужской, а "человеческой" мыслью, и освещало, осмысливало и шапочку, и плед, и книжку и превращало в новый, народившийся, небывалый и светлый образ человеческий", - говорил о новых девушках Глеб Успенский.

Психолог женской души, к руководству которого я более всего прибегаю, Тургенев, начав изображение русской женщины с первых ее сознательных шагов, довел его до апогея активности: я говорю о его стихотворении в прозе "Порог", где одним штрихом пера художник начертал образ девушки, жертвующей ради своей освободительной идеи всем: и счастьем молодости, и свободой, и самой жизнью, идущей на всевозможные лишения, позор, даже преступление. И она переступает роковой порог, и наряду с голосом, называющим ее безумной, другой провозглашает ее святой.

И есть глубокая правда в том, что в самоутверждении такой девушки есть все данные для подвига, что отвергнуть себя есть путь святости, нарушить нравственный критерий, уважение к чужой жизни, может заставить лишь мрачное отчаяние, а не свободная сознательность, и протекающий за порогом акт есть акт фанатизма.

Задумываясь над движением русской женщины сквозь скорбную, тернистую нашу общественность, наблюдая ее бодрое выступление в народе, ее безымянную работу в его рядах и, наконец, грозное выступление в роли Немезиды, поневоле ставишь себе вопрос: что же делать, на чем остановиться, какой избрать путь тем, кто ищет не своего, а чужого блага: "*Не я хочу, то хочет*".

На этот вопрос нам отвечают как евангельские заветы любви к ближнему, непротивления злу насилием, так и выводы нравственной философии о безусловной ценности человеческой личности.

"Действуй так, чтобы человечество, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, всегда употреблялось тобой как цель и никогда как только средство". Эти мудрые слова кантовской этики должны быть приняты за компас при блуждании по лабиринту жизни и общественностью за светильник при человеческом строительстве в мрачную, безлунную ночь.

Расставшись с литературным изображением женских типов, обратимся к впечатлениям жизни: перед нами пройдут ряды самоотверженных деятельниц на пользу народа, живых и уже отошедших. Самый наш съезд есть наглядная картина Женской деятельности, иллюстрирующая ее многообразные проявления.

В настоящий исторический момент мы присутствуем при неуклонном движении русской женщины во всех направлениях, на всевозможных поприщах. Что несет с собой это знаменательное явление, всколыхнувшее русское общество по всем его захолустным углам?

То, что женщина вступит в ряды адвокатов, инженеров, помощников, гласных, наконец, депутатов, очень ценно для ее человеческой самостоятельности, но еще более важно то, как она вступит на эту дорогу, раздвинет ли она ее только вширь или же укажет и новые направления.

Хотелось бы думать последнее. Хотелось бы думать, что женщина принесет с собой запас непочатых сил и далеко подвинет внутреннюю культуру, лишь при развитии которой возможно общественное обновление.

*Нравственное творчество* - вот прямая задача, возлагаемая на женщину жизнью и историей. Как она шла в больницу и школы, пусть она идет в тюрьму и, заботясь о заключенных как о несчастных, перевоспитывает преступную волю. В области половой нравственности начинается громадная борьба с проституцией, и женщине предстоит сыграть деятельную роль при очищении нравов. Во внутреннем самоуправлении дел не перечесать, сколько заботы о бесприютных и обездоленных, сколько насущных задач в борьбе с неравенством и несправедливостью выдвигает жизнь. Пусть женщины - фабричные инспектора и городские техники спустятся в самые низы социальной жизни и примутся за защиту интересов труда и за организацию лучших условий существования, начиная с самого простого - с жилища. Благотворительность, которой часто отдаются женщины, расширенная и основанная на взаимопомощи, может покрыть города и деревни целой сетью попечительств. Политика при участии женщины должна проникнуться иным, более гуманным и возвышенным духом, война постепенно уступит место арбитражу и мирному разрешению конфликтов.

Если мне возразят, что я вдаюсь сейчас в утопию, то думаю, что лишь в отношении современного момента, а не безусловно. Невозможное сейчас может осуществиться через десятки и сотни лет; надо лишь вычислить при закладке фундамента, есть ли у нас достаточно материала для постройки здания. Повторяю, что психический склад русской женщины, ее самоотверженная работа на других поприщах служат залогом этой возможности, а творчество наших великих художников ободряет нас, как вещее пророчество.

**М. М. Янчевекая (СПб)**

### **Женщина у Вейнингера**

В умственных течениях последнего времени заметно проявляется тенденция к радикальной переоценке общечеловеческой ценности женщины и к ее духовному принижению. Тенденция эта появилась у нас одновременно с половым вопросом, но первоначально она высказывалась так мягко и осторожно, что ее как-то совсем не замечали, и хотя так называемая "молодая литература с самого начала содержала в себе солидную дозу презрения к женщине", в ней многие хотели видеть орудие женской эмансипации и при ее помощи собирались спасти женщину от пережитков рабства.

Предполагалось, что Санины явились к нам не нарушить, а исполнить закон или, говоря современным языком, освободить женщину от "последних цепей", но, странное дело, по мере того, как эта эмансипация подвигалась вперед, отношение к женщине в свою очередь менялось, и когда вместе с цепями спали и "последние" оковы, то неожиданно обнаружилось, что с женским вопросом у нас обстоит не все благополучно. Начались лекции со странным заглавием "Женщина и человек"; стали появляться статьи, старательно выискивавшие "истинную" природу и "истинное" призвание женщины; наконец, наметились даже известные практические выводы из смутно обрисовывавшихся положений. Одни, например, высказывали пожелание, чтобы женщины бросали мужские дела, между прочим, неумеренное чтение, справедливо доказывая, что оно портит глаза; другие, ратуя за женскую стыдливость, открыли поход против совместного обучения, причем особенно неодобрительно отмечали то обстоятельство, "что у

нас в медицинских институтах не женщины-врачи, а исключительно мужчины объясняют девушкам строение и функции человеческого тела".

Коротко говоря, у нас появились ростки новой идеологии по женскому вопросу.

Судя по началу, нашим доморощенным идеологам вряд ли бы удалось самостоятельно свести концы с концами и создать какое-нибудь законченное идейное здание. Но у нас так уже исстари заведено, что сами мы только готовим материал, а научное и принципиальное обобщение выписываем из-за границы. На этот раз в ответ на наш вопрос мы получили оттуда "Пол и характер" О.Вейнингера.

Трагическая фигура Вейнингера плохо гармонирует с теми разжигаемыми настроениями, которые создали у нас почву для увлечения им. Философ-моралист аскетического типа, беспощадно строгий к себе и к другим, он менее всего годится для роли "модного" писателя, и если бы он был жив, то его мишурный успех в далекой и чуждой ему по условиям жизни стране только утвердил бы его в его мнении о "женственности" русской нации. Но у книг есть своя судьба, и авторы часто бывают ее виновниками.

Введя в свое исследование элемент дешевого сочинительства, направленного на такую пикантную тему, как женщина, Вейнингер одновременно обесценил и популяризировал свой труд. Философская сторона его воззрений отодвинулась куда-то вглубь, а на переднем плане осталось его отношение к женщине и удобная формула М. и Ж., конечно, без обременительного научного багажа. А между тем смысл книги Вейнингера не в женщине и даже не в половом вопросе, а в основной для философии этической проблеме добра и зла, которую он непосредственно связывает с проблемой духа и плоти и кладет в основу своего миропонимания. Дуализм Вейнингера - этический по своему миропониманию. Его корни не в дерзновениях разума, отважно, но бесстрашно переступающего заповедные границы опытного познания, а в бурном протесте нравственного чувства, восставшего против ограниченности и греховности человеческой природы и вынуждающего исследователя расценивать все явления жизни как положительные или как отрицательные. Поэтому и вопросы пола интересуют Вейнингера не сами по себе, а как ключ к "проблеме вины", как путеводная нить к открытию и уяснению источника зла в мире. Уделяя им специальное исследование, он стремится лишь подойти вплотную к старому, но доныне не исчерпанному вопросу: *Unde malum?*<sup>1</sup>

Средневековые отвечали на него мистической фигурой дьявола. Вейнингер заменил дьявола женщиной. И хотя в последнем счете он возлагает вину и ответственность на мужчину, непосредственная носительница зла для него все же женщина. Она - вечный соблазн, живой воплощение "греха", и мировое зло, отождествляясь с ней, фатально ускользает из-под контроля морального начала, хранителем которого является женщина. Моральная коллизия становится в силу этого безысходной.

Вдумываясь в эту концепцию, нетрудно заметить, что Вейнингер совершил здесь как раз то, чего, по его мнению, никогда не делает гений: вместо того чтобы повсюду искать единства и связи, он раздробил вселенную на куски и этим закрыл себе путь к гармоническому синтезу, в котором у его учителя Канта сочетались звезды на небе и нравственный закон в человеческом сердце. Искать разрешения мировой проблемы в расколотом мире и с раздвоенной душой было явно бессмысленно, и Вейнингер покончил с собой, думая найти в смерти разгадку жизни.

<sup>1</sup> В чем зло? (лат.)

Как бы ни относиться к философским взглядам молодого ученого, нельзя не признавать глубокой серьезности его исканий. В них он поставил на карту свою жизнь, и, когда карта была бита, он окупил ее своей кровью. Вот этой-то всеискупляющей серьезности и глубины не хватает в тех умственных запросах, которые ему выпало на долю удовлетворять. Известно, что в широкой публике интересуются не столько высшими проблемами бытия, сколько просто "тайнами жизни", не столько отвлеченными началами М. и Ж., сколько реальными отношениями полов. У Вейнингера достаточно воды и на эту мельницу, и потому неудивительно, что он сразу завоевал себе если не славу, то популярность.

Одно время чуть ли не на каждом шагу приходилось слышать: "Страшная книга! Неотразимая логика! Немудрено, что женщины молчат - нечего возразить". Если вы спрашивали говорившего, прочел ли он эту книгу, то в девяти случаях из десяти получали ответ: "Ну, где же ее прочесть? Метафизики там, знаете, много. Но главное прочел". Главным в книге Вейнингера считаются главы, посвященные женщине.

Действительно ли Вейнингер силой одной логики внес так много разрушения в исторически слагавшееся представление о женщине как о человеке? Безупречна ли его "беспощадная" логика?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо ясно представить себе весь план исследования и характер аргументации. Научным базисом для Вейнингера является, как известно, не новая в европейской науке, но самостоятельно им переработанная теория бисексуальности, то есть двуполости всего живого. Основываясь на данных современной биологии, Вейнингер утверждает, что в природе нет такого живого существа, которое можно было бы просто определить как принадлежащее к тому или другому полу. В действительности повсюду наблюдаете" колебание между двумя крайними типами мужественности и женственности, М. и Ж., которые в чистом виде нигде не встречаются. Каждый индивид помещается где-нибудь в промежутке между этими полюсами, и ввиду этого во всяком отдельном случае наука не может ограничиваться простым указанием на пол, но должна определять дробное содержание обоих элементов.

Основываясь на пропорциональном соотношении начал М. и Ж., Вейнингер устанавливает особый закон полового притяжения, сущность которого заключается в том, что "для сексуального соединения необходимо, чтобы М. и Ж. находили свое дополнение к целому". Так, например, если у одного субъекта имеется в наличности  $\frac{3}{4}$  М. и  $\frac{1}{4}$  Ж., то он найдет свое дополнение в индивиде с содержанием  $\frac{1}{4}$  М. и  $\frac{3}{4}$  Ж.

Возможность точного количественного учета М. и Ж. наводит Вейнингера на мысль о радикальном пересмотре основ современной психологии и о создании двух новых дисциплин, приближающихся к типу точных наук, "дифференциальной психологии" и характерологии.

Не вдаваясь в оценку научного значения теории бисексуальности, которое еще далеко не установлено, я отмечу только, что, взятая в ее чистом виде, эта теория могла бы служить скорее подтверждением, нежели опровержением идеи полового равенства. Дело в том, что хотя, во Вейнингеру, половые различия даны уже в клетках, но из этого у него отнюдь не следует, что все клетки одного тела должны обладать одинаковым содержанием М. и Ж. Напротив, "клетки одного и того же тела могут находиться даже по разные стороны той безразличной среды, которая лежит между двумя полюсами". В зависимости от этого разные части тела обладают неодинаковой половой характеристикой, или, иначе говоря, различной степенью мужественности и женственности. Так, например, встречаются хорошо развитые мужчины с

едва заметной бородой и слабой мускулатурой или почти типические женские особи с едва означенными грудями. Автору попадались люди с женскими бедрами и мужскими голеньями, с женским правым и мужским левым бедром. Еще чаще, по его наблюдением, замечается различие в кодовой характеристике между правой и левой половиной тела, симметрия которых представляет только идеальный случай.

Исходя из такого неравномерного распределения мужественности и женственности в пределах одного и того же организма, мало вместе с Вейнингером прийти к выводу, что "нет резкого различия между мужской и женской особью и что существуют только бесчисленные смешанные типы обоих долов формы". А если это так, то как хорошо развитые masculina могут обладать женоподобной внешностью, так и почти идеальные feminina в свою очередь могут иметь благоустроенный мозг и прочный запас духовных сил. Совершенно непонятно, для чего понадобилось Вейнингеру при такой постановке вопроса доказывать, что все выдающиеся женщины отличались внешними признаками мужественности - признаками бороды, слабым ростом волос на голове и т. п. Переходя от дедукции к опыту, от теории к явлениям жизни, Вейнингеру нужно было искать в них не точного совпадения односторонних половых признаков, которого, по его же словам, могло и не быть, а пропорционального соотношения начал М. и Ж. разного, как мы видели, для различных частей, а, следовательно, и функций организма.

Но для этих целей, как это ясно само собой, ему было недостаточно простого описания мужчины и женщины, а требовалось научно установить типические свойства М. и Ж. - "все дело в том, чтобы определить М. и Ж."

Вот тут-то кроется главная трудность, своего рода гордиев узел задачи.

Как определить сущность и основное различие М. и Ж., если на опыте они неотделимы одно от другого? Что отнести на счет М. и что на счет Ж.?

До сих пор в аналогичных случаях апеллировали к анатомии и физиологии. Вейнингер считает это недоразумением. Он даже удивляется, "как вообще могли вопрос о природных свойствах мужчины и женщины поставить в зависимость от анатомических выводов; как будто 12 лишних кубических сантиметров мозга на одной стороне сами по себе могут иметь какое-нибудь значение". "Более осмотрительные анатомы, - говорит он далее, - дают по этому доводу один ответ: общих половых различий между всеми мужчинами и всеми женщинами установить нельзя. Невозможно с полной уверенностью определить пол не только по костям и по мускулам, связкам, коже, артериям и нервам. То же самое приходится сказать о черепе и о тазе".

Не находя надежного критерия мужественности и женственности во внешнем опыте, Вейнингер переносит центр тяжести вопроса в область психических явлений. К современной экспериментальной психологии он относится отрицательно, и в его распоряжении остаются лишь метод самонаблюдения и данные внутреннего опыта, которые он охотно подкрепляет случайными наблюдениями из жизни. У него постоянно встречаются ссылки на "одну знакомую мне даму", на "всех известных мне женщин", на "очень многих женщин", хотя он очень хорошо знает, что в рассматриваемом им вопросе "каждый обладает только индивидуальным опытом и этот опыт обыкновенно односторонен".

Но и при таком упрощении задачи Вейнингер сталкивается с очень серьезными для него затруднениями. Ведь психология создана мужчинами, а женщины писали о себе очень мало, да, кроме того, Вейнингер им не верит. Как при таких условиях браться за психологию женщин, предлагать а priori, что она существо, резко отличное от мужчины?

Столкнувшись с этой трудностью, Вейнингер вполне логично решает, что "написать женскую психологию (для него) представляется невозможным, так как она должна высказывать о других людях вещи, которые не получают подтверждения путем самонаблюдения". Однако психологию женщины он все-таки пишет, опираясь, как он говорит, "На то, что есть женственного в самом мужчине". Тут был бы уместен еще один вопрос: каким образом в себе самом мужчина может отличить мужское от женского? Вейнингер оставляет это без разъяснения.

Таким образом, теория бисексуальности послужила для ее творца перекидным мостом к замкнутому для него внутреннему миру женщины. И, тем не менее, в основу его психологии она не легла. Биология осталась сама по себе, а психология сама по себе. Первая конструируется по принципу бисексуальности, вторая - по принципу унисексуальности. Вместе с тем искомые М. и Ж. внезапно исчезают из поля зрения исследователя, уступая место живым, конкретным мужчине и женщине.

Этот идейный обвал совершается так неожиданно, что первоначально читатель да, по-видимому, и сам автор не отдают себе отчета в происшедшем, и только к концу книги окончательно выясняется, что научное исследование превратилось в особое моральное дознание по вопросу: кто является злейшим врагом духовной эмансипации женщины, а через нее и всего человечества? Мужчина и женщина фигурируют здесь в качестве подсудимых. Что же такое они, эти подсудимые?

Для Вейнингера это две настолько несоизмеримые величины, что их нельзя рассматривать не только в одной плоскости, но даже на одной линии, поставив мужчину впереди, а женщину позади. У них почти нет общих половых признаков, и если мужчина в силу своей всеобъемлемости может иногда превратиться в женщину, то женщина органически неспособна приблизиться к мужчине. Ибо самый плохой мужчина все же выше лучшей женщины.

Однако, хотя женщина стоит в другой плоскости, чем мужчина, она совершенно не понимает мужского мышления, оно, именно в силу этого, сексуально влечет ее к себе, как щекочущий кончик усов, как мускульная сила. Она ищет у мужчины разъяснения своих неясных ей ощущений, она требует от мужчины убеждений, не имея их сама, она хочет, чтобы мужчина умел рассуждать. Отсюда Вейнингер заключает, что мышление есть специфически мужское свойство и что женщина лишена его, потому что "то, что сексуально притягивает Ж., должно быть свойством М."

Установив, что у женщины нет способности к мышлению, Вейнингер при помощи аналогичных приемов доказывает, что у нее нет также непрерывной памяти, а, следовательно, личности. Женщина не личность, а лицо, и хотя она вменяема, но она не способна осознать свою вину, какое бы преступление она ни совершила. По своей бездонной лживости она будет обманывать самое себя и отстаивать свою правоту там, где она кругом виновата. Она не знает, что такое правда и справедливость. Мелочная и завистливая, она в такой же мере противообщественна, как аморальна. Государство, политика, товарищеское общение не имеют для женщины никакого значения. Она стремится отвлечь от них и мужчину, втягивая его в свое создание - семью, которая является антитезой всех лучших форм общения.

Духовная экспроприация женщины идет crescendo, разрастается в опустошительный ураган и завершается финальным аккордом, в котором слышатся отзвуки крайних средневековых воззрений: у женщины нет души. И самым разительным доказательством этого является у Вейнингера тот факт, что женщина требует души от мужчины.

Дальше этого в отрицании идти было некуда. Отказывая женщине в сознании, личности, непрерывной памяти, наконец, даже в одинаковых с мужчиной ощущениях, Вейнингер вторично отрезает себе путь к женской психологии. И все-таки он снова настойчиво к ней возвращается.

Если женщине абсолютно чужда всякая духовная жизнь, то, что может ей быть специфически свойственно, кроме голого полового инстинкта? Мужчина знает еще много других вещей: борьбу и игру, дружескую беседу и политику, искусство и науку. Женщина же всегда и во всем сексуальна. Она - или мать, или проститутка, причем проститутка, отдаленно приближаясь к типу преступника-мужчины, стоит выше матери. Центральное положение полового акта во всем мышлении женщины делает ее носительницей идеи полового общения. Она - прирожденная сводница, и ее таинственность есть не что иное, как сводничество. "Воля к теще" - безусловное тяготение женщины, и "нет матери, которой было бы абсолютно неприятно, когда какой-нибудь мужчина даже с самыми низкими намерениями добивается ее дочери и соблазняет ее".

В мужчине женщина видит и признает только половое существо, и на все, что его отвлекает от половой жизни, на его книги, политику, на его науку, на его искусство, она смотрит враждебно. Женщина - воплощенная

сексуальность, и "если бы хоть одно единственное, вполне женственное существо оказалось бы внутренне асексуально или находилось бы в действительном отношении к идее нравственной самооценности, то все, что было сказано тут о женщинах, тотчас бы потеряло свою всеобщность, как психологическая характеристика женского пола, и одним ударом была бы уничтожена вся позиция этой книги".

Странная научная позиция, которую одним ударом может уничтожить одно единственное существо. Впрочем, Вейнингер мог "оставаться спокойным за нее, так как в его опыте такого существа явно не могло встретиться. Если видеть в женственности чистую сексуальность, то все, что не вполне сексуально, не подойдет под это определение и, следовательно, будет считаться неженственным и непригодным "для характеристики женского пола"". Кажущиеся же отклонения легко объяснить явлениями истории, в которой Вейнингер видел "органический кризис женской лживости".

Таким образом, получается замкнутый круг, в который нет доступа фактам жизни, кроме тех, какие подтверждают доктрину.

Укрепившись в своем логическом бастионе, Вейнингер приглашает противника оставаться "на почве строгих дедукций" и рассматривать вопрос в той плоскости, в какую он его перенес.

Я не буду здесь доказывать, что его позиция крайне искусственна и не выдерживает критики с точки зрения современной научной методологии. Я беру ее, как она есть, ограничиваясь лишь указанием, что это позиция не психолога, хотя бы и рационалиста, а докантовского метафизика, оперирующего с "субстанцией", с которой у него (по его взглядам) нет никаких точек соприкосновения. Поэтому все, что он высказывает о ней, зиждется не на данных внутреннего опыта, как он хочет уверить, а на общих соображениях, установленных спекулятивным порядком. Спрашивается, те ли это, по крайней мере, общие начала, которые он положил в основу своего труда?

Я уже указывала, что в середине исследования Вейнингера имеется как бы провал, после которого оно круто поворачивает на другой ход. Вторая часть его книги совершенно независима от первой, и хотя в ней говорится также о М. и Ж., но под ними понимается нечто

иное, чем ранее. Не доискавшись сущности установленных им отвлеченных начал, Вейнингер заменил их одноименными живыми существами, допустив, таким образом, грубейшую логическую ошибку, и притом такую, которую он считает по преимуществу женской. На этом *quaternio terminorum*<sup>1</sup> построена вся вторая часть его книги. В ней он говорит то о Ж., то о женщине, то о женщинах, то о женском поле, и, в конце концов, оказывается, что это все едино.

Этого мало. Все исследование о женщине построено у Вейнингера не в логической цепи, в которой каждое отдельное положение опирается на предшествующее и в свою очередь служит основой последующему. Так, например, если у женщины нет непрерывной памяти, то *eo ipso*<sup>2</sup> ей чужды логические законы, но раз для нее не существуют логические законы, то "одним взмахом" от нее отнимаются этические нормы. Пересматривая от начала до конца эту цепь, легко убедиться, что в ней одно недосказанное положение опирается на другое, которое тоже требуется доказать. С таким приемом доказательства боролся еще в свое время Аристотель, относя его, под именем *petitio principii*<sup>3</sup> к числу софистических уловок, и применение его в претендующей на научность психологии наших дней считается настоящим анахронизмом. Ссылки на "одну знакомую мне женщину" и на "всех известных мне женщин" ничего не меняют в изложении дела, потому что и тут требуется доказать, что встречавшиеся в опыте того или иного лица женщины дают исчерпывающее представление о женской природе.

Однако, какова бы ни была аргументация Вейнингера, он и ею не везде пользуется, предпочитая сплошь и рядом силлогизму афоризм. Так, например, один из его излюбленных тезисов - то, что сексуально влечет Ж., есть свойство М. - применяется без всяких доказательств, как нечто само собой разумеющееся. По примеру Вейнингера и некоторые русские его сторонники категорически утверждают, будто никто никогда не сомневался, что женщину сексуально привлекает в мужчине логичность его мышления, его нравственное чувство, его воля" словом, его личность. Отсюда делается вывод, что для самой женщины все это "нетипично".

---

<sup>1</sup>Конечное допущение (лат.)

<sup>2</sup>Тем самым (лат.)

<sup>3</sup>Аргумент, основанный на выводе из положения, которое само еще требует доказательства (лат.)

@294

Не знаю, насколько это "несомненно", но полагаю, что для того, чтобы оценить в мужчине высшие свойства, женщине нужна известная доля человечности, то есть, говоря языком Вейнингера, мужественности, а "чистая" женщина - ведь Вейнингер же это сказал - смотрит враждебно на все, что отвлекает от нее мужчину, в том числе и на его духовные функции. Помимо этого, сторонникам Вейнингера нельзя забывать, что, по слову его, высшая сознательность, а, следовательно, и мужественность есть гениальность, а женщину она не "притягивает". Можно ли ввиду хотя бы этого считать аксиомой, что сознательность и мужественность одно и то же и в равной мере чуждо женщине?

Основные погрешности Вейнингера не чисто логического характера. В них отчетливо сказывается и, в конечном счете, объясняет их элемент моральной оценки, которая, так сказать, предпослана исследованию и на первых же порах выразилась в резком противопоставлении начал М. и Ж. Это противопоставление взято не из внешнего опыта, так как в народе все

противоположности сглажены и им нет места даже во внешнем физическом строении человека. Оно не могло быть дано и во внутреннем опыте, поскольку он оставался чисто психологическим. Оно было подсказано Вейнингеру его моральным сознанием, напряженно работавшим над уяснением проблемы "греха". Поэтому-то вместо того, чтобы следовать теории, искать в человеческой психике промежуточные ступени и переходные формы, Вейнингер резко разграничил мужское и женское. Первое квалифицировал как добро, второе как зло.

Распространив эту противоположность *на всех* мужчин и *на всех* женщин, Вейнингер впал в безысходное противоречие не только со своим положением о бисексуальности, но и с постулатами кантовской этики, из которой он исходил. Категорический императив требует признания и уважения личности во всяком человеческом существе, независимо от его эмпирических свойств, а у Вейнингера получился целый класс существ без личности, без сознания, без совести, а значит, и без права на уважение.

Вейнингер, по-видимому, сознавал это противоречие и неоднократно пытался его смягчить, указывая, что женщину все же надо уважать как лицо, и даже требуя для нее некоторых прав, в которых, по его же словам, она совершенно не нуждается. Противоречие этим не уничтожалось, наоборот, оно выступало еще резче, становилось еще мучительнее. И как крик о помощи, как отчаянный вопль утопающего, звучит последний, заключительный возглас Вейнингера: "Может ли в женщине получить жизнь категорический императив? Захочет ли она, по крайней мере, свободы?"

*Женщина - та женщина-признак, которая неотступно стояла перед омраченным взором Вейнингера, - не знает добра и зла. Ей не нужна свобода.*

Все, кто писал у нас о Вейнингере, отметили его главную ошибку - несоответствие его половых характеристик его собственной биологической теории. Но, увы! Далеко не все признали его характеристики несправедливыми. Напротив, в первых печатных отзывах о его книге высказывалось скорее сочувствие его взглядам на женщину. Среди этих откликов особенно характерна для переживаемых настроений статья г-жи Гиппиус под названием "Зверобог". Для не читавших ее замечу, что зверобог - это Женщина, а не Вейнингер.

Задача статьи - показать, что женщина занимает фактически положение, которое ей соответствует по Вейнингеру, и что фат этот является результатом верного ощущения женственности в связи с тем, что реальная женщина действительно почти воплощает идеальную женственность (как ее рисует В.). И г-жа Гиппиус "от всей души" приветствует это общее недоверие к женщине. "Будучи женщиной, - говорит она, - я не только не восстаю и не жалуясь на него, но всячески - действенно и жизненно - это утверждаю. Женщины должны примириться, что их крупницы часто пропададут: Малые величины пусть стираются".

Против такого рассуждения нет нужды выдвигать какие-либо сильные аргументы. Когда женщина, достигшая, по выражению Мережковского, "крайних вершин культуры", рекомендует другим смиренно пресмыкаться во прахе, то ей хочется указать лишь на то, что неудобно проповедовать смирение, карабкаясь на вершины, и вкушать самой от плодов культуры, громогласно объявляя ее не по зубам женщине.

Г. Ашкинази в своей весьма обстоятельной брошюре, посвященной Вейнингеру, находит, "что наблюдения в большей или меньшей мере подтверждают женоненавистнические выводы В.". Тут, конечно, на сцене появляется и менее развитой череп женщины, и ее более развитой таз, и самая типичная женщина - Наташа Ростова, воспринимающая чуждую ей умственную деятельность Пьера как мужской половой признак.

Г. Ашкинази следовало бы знать, хотя бы по Х. Эллису, на которого ссылается Вейнингер, что в настоящее время череп, равно как и таз считаются неблагоприятной почвой для изучения половых различий и, наоборот, чрезвычайно удобной для исследования условий полового равенства.

Ему не следовало бы, с другой стороны, раз он привлек к делу в качестве свидетеля русскую литературу, останавливаться на Наташе Ростовой, типичной представительнице своей среды, а надо было взять более или менее длинный ряд лучших женских типов и на них доказывать, что для женщины "нетипична" духовная жизнь.

И, думается, если б русской женщине нужен был адвокат, то она не нашла бы лучшего, чем наша изящная литература за все прошлое столетие. Если признавать вообще, что возможны общие характеристики женщины как психологического типа, то, восстанавливая в памяти типы наших литературных героинь, начиная от пушкинской Татьяны, можно не без основания прийти к заключению, что именно женщина является по преимуществу носителем моральных начал. Отделенная Китайской стеной от жизни, почти лишенная образования, она до второй половины прошлого столетия не могла идти вровень с мужчиной в умственном развитии. Свое чисто интеллектуальное содержание ей приходилось по большей части в готовом виде брать от него. Но когда дело касалось убеждений и проведения их в жизнь, она стояла перед ним, как воплощенный категорический императив, повелительно зовущий вперед в деле борьбы, неумолимый и непреклонный, как совесть, в минуту колебания.

Не имея возможности подробно останавливаться на анализе литературных женских типов, я напомним лишь, что не мужчина, а женщина была у нас героиней тревожного кануна великих реформ и она же, если верить свидетельству литературы, явилась к изголовью пролежанного обломовского дивана, чтобы сказать лениво дремавшей обывательской Руси великие слова: встань и ходи.

Знакомые г-жи Гиппиус, "умные и тонкие" мужчины, не говорят с женщиной о том, что их всего больше занимает: "Разве уж хорошенькая". Герои русской литературы, наоборот, очень часто идут к женщине в момент нравственного кризиса и у нее ищут мужества. Стоит вспомнить хотя бы Раскольникова и его излияния перед слабой простенькой Соней. И он, этот гордый, себялюбивый индивидуалист, считал возможным, чтобы "ее убеждения стали его убеждениями"!

А пол? А порабощение сексуальностью? Почему мысль о поле и обо всем специфически с ним связанном никогда не приходила в голову перед галереей прежних литературных героинь? А между тем, тех женщин любили и они сами умели любить; некоторые из них как бы окружены любовной атмосферой. Но, хотя бы окружающая атмосфера была насыщена любовью, на ее фоне рельефно выступала женщина-человек, и ее нравственные требования, ее пробуждающиеся умственные запросы так неразрывно сплетались со всеми проявлениями ее "пола", что специально останавливаться на нем, выделять его в особый вопрос казалось чем-то несуразным.

Быть может, мне скажут, что если говорить о литературных типах, то не надо забывать и современных. Ведь они тоже что-нибудь доказывают. Я охотно иду навстречу такому возражению. Действительно, современная литература, за малыми исключениями, говорит о женщине нечто иное, чем прежняя. И не только "молодая" литература. Чтобы не ходить далеко за примерами, приведу два коротеньких диалога из повести Потаненко "Ужас счастья".

Мать встречает свою дочь вдвоем с мужчиной в саду одного загородного кабачка. По этому поводу дочь беседует с отцом:

*Дочь.* Воображаю, какие у нее были мысли!

*Отец.* Какие же. Мура?

*Дочь.* О, самые грязные. Ведь она женщина. А когда женщина видит другую женщину с мужчиной, она просто не умеет думать о них иначе, как грязно...

Через страницу жена, обманывающая мужа, на вопрос своего возлюбленного, сумеет ли она замести следы, без запинки отвечает. "Ну, разумеется, иначе я перестала бы считать себя женщиной".

Катерина в "Грозе" рассуждала по-другому, но то было давно. Вот именно потому, что то было давно и для многих быльем поросло, я не считаю себя вправе сопоставлять теперешних героинь с прежними. Их место рядом с современными героями.

Но когда я мысленно сравниваю самую "мужественную" женщину наших дней, Леду Каменского, с самым мужественным мужчиной, Саниным Арцыбашева, я не нахожу, что сказать, кроме того, что "оба хуже".

## **7. ИДЕАЛЫ БУДУЩЕГО**

*О.Н. Клирикова (Ярославль)*

### **Женская культура**

Женщины почти всех стран борются за свои права, за свою свободу и достоинство своей личности. Но выступает ли значение этой борьбы за пределы интересов отдельных лиц, хотя бы их были миллионы, за пределы их счастья, их развития, их свободы?

Правда, в связи с женским движением иногда выдвигаются интересы всего общества: облагораживание и углубление значения брака и воспитания детей при большем духовном развитии и экономической независимости женщины; более строгий выбор наиболее способных во всех областях деятельности и т. д. Но никогда не ставится вопрос о сверхиндивидуальной и сверхсоциальной культурной ценности этого движения, о его творческих силах. Поведет ли освобождение женщины лишь к тому, что те формы жизни и деятельности, которые принадлежали до сих пор лишь мужчинам, поступят в распоряжение стольких-то женщин? Станет ли от этого движения богаче по существу, по содержанию сфера культурных благ? Или создастся только подражание и копирование, но не действительное творчество? Такова постановка вопроса о женском движении у Георга Зиммеля. Он отвечает на эти вопросы в благоприятном для женщины смысле и прибавляет, что женское движение будет иметь, может быть, более глубокое влияние на будущность нашего общества, чем даже рабочий вопрос. В дальнейшем я постараюсь изложить его главные мысли.

Культура человечества является чем-то, так сказать, не внеполовым, она отнюдь не лежит по ту сторону мужчины и женщины во всей чистоте своей объективной сущности. Наоборот, за исключением очень немногих областей, культура наша носит скорее совершенно мужской характер. Мужчины создали промышленность и искусство, науку и торговлю, государственное управление и религию, и поэтому все это не только носит объективно мужской характер, но требует для своего постоянного функционирования специфически мужской силы. Мужской характер культуры дал повод всякий неудовлетворительный результат в какой-нибудь области называть именем "женской" работы, а лучшую похвалу успехов женщины в этих же самых областях видеть в определении работы как "чисто мужской". Это вытекает не только из

высокомерия мужчин, в силу которого все мужское является синонимом ценного, но выражает тот исторический факт, что наша культура возникла из духа и деятельности мужчин, а потому приспособлена только к мужской работоспособности. При этом нужно иметь в виду не только более высокую степень физической или, быть может, даже и психической силы, но главным образом качественные различия полов.

Не только количество, но самый характер нашей культурной работы требует специфических мужских сил, мужских чувств, мужского интеллекта, например, в каждом законодательстве и в известной мере также в каждом судебном приговоре действуют, с одной стороны, основное чувство права, частная инстинктивная или сознательная целесообразность, с другой - объективная логика. Характер же и пропорция, в которой соединяются эти элементы, были бы, наверное, совершенно иные, чем теперь, если бы право устанавливалось и проводилось в жизнь женщинами. Частная оппозиция женщин юридическим нормам и суждениям ни в коем случае не является враждебным отношением к праву вообще, но лишь к мужскому праву, которое мы только и имеем и которое мы, поэтому считаем правом вообще. Другой пример: некоторые ремесла, например столярное, считаются мужскими, хотя многие операции в них могли бы быть очень хорошо выполнены и женщинами. Но господствующее разделение и организация труда связывают эти операции с другими видами работы, требующими уже мужской силы. Благодаря этой исторической, хотя, очевидно, необходимой организации труда ремесла эти получили отпечаток изначально мужской работы. И вообще, характеризующая наши профессии специализация носит целиком мужской характер. Она не является чем-то просто внешним, но существует благодаря психологической особенности мужского духа сосредотачиваться на какой-нибудь совершенно односторонней деятельности, дифференцировавшейся от целостной личности, так, будто объективная специальная работа и субъективная личность живут какой-то своей особой жизнью. Всякое далеко идущее разделение труда означает собой отделение субъекта от его деятельности: последняя входит в объективный порядок вещей, подчиняется требованиям безличного целого, тогда как собственно субъективные интересы и внутренние движения человека образуют свой особый мир и ведут, так сказать, приватное существование. Если бы не существовало этой психологической Возможности, то наша построенная на крайнем разделении труда культура была бы не только невыполнима, но она, прежде всего, была бы невидима.

По-видимому, здесь лежит самое глубокое различие мужского и женского духа. Последний не мог бы, по крайней мере, в типических случаях существовать при подобном отделении отдельных функций от совокупного "я" и его эмоциональных и душевных центров. Вся глубина женственности и красота существа женщины, являющиеся мужской душе как спасение и примирение, основаны на неразрывном единстве, на органической непосредственной связи личности с каждым из ее проявлений; неотделимости своего "я", которое знает только все или ничего.

То первичное отношение, которое как будто еще имеет женская душа к нарушенному единству природы, и которое отличает ее существо от обособленного, дифференцированного растворяющегося в объективности существа мужчины, именно это же отделяет ее и от нашей покоящейся на специализации труда культуры. Поскольку женщинам открылись мужские профессии, носящие именно этот характер, постольку же культурная работа лишается элемента творчества. Они, принуждаются к рамкам дифференцированного труда, в котором не могут проявляться самые глубокие особенности их существа; они не только лишь повторяют с точки зрения объективного интереса культуры раз уже данное, но, кроме того, делают все это, так сказать, неподходящими средствами, потому что им чужды те формы, которые предлагаются их силам. И не то чтобы силы их были слишком незначительны, но потому что характер проявления этих сил не подходит к категориям нашей культурной работы, Подобное же явление мы наблюдаем теперь и на массе мужчин.

Сближение сословий тысячи влияний и легкость осуществления; современной жизни; развили или довели до сознания массу своеобразных особенностей, которые не могут найти своего проявления в существующих профессиях. Существо и направление внутренних дарований становятся все разнообразнее, и этот процесс идет быстрее, чем возможность их профессионального применения. Все больше и больше растет число мужчин, которые по их склонностям стоят на распутье перед несколькими профессиями и ни одной из них не могут отдать настоящим образом, так как, то они боятся не заполнить всю ту жизненную форму, которую предлагает одна из профессий, то боятся сломать рамки одной профессии. Насколько же сильнее должно быть несоответствие между историческими данными, мужскими профессиями: и женской душой со свойственными ей одной, ритмом, характером проявления, напряжением ее чувствами?

Итак, наша проблема - даст ли женщина, получив свободу, культурные блага нового качества - будет разрешена в утвердительном смысле при условии нового разделения, новой нюансировки профессий. Она была бы решена не тем, что женщины стали бы естествоиспытателями, врачами или художниками в том же смысле, как и мужчины, но лишь тем, что они дали бы то, чего не могли дать мужчины.

Необходимо дальнейшее разделение труда, чтобы те элементы, которые соответствуют характеру женской работы, были выделены и объединены в особые профессии. Этим была бы достигнута не только чрезвычайная утонченность и обогащение сферы труда, но была бы значительно ослаблена конкуренция между мужским и женским трудом.

Английским рабочим удалось провести этот принцип, правда, лишь в очень узкой сфере. Женщины часто пользовались своим более низким и дешевым укладом жизни, чтобы оттеснить мужчин и этим вызвать такое ухудшение нормальной заработной платы, что профессиональные союзы жесточайшим образом стали бороться против применения женского труда в индустрии. Тогда некоторые союзы, например союз ткачей в хлопчатобумажном и чулочном производстве, нашли выход из этого положения путем введения таксирования платы для всех, даже самых мелких функций фабричной работы. Они оплачивались одинаково, исполнялись ли они мужчинами или женщинами. Тогда как бы само собой установилось такое разделение труда, при котором женщины монополизировали себе функции, соответствующие; их физическим силам и ловкости, предоставив мужчинам подходящее их силам. Это дало, во-первых, действительное объективное равенство, потому что, если, например, женщина исполняла мужскую работу, так она и зарабатывала столько же, а во-вторых, при новом разделении труда была устранена конкуренция. Лучший знаток положения английского фабричного рабочего полагает: "Что касается ручного труда, то женщины образуют особый класс рабочих, имеющих другие способности и другие потребности, чем мужчины. Чтобы оба пола поставить на один уровень здоровья и продуктивности в работе, должны тем и другим даваться различные задачи". Здесь разрешена, так сказать, главным образом громадная проблема женского труда, проведена линия раздела на сложные комплексы задач, в которые организована современная культурная работа, линия, соединяющая соответствующие именно женским данным пункты в особые профессии. Если при этом типе реформ дело идет о разрешении данной задачи, хотя и данными средствами, но в новой более целесообразной форме, то могут появиться и новые задачи или, по крайней мере, принципиально новые пути к решению общих проблем. Ближайшим примером тут может служить медицина.

Наш вопрос заключается в том, будем ли мы обязаны врачам-женщинам не только подъемом физического и духовного благосостояния, но и качественным, мужскими силами не достигаемым, ростом медицинской культуры.

Этого можно ожидать, так как диагноз, так и лечение не в малой степени зависят от способности прочувствовать состояние пациента. Объективные клинические способы исследования зачастую отказываются служить до конца, если они не бывают дополнены или непосредственным, инстинктивным, или полученным из внешних проявлений субъективным пониманием состояния больного и его чувств. Многие опытные врачи по нервным болезням говорят, что некоторые тяжелые состояния может лишь тот уразуметь нужным для врача образом, кто когда-нибудь пережил их. Всецело воссоздать в уме чужое состояние может лишь тот, кто подобно же организован. Женщина-врач по отношению к женщинам не только будет ставить более точный диагноз и тоньше индивидуализировать метод лечения, но также сможет открыть чисто научным путем типические соотношения, недоступные мужчине, и таким образом обогатить объективную культуру специфическим вкладом.

Новой вариацией того же самого мотива является мысль использовать женскую психику для научного исторического познания. То, что мы называем историей, было бы бессмысленной сутолокой без всякого значения, сути и интереса, если бы внешние действия не объясняли психологически, не подвели бы под них душевные процессы, которые никогда не могут непосредственно наблюдаться, а доступны лишь творческой фантазии и прочувствованному пониманию человеческой души. И здесь необходимо, в общем, известное сходство душевной организации, чтобы правильно угадать потребности и, страсти, любовь и ненависть, инстинкты и религиозные эмоции, которые являются главными пружинами исторической игры. Конечно, сходство нельзя понимать механически, и весь процесс скрывает в себе величайшую психологическую тайну. Во всяком случае, не нужно быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря, или Катилиной, чтобы понимать Катилину. Такое творческое понимание совершается в тех слоях души, которые лежат по ту сторону непосредственного, личного существования, такова художественная функция, живущая над сферой субъективной жизни.

Может даже случиться, что в основе особенно глубокого психологического понимания будет лежать как раз известного рода субъективное различие; более того, слишком прямое сходство может до такой степени удерживать нас в сфере субъективного, что до воспроизведения в сфере научно-художественной мы никогда не дойдем.

Житейский опыт показывает, что женщины многие стороны мужской души лучше понимают и вернее угадывают инстинктом, чем мужчины. Зиммель не сомневается, что эта способность могла бы быть использована для исторического исследования. Нужно только уяснить себе то, что по многим причинам обыкновенно не замечает наша научная бюрократия, то, что всякая историческая наука есть прикладная психология, чтобы понять, какую незаменимую услугу могла бы оказать женская душа с ее особыми органами понимания и переживания во всех областях, начиная от смутных народных движений до расшифровки исторических памятников. Для всех понятнее эта возможность была бы в области искусства, так как здесь фактически уже существуют подобного рода начинания.

Всего заметнее это в литературе. Здесь есть целый ряд женщин, которые не заражены рабским честолюбием писать, "как мужчины"; которые не обнаруживают своими мужскими псевдонимами, что они не имеют никакого понятия о том действительно оригинальном и специфически значительном, что они могли бы дать в качестве женщин.

Конечно, выражение чисто женских нюансов, их объективация, встречает большие трудности и в литературе, так как общие формы художественного творчества являются специально мужскими продуктами и обнаруживают тонкое интимное противодействие наполнению их специфически женским содержанием. Например, в женской лирике, и именно в наиболее удачной, подмечается часто некоторая раздвоенность между субъективным содержанием и художественной формой, какая-то скрытая неудовлетворенность, как будто творящая душа и ее

внешнее выражение были разного склада. Очень интересно заметить, что в стадии народной песни женщины у многих народов, по меньшей мере, так же продуктивны в области поэзии, как и мужчины. Здесь, как и во многих других процессах развития, высшая форма повторяет низшую: самое высшее произведение человеческого интеллекта, математика, стоит одинаково в стороне от мужского и женского, и этим, быть может, объясняется тот бросающийся в глаза факт, что женщины именно здесь обнаружили свое более глубокое понимание и наибольшую производительность, чем в других науках. Математика обладает абстрактностью, выходит за пределы всякого психологического дифференцирования - точно так же, как народная песня не вошла еще в эти пределы.

Меньшее затруднение, чем другие литературные формулы, для женского творчества представляет собой, по-видимому, роман. Поэтому, вероятно, инстинкт и привел женщин именно в область романа как в свою собственную сферу, где они всего свободнее и оригинальнее могут творить. Конечно, и здесь необходимо продолжительное и равномерное отношение к массе разнообразных явлений, напряжение чувства объективного, которое должно оставаться на одной и той же высоте, как при симпатичном так и при антипатичном содержании, - все это не соответствует ритму женской души, и поэтому, вероятно, даже и в форме романа, представляющего, казалось бы, наибольший простор для нюансов женского творчества, женщины дали лишь очень немного выдающихся в художественном отношении произведений. Некоторые особенности специфически женского творчества выступают здесь, во всяком случае, заметнее, чем, например, в живописи и скульптуре, где уже обычное подражание художницы своему учителю таит в себе мужские идеалы и подавляет женский индивидуальный характер творчества. Что последний возможен и в области скульптуры и живописи, в этом нельзя сомневаться ни одной минуты. И не потому только, что отношение женщины к миру иное, чем у мужчин, но потому, что мы знаем теперь, насколько скульптура и живопись зависят от физико-психических условий, от способа превращения душевных процессов в физические, от влияния нервной системы на характер ощущений, от ритма зрения и осязания. Характер проявлений внутренней жизни женщины, ее особая анатомически и физиологически определяемая манера двигаться, отношение к пространству, вытекающие из своеобразного темпа, длительности и формы ее исканий, - все это позволяет ожидать от нее в сфере искусств, имеющих дело с пространством, особой, интерпретации и обработки явлений, как она обнаруживает соответствующие особенности в сфере, например, танцев. В живописи же и скульптуре насилие, создаваемое историческим материалом, непреодолимо даже для многих художников-мужчин. Тем не менее, и здесь заметны некоторые робкие попытки женщины по оригинальности. Так, Зиммель находит в некоторых картинах Дары Гиц, в рисунках Кэте Кольвиц и в ранних произведениях Корнелии Вагнер такое общее настроение, какого он никогда не чувствовал ни в одном из мужских произведений, "Словами рассудка это не может быть передано, - говорит он, - для этого должна бы наша эстетика уйти так далеко вперед, как это мы теперь не можем себе и представить. Здесь хотя еще в виде первых шагов, но уже совершенно выступает огромное различие женского жизненного принципа от мужского".

*Быть носительницами женской культуры предназначен, по мнению Зиммеля, особый тип женщин. Он имеет в виду тех, все проявления которых носят отпечаток настоящей женственности, но без*

сексуальной окраски. Выражаясь в биологических терминах, можно сказать, что это существа, у которых вторичные половые признаки в психологическом отношении вполне развились, но первичные исчезли. Половая физиология с непосредственно связанными с ней психическими явлениями и проявлениями является, без сомнения, у большинства источником наиболее новых и возвышенных свойств души. Но у некоторых высокоразвитых индивидуумов эти последние свойства дифференцируются в свое особое, самостоятельное существование и не питаются уже

более из того первоначального источника, который у них как бы даже вовсе атрофируется. Половое начало сделало здесь свое дело и ушло. В последнее время физиологами высказывается предположение, что прогрессивное развитие человека должно вообще ослабить значение эротики в общей духовной жизни. Влияние ее все суживается, а остальные интересы все более отделяются от нее и начинают вести самостоятельное существование. У низших животных функция размножения распространяется на всю область жизни, но как в процессе развития организмов половые функции создали себе постепенно особые органы, так и дальнейшая эволюция человека будет все более и более дифференцировать чувство любви от остальных духовных функций, и чувство это будет все менее вмешиваться в общую любовную жизнь. У отмечаемого проф. Зиммелем типа женщин женственность в половом смысле совершенно дифференцировалась от женственности в смысле общей психической организации. Первая может отстать в своем развитии или совершенно исчезнуть, несколько при этом, не понижая вторую; все содержание душевной жизни остается проникнутым оттенком женственности.

Конечно, развитие в намеченном направлении должно встретить на своем пути целый ряд внешних и внутренних затруднений. Прежде всего, нужно указать на то, что первые стадии этого развития должны иметь направление, прямо противоположное его конечной цели. Образовательная деятельность, общественное положение самостоятельных в экономическом и духовном отношении женщин должны, конечно, пройти стадии исторически данной, следовательно, мужской культуры.

Это должно служить подготовительной ступенью для того, чтобы, начиная с определенного момента развитие, могло принять отклоняющегося направление, а затем свою особую линию.

Оставляя в стороне излишнее фантазирование, мы можем предположить, что какого бы высокого развития ни достигла женская культура в разработке вечных задач человеческой жизни, в основном и общем женщинам придется работать все-таки рука об руку с мужчинами, соединяя свой женский элемент с мужским. Поэтому женщины должны будут сначала получить одинаковое с мужчинами образование, равные с мужчинами права, принять участие в общей деятельности, так и только таким образом они могут получить базис, материал и механику для осуществления своих специальных задач. То же самое делает, например, и оригинальнейший из художников, работая в свои учебные годы у какого-нибудь другого, иначе одаренного художника, усваивая этим путем цели и средства искусства, чтобы потом самостоятельно модифицировать их в безграничных отклонениях. Здесь наша проблема затрагивает труднейшие вопросы психологии истории.

Самая развитая, самая дифференцированная женская культура должна будет иметь все же много общего с мужской культурой. Это грозит нивелированием, сокращением духовного различия между мужчинами и женщинами и, следовательно, понижением глубочайших и необходимейших прелестей жизни. Избежать эту опасность можно будет только чрезвычайным повышением чуткости к малейшим различиям. Тончайшую задачу душевной жизни составляет культивирование нашего раздражения. Идеал женщины основывался до сих пор всегда на наибольшей и наигрубейшей разнице, на непосредственно сексуальной разнице, что делало его предметом эротики. Но женский элемент в объективной культуре не будет так абсолютно и чувственно-грубо отклоняться от мужского. Мы сделаемся гораздо чувствительнее к нюансам. И теперь уже процесс утончения чувствительности в области эстетического вкуса привел от грубых контрастов к мягким оттенкам, от резких крайностей в формах и выражениях к нежным и постепенным переходам, несколько не умаляя при этом живости и силы впечатления.

Во всяком случае, нельзя не согласиться, что образование и труд женщины, так долго остававшиеся в крайнем пренебрежении по сравнению с мужскими, должны будут пройти

стадию внешнего равенства, прежде чем будет достигнут синтез: объективная культура, обобщенная элементом женского творчества.

Те, для кого вся ценность и все значения женского движения заключаются в дифференцировании, в развитии специфически женского, в освобождении женского творческого элемента, должны согласиться с грубым предварительным уравниванием сторонников эмансипации.

В заключение приведу слова проф. Зиммеля: "Существующая культура отнюдь не нейтральна, но, за исключением домашнего хозяйства, всецело выкроена по мужской мерке и потому должна дать достаточный простор для другой культуры, выражающей собой особенности женской натуры. Создание такого рода нового нюанса, даже новой части света в культуре явилось бы Настоящим приобретением, которое может дать объективной культуре современное женское движение".

*Ольга Шапир (СПб)*

### **Идеалы будущего**

Сегодня в 4 часа закончились работы Первого Всероссийского съезда женщин, по целям своим главным образом информационного.

Мы явились сюда и возбужденные, и как бы отуманенные напряженной шестидневной работой... Мы принесли сюда наши горячие животрепещущие впечатления! Сегодня я говорю с этой кафедры случайно: мой доклад, стоявший в программе первого Общего собрания 10 декабря, не мог быть заслушан за недостатком времени и перенесен на повестку нынешнего собрания. Маленькая случайность - незначительное обстоятельство. И между тем в эти шесть дней совершилась такая громадная перемена в настроении этого собрания, что я должна отбросить целую половину моей работы. Да, конечно, и теперь, как тогда, я хочу говорить об идеалах будущего. Но тогда я подходила к ним путем беглого исторического контура, намечающего картину векового полового рабства и социального бесправия половины человеческого рода, а сегодня я уже не хочу, я не могу оглядываться назад. Мысль отказывается останавливаться на картинах, которые, однако, я не считаю и сегодня менее поучительными: мысль слишком прикована к настоящему и будущему.

В работе съезда мы многим можем быть удовлетворены, но, конечно, далеко не всем мы можем быть довольны. На этой большой, в рамках одной недели даже огромной работе не могла не отразиться непривычность женщин к стройной коллективной умственной работе. Излишняя горячность иной раз отнимала много времени, много напрасных напряжений, которые могли бы быть лучше использованы, но, пожалуй, это не так уж важно! Чего я не умею сегодня, тому могу научиться завтра. Важно то, что Первый съезд собрал тысячу женщин, и собрал бы значительно больше, если бы условия помещения не вынудили нас прекратить дальнейшую запись. И все эти женщины, как одна, почувствовали, что назад нет пути! Раскрепощение женщины должно и может совершиться только ее собственными силами - ее натиском. В самом деле, нельзя же требовать, чтобы мужчина стремился к ограничению собственных привычных монополий с таким же жаром, с каким нам естественно добиваться всех человеческих прав. Первый съезд много сделал для поднятия женского самосознания.

Широкая информационная программа дала место свободному отражению жизни: на съезде работали те, кто принес ему что-нибудь или кто у него искал чего-нибудь; намеренного подбора не было. В интересе, проявленном членами к работе секций, выяснились господствующие в обществе настроения и тенденции. Наибольший интерес привлекали секции правовая и

экономическая. И как это ни странно на первый взгляд, мало затронутой оказалась вся область искусства. А ведь, казалось бы, женское творчество именно здесь никогда не было стеснено формальными преградами...

У нас было всего несколько докладов по литературе и, к большому сожалению, по причине затянувшихся прений на заседании 15 декабря остались незаслушанными единственный доклад по живописи и еще по сценической деятельности женщин. Не было ни одного доклада по всей области музыки, которой женщины посвящают себя не меньше, чем мужчины. Едва ли все это может быть объяснено простой случайностью.

После этого вступления, в котором лишь бегло, наскоро могли отразиться общие впечатления от съезда, я перехожу к сущности моего доклада в том виде, как он должен был быть прочитан в день открытия съезда.

Ручательством тому, что современное мировое женское движение не есть явление преходящего характера, которое можно (как уже это бывало не раз) утопить в самодовольном индифферентизме женщин обеспеченных классов и в пассивном сопротивлении большинства мужчин, - ручательством служит то, что мы имеем перед собой совпадение двух могущественных факторов.

Идея человеческого равенства поднимает, сближает, объединяет женщин всех культурных стран с быстротой, присущей только идейным подъемам. Фактор же экономической необходимости парализует сопротивление господствующего пола со всей неумолимостью экономики.

Прошли времена, когда, сделав женщину бесправной, объявив ее своей собственностью, хозяин жизни брал на себя и логическое следствие этого: он кормил всех женщин, сколько бы их ни было в семье. Но в наше время большинство мужчин даже и привилегированных классов должно вовсе отказаться от семьи, если жена не будет вносить своего заработка. На твердой почве стоит в своих требованиях современная женщина, но, к сожалению, почву эту всего чаще колеблют свойства ее собственной психики, еще всецело приспособленной к отживающему строю жизни.

Женский вопрос разветвляется на сеть отдельных вопросов, связанных между собой и обнимающих решительно все сферы жизни. Нет сомнения, что женщина разделит с мужчиной все социальные обязанности и вытекающие из них права, но для этого далеко еще не достаточно добиться права на одинаковое образование; моральное воспитание людей должно быть очищено от тех вековых тенденций, которые подготавливали в ребенке женского пола существо иной, разновидности, приспособляемое к потребностям, вкусам и воззрениям мужчины. Конечно, и это - не более как вопрос времени. Но по мере того, как все очевиднее намечается уже неотвратимое назревание эволюции *уравнения полов*, глубочайшего значения для судеб всего человечества, в душе растет повелительная потребность мысленно заглянуть в это будущее.

Не любопытство, естественное у зрителя, не увлечение, зажигающее самую цель гипнотизирующим светом и погружающее в тень все, что расстилается по сторонам, нет! Спокойное трезвое сознание не может не стремиться уловить хотя бы основные черты этого будущего, которым ему не суждено жить. И вот мне представляется, что задача, встающая перед современной женщиной, не исчерпывается самой целью достижения равноправия, как ни велика эта цель... Но ведь недаром же в прошлом за нами лежит такой страшный путь!

Без сомнения, этим я не хочу сказать, что вся женская история мне представляется сплошным страданием: спутница, приписанная к чужому паспорту, пользовалась многими его преимуществами! А та сила женской природы, которой предоставлено исключительное развитие, сила любви, она несет в себе самой источник счастья.

Страшным исторический путь женщины я называю по двум основаниям: во-первых, *потому, что он отклонил развитие женских сил от их естественного роста.*

Без сомнения, до некоторой степени это отклонение парализовалось законом наследственности - этим таинственным и малодоступным для науки законом скрещивающейся передачи. Ведь невозможно даже вообразить себе, что случилось бы с женщиной при тех же внешних условиях, но без этого благодетельного закона в связи с неустранимым воспитательным воздействием самой социальной среды, поскольку женщина не была от нее отрезана затворами гаремов и теремов... Да! Во что выродилось бы существо, намеренно лишенное образования, самостоятельности и личной воли, лишенное человеческого достоинства в своем подчинении специфической *женской чести*, не совпадающей с честью человеческой и составляющей собственность ее господина! Существо, предназначенное жить для одной только любви да для низменного труда, но чью любовь можно приобретать или уступать по деловой сделке; можно дарить как утонченную форму гостеприимства и можно брать насилем, как трофей победителя. Чья любовь, *свободная* всюду и во все времена, ей вменялась в преступление. Мать, не имеющая права свободного материнства и обязанная материнством принудительным в нерасторжимом браке, который заключается помимо ее воли и выбора. Существо, в котором *намеренно культивируются пороки и привлекательные слабости, но с которого, с одного только требуются добродетели.*

Спасала это существо только природа. Всю присущую ему силу души она обращала на возвышающую способность любви и самопожертвования. Будущее покажет, что дает человечеству просвещенная, равноправная и духовно свободная женщина. Человечество растила и воспитывала любовь матери, и, когда не было этой любви, тогда был весь ужас страдальческого детства. Но детство будущего будет ограждено от случайностей. Материнская любовь войдет в границы, назначенные ей природой. Та *гипертрофия чувства*, к которой привела скованность женских сил, редко бывает на пользу и ребенку и обществу.

Но если женская духовная сила не могла развиваться нормально в насильственных условиях, то ведь и свободная мужская сила пошла по пути одностороннему: в этом состоит второй результат нарушенного равновесия. Мы знаем только культуру, развившуюся в разъединении двух индивидуальных сил, природой предназначенных действовать сообща. Еще никогда не был использован весь запас творческих сил, присущих человечеству.

Было бы праздной игрой ума заниматься перестраиванием прошлого, но и уйти от этого прошлого некуда. Вот почему и я могла подойти к моей мысли только скучным путем трюизмов.

Готовясь выйти на широкую дорогу равных обязанностей и равных прав, современная женщина не должна забывать того, что равенство в точном значении этого понятия не может быть в функциях организмов, *созданных различно*. Это не только непоправимо, как всякий закон природы, но в этом заключена ее мудрость, которую нужно понять. Жизнь - не математика! *Равенство при различии* не только может вполне удовлетворить чувство справедливости, но именно оно-то и должно дать впервые полноту и гармонию в проявлениях двуликой человеческой души.

До сих пор мы имеем только *культуру силы*, не считавшую человеческих жертв, которыми оплачивается ее каждый шаг. Культуру, *не укротившую зверя в человеке*, потому что во все времена она *жестокое возводила в героическое*. Это культура, опирающаяся на *рабство пола и рабство труда*.

Повелительно встает перед нами вопрос: каким же путем пойдет освободительная сила второй половины человечества, когда кончится ее социальная и психическая зависимость? Будет ли этот путь только обязательным продолжением и развитием всего созданного мужским гением? Полноправная гражданка должна ли только количественно увеличить сумму материальных и умственных ценностей? Приложит ли она свою сознательную санкцию и к вековым язвам, выросшим вместе с человечеством?

Ведь женщины должны уже теперь сознавать, что слепое следование по следам мужчины потребует от них и *одинаковых свойств*. Для всего ли найдутся в нас эти свойства? Можем ли мы развить их в себе, *захотим ли мы этого?*.. Вот в чем вопрос: несет ли свободная женщина новому миру задатки иных, еще незнакомых возможностей, скованных ее историческим порабощением? А как первый и основной импульс, вынесла ли она из своего векового рабства *жажду несокрушимую справедливости и ненависть к страданию*, к греху и уродству человеческого страдания на прекрасной земле!

*Неужели же женщина не возьмет под свою защиту жизнь, порученную ей самой природой?*

Пора нам перестать стыдиться самих себя. Это было понятно, пока борьба велась за случайные частичные уступки от не поколебленных еще мужских монополий, но этому не должно быть места в вопросе личных прав, даруемых самым именем человека. Пора перестать доказывать, что *та* может быть совершенно такой же, как он, нет! Прежде всего, она должна быть сама собой и должна приложить все силы к тому, чтобы развивать собственные индивидуальные возможности. И тогда-то слиянием двух различающихся психик в дружном строительстве жизни впервые создается *то общее, что должно быть нашим идеалом*. Не подчинять или преклоняться, а дополнять и умерять одна другую в творческом синтезе двух сил.

Об этом рано даже мечтать, но надо уже теперь понять и хотеть этого.

Итак, перед современной женщиной в ее великой борьбе намечается двойственная цель. Нужно все напряжение воли, ума и труда, для того чтобы двигаться по пути частичных реальных завоеваний, но еще больше сознательных усилий требует работа над духовным раскрепощением. Нужны интимные победы над препонами внутренними, для того чтобы совершалось высвобождение душевных сил женщины из той *связанности* специальными целями физической природы, которая, восторжествовав некогда, создала почву для исторического порабощения половины человечества. Предстоит сводить долгий и сложный счет с жестокой работой веков! Но не отрицать ее, нет! Напротив, полностью осознать и искать пути для иного, независимого самоопределения. И для таких же свободных и трезвых оценок.

Надо верить в то, что женщина достаточно созрела, чтобы сознательно и неотступно стремиться к нарушенному равновесию своих сил. Только в этом залог полной победы.

СТАТЬИ ИЗ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА

"СОЮЗ ЖЕНЩИН"

(орган Союза равноправия женщин,

### Петиция женщин в Государственную думу

Противники избирательных прав женщин часто повторяют в виде аргумента, что женщины не нуждаются в избирательном праве и что это доказывается тем, что они и не просят о нем. Если же такие требования и заявляются, то, по мнению этих лиц, они исходят всего от нескольких экзальтированных особ и поддержки в остальной массе женщин не встречают. Не касаясь нелогичности этого возражения, приходится признать, что последняя его часть, по крайней мере, для России, не верна и фактически.

Еще в 1905 году, когда всем общественным учреждениям было предоставлено представлять свои соображения об изменении порядка управления и государственного строя, России московские женщины подали в Московскую городскую Думу, избравшую тогда особую комиссию для выработки вышеупомянутых соображений, петицию с требованием включить предоставление женщинам избирательных прав при выборах в законодательное учреждение и в органы местного самоуправления. Заявление это было покрыто более чем тысячей подписей.

Июльскому съезду того же года представителей земств и городов было послано свыше 30 заявлений с десятками и сотнями подписей от женщин различных городов с требованиями признания избирательных прав женщин при предстоящем изменении общественно-политического строя России. Инициатива подачи этих заявлений принадлежала возникшему тогда же Союзу равноправия женщин. Заявления эти не были рассмотрены, потому что самый вопрос об избирательных правах женщин был снят с очереди, но бюро съезда под давлением этих требований заготовило благоприятную для женщин резолюцию, а 68 членов съезда подали мотивированное заявление о необходимости немедленного рассмотрения этого вопроса в целях удовлетворения требования женщин.

Осенью 1905 года время митингов и забастовок ознаменовалось целым рядом массовых выступлений женщин с требованием избирательных прав, митинги были организованы главным образом отделениями Союза равноправия женщин в целом ряде городов России. Самые грандиозные из них были в Москве (до 2500 человек), наименее удачными были митинги петербургских женщин.

Во время выборов в первую Государственную думу имели место, с одной стороны, такие случаи: женщины-работницы являлись на избирательные собрания с требованием себе права участия в выборах; в Москве на фабрике Чепелевецкого работницы явились в таком количестве, что, когда им было отказано в праве участия в голосовании, они путем обструкции сорвали выборы. В Вятской губернии в некоторых местах при выборе уполномоченных от волостных сходов для избрания выборщиков фактически принимали участие в голосовании женщины, заменявшие отсутствовавших мужей.

После открытия первой Государственной думы в числе поступивших туда наказов от разных групп населения было несколько требований, присланных от женщин-крестьянок Тверской, Воронежской и Ярославской губерний.

Наконец, в ту же Думу поступило два заявления от женщин с требованием для них избирательных прав - одно за 5000 подписей от Союза равноправия женщин, другое - за 4500 подписей от Женского взаимно-благотворительного общества в Петербурге. Последнее было

передано через депутата Петражицкого, который и заявил о нем в Думе; первое было прямо передано в Думскую комиссию о равноправии.

Но Дума была распущена, не успев коснуться ни избирательного закона, ни организации местного самоуправления.

В мае текущего года было передано депутатам Трудовой группы для передачи второй Государственной думе новое заявление следующего содержания:

*В Государственную думу*

Во имя общего блага всей страны, во имя великих принципов свободы, справедливости и социального равенства мы, женщины России, обращаемся к Вам, граждане, члены Государственной думы.

В целях осуществления этих принципов и проведения в жизнь широких демократических начал необходимо установление политического и гражданского равноправия женщин законодательным путем. Мы твердо верим, что Государственная дума признает всю важность этого принципа и проведет его в новом законе о выборах в Государственную думу, в местное самоуправление и в законе о равноправии всех граждан.

Под заявлением этим значилось 19984 подписи'. Подписи эти собраны со всей России Союзом равноправия женщин. Подписи еще продолжают поступать и, вероятно, будут поступать еще некоторое время, так как далеко не все листы, разосланные по России для сбора подписей, вернулись обратно.

Большинство подписей поступило из городов, хотя есть немало листов, полученных из сел и деревень; есть даже листы, на которых стоят подписи всего женского населения целых деревень. Это своего рода женские приговоры. Есть много сотен подписей за неграмотных женщин по их просьбе, есть даже традиционные кресты. В общем, число подписей от лиц трудового класса, как это ни странно, преобладает над подписями интеллигентных женщин. Буржуазная косность, равно как и партийные предрассудки, слишком часто мешали им присоединять свои подписи. Женщины-крестьянки и работницы свободны как от того, так и другого недостатка.

Все активно участвовавшие в сборе подписей под настоящей петицией свидетельствуют о том огромном интересе и горячем сочувствии, которое вызывает предложение присоединиться к требованиям женщин среди крестьянок, работниц, прислуги, а часто даже среди крестьян и работников.

Вот отрывок из письма молодого крестьянина из глуши Саратовской губернии: "У нас в России есть много женщин, стремящихся к осуществлению своих прав, но не знают, как... Мне учительница вручила лист за № 1038 в Государственную думу, где справедливо требуют равноправия женщин. Я собираю мужские подписи. Вчера, 20 февраля, лишь получил сей лист, а собрал 64 подписи. Как только заполнится 100 подписей, передам учительнице".

---

' После подачи петиции поступило еще свыше 600 подписей, так что общее число их теперь более 20000.

Характерен лист, подписи на котором собрал один петербургский извозчик. Аршинными кривыми буквами самыми разными почерками значится: "Извозчики: Митрофан Старостин, по просьбе за безграмотностью за жену его Авдотья Старостина, дочери его Аграфена 17 лет, Матрена 19 лет, Фекла 22 года. Лука Дормидонтов ломовой, Семен Иванов Петров, трактирщик Александр Севастьянов и жена его и дочь его Севастьянова, первая Дарья Фокина Севастьянова и вторая дает сама свою подпись, Ирина Севастьянова 30 годов. Извозчики: Семен Васильев легковой, Иван Дерунов из Ломовых, Петр Филиппов, Николай Филиппов, Трофим Микин и по просьбе за безграмотностью жена его Марья Иванова Микина, Авдотья Любушина ломовая кухарка, ломовые: Трофим Савелов, Карп Ливонов, Марфа Ливонова, Дормидонт Кособрюхов, Л. Филиппов, Н. Кулаков, Михаил Михайлов сам хозяин, Борис Петкин, жена его Дарья, жена их Федосья, Митрий". Очевидно, подписи собраны на извозничьем дворе и в соседнем трактире, и справедливость требования женщин признали все, не исключая и самого хозяина и трактирщика (лист № 4700).

Характерен лист, подписанный 84 прачками.

А вот лист из Москвы, характерный по соединению разных сословий и профессий (лист № 1230). Он подписан следующими лицами: Анна Широченко - ткачиха, Елена Николаева - фабричная, Екатерина Шувалова - бывшая работница фабрики, Анна Спиридонова - фабричная, Настасья Елагина - фабричная, баронесса Мария Михайловна Корф, Регина Кржевицкая - учительница, Анна Лаушкина - прислуга, Екатерина Крючкова - прислуга и др.

Текст обращения в Думу, отпечатанный на листах для подписей, был разослан по 1037 адресам в количестве свыше 3000 листов. Текст этот еще переписывался и перепечатывался на местах. Кроме того, он был переведен на языки: украинский, польский, литовский, немецкий, якутский и др. Некоторые провинциальные газеты не только перепечатали у себя лист, но и объявили сбор подписей через редакции. Один провинциальный журнал перепечатал листы с текстом и разослал их все своим подписчикам. Пока поступило через редакцию этого журнала около 500 подписей.

Географически поступившие подписи распределяются следующим образом.

Всего поступили подписи из 122 городов и мест России (кроме того, 68 подписей прислано из Женевы, 115 - из Берна и 29 -

из одного местечка Финляндии). Из всего числа подписей, поступивших из России (19772), приходится:

На европейскую Россию (без окраин).....15 494

Прибалтийский край .....650

Литва и Польша' .....1 342

Кавказ.....2 068

Азиатская Россия .....218

Из европейской России имеются подписи из всех губерний, кроме Симбирской. Женщины Орловской губернии отправили отдельное заявление через с.-д. фракцию Государственной думы; достоверно известно, что свыше 300 подписей рязанских женщин пропало на почте.

Наибольшее число подписей дал г. Петербург - 4467, затем идут следующие города:

2 Москва .....

3 Екатеринослав.....

4 Тифлис.....

5. Херсон.....

6. Киев.....

7. Пермь .....

8. Шавли (Ковенск. губ.).....

9. Кишинев.....

10. Вятка..... 249

11. Казань..... 218

Остальные города дали менее 200 подписей каждый. Больше 100 подписей получено всего от 45 городов. В том числе из Самарканда прислано 118 подписей. Более далекий Хабаровск дал 91 подпись; отметим еще 21 подпись из с. Кемь Архангельской губернии.

Женщины Литвы прислали целый ряд листов подписей, собранных в разных местах литовского края с текстом на литовском языке и с 430 подписями.

На своем языке, кроме литовок, подписывались немки из Прибалтийского края, еврейки из Бессарабии, грузинки из Кутаисской губернии, татарки из Елизаветпольской, армянки из Баку и Кубы.

<sup>1</sup> Как известно, польские женщины составили свою петицию в Государственную думу и собрали уже несколько тысяч подписей. Литовские женщины присоединились к заявлению русских женщин.

<sup>2</sup> 576 из них под особым более решительным текстом.

@318

Заявление это уже не может быть заслушано в Государственной думе, да, если бы Дума и не была распущена, ему все равно приходилось, благодаря существующему закону, проникать туда контрабандой в речи какого-нибудь депутата, но того факта, что до 20 тысяч женщин самых разнообразных состояний, вероисповеданий, наций, без различия степени образования соединились в одном требовании, уже нельзя уничтожить. Он представляет собой шаг вперед в борьбе за права женщин, и шаг внушительный. Весть о подаче такого заявления разнесется по всей России и заставит биться горячим сочувствием не тысячи, а миллионы сердец женщин, которые не знали о сборе подписей или почему-либо не могли прислать их вовремя. С верой в правоту своего дела и с надеждой на близкое, более счастливое будущее пойдут они дальше по своему трудовому пути в жизни, на котором так много терний, слез и крови. А все те, которые приложили свою руку к подаваемому ныне заявлению в Государственную думу, пусть считают

себя отныне связанными общим делом в крепкий дружеский союз для борьбы за политическое равноправие женщин, за ее избирательные права. В единении сила, а женщинам это единение теперь нужнее, чем когда-нибудь. Если не сейчас, то не скоро добудут они себе право на человеческую жизнь и свободу.

1907г., № 1.

### **Женские делегации в парламентских фракциях**

Во второй Государственной думе стояло на очереди обсуждение целого ряда законопроектов, тесно связанных с интересами женщин: аграрная реформа, законопроекты о народном образовании, местном самоуправлении и всеобщем избирательном праве.

Женщины не могли остаться равнодушными к решению своей участи. Центральное бюро Всероссийского союза равноправия женщин избрало делегацию из 6 членов и 6 кандидатов, которым поручено было организовать обход тех парламентских фракций, которые вставили в программу парламентской деятельности равноправие женщин. Цель этого обхода была, во-первых, побудить фракции к более энергичной защите прав женщин, во-вторых, познакомить крестьян и вообще те элементы фракций, которые менее задумывались над вопросом о равноправии полов, с более детальными требованиями женщин и, наконец, за свидетельствовать перед лицом всей России, что фракции могут опираться в своей борьбе за равноправие женщин на организованное общественное мнение лиц, наиболее заинтересованных в этой борьбе, - самих женщин. В парламентскую фракцию партии Народной свободы отправилась делегация из трех лиц Л. Н. Ленской, Л. С. Макарьевой и М. А. Чеховой. Сущность речей делегатов сводилась к доказательству своевременности проведения политического и гражданского равноправия женщин в законодательном порядке и указанию на то, что фракция не имеет никаких оснований идти в этом вопросе на уступки.

На горячие речи депутатов ответил председатель фракции кн. Долгорукий, прося передать Всероссийскому союзу равноправия женщин привет от фракции Народной свободы и готовность фракции твердо стоять "за святое дело" равноправия женщин.

Делегация в трудовую группу состояла из 2 лиц - Л. С. Макарьевой и М. А. Чеховой. Речи делегатов носили несколько иной характер. Имея в виду преимущественно крестьян, делегатки пространно указали, насколько рассматриваемые в Думе законопроекты имеют отношение к равноправию женщин, выставили свои более детальные требования в этом отношении и указали на то, что проведение этих законопроектов в жизнь будет иметь громадное культурное влияние не только на женщину, ни и на поднятие общего уровня всей страны.

В ответ на это депутат Березин просил передать женщинам, что трудовая группа будет отстаивать интересы всех трудящихся масс, без различия пола. После того говорил еще один депутат, особенно подчеркнувший ту часть речей депутатов, где высказывались требования женщин на равное и совместное с мужчинами образование на всех ступенях, и выразил уверенность, что товарищи депутаты обязаны поддержать эти требования женщин для блага всей страны. По словам делегатов, посещение трудовой группы произвело на них чрезвычайно хорошее впечатление товарищеского отношения к женщинам и горячей симпатии к их судьбе.

Делегация в социал-демократическую фракцию состояла из Л. Н. Ленской и Л. Я. Гуревич. Делегатки, отметив заслуги социал-демократии, особенно германской, в теоретической и практической разработке женского вопроса, обратили внимание фракции на необходимость отстаивать уравнивание женщин в думских прениях, связанных с различными законопроектами, ибо речи депутатов, во всяком случае, должны иметь громадное агитационное значение для

всей страны. Депутат Алексинский ответил на это, что он, как с.-д., засвидетельствовал свое отношение к этому вопросу на всероссийском съезде журналистов в 1905 году, но что равноправие женщин может быть достигнуто только вместе с конечной победой пролетариата, а потому такие межпартийные организации, как Союз, являются бесполезными. Л. Я. Гуревич возразила депутату Алексинскому ссылкой на Бебеля, который смотрит на этот вопрос шире и не отрицает значения самостоятельного женского движения.

Во фракцию социалистов-революционеров направлена была делегация, состоящая из двух лиц - В. М. Невежиной и М. А. Чеховой. Делегатки, ссылаясь на прошлое партии, выразили полную уверенность в том, что она возьмет на себя в Государственной думе деятельную защиту прав женщин при обсуждении этого вопроса. Только при социальном строе, по мнению их, возможно полное равноправие женщин, но социализм не сойдет к нам с неба, за него нужно бороться, и каждое частичное завоевание прав женщин есть шаг вперед по пути к социализму. На это депутат Горбунов ответил, что, какая бы партия ни внесла первый вопрос о равноправии женщин и в какой бы частичной форме он ни был поставлен, партия с.-р., памятуя о своих товарищах-женщинах, борцах за свободу, всегда отстаивала и будет отстаивать права женщин и не пойдет ни на какие уступки в этом отношении. Это она доказала уже, подняв первый в Думе вопрос о предоставлении женщинам прав на штатные должности в канцелярии Думы.

Делегация женщин в магометанскую фракцию состояла из трех лиц: С. А. Тюрберт, М. Д. Вейсбейн и Е. Н. Щепкиной. После краткого приветствия С. А. Тюрберт Е. Н. Щепкина произнесла речь, в которой указывала на славу древней магометанской культуры и на то время, когда женщины-магометанки были свободны и удивляли весь мир своей ученостью, будучи профессорами различных наук и даже законоведения. Это служит доказательством, что религия магометан не высказывается против равноправия женщин. Депутат Топтибашев ответил на это, что во имя прошлого магометане обязаны отстаивать равноправие женщин, как политическое, так и гражданское. Он указал, между прочим, на тот интересный факт, что первые салоны Европы, где царили женщины, были мусульманскими.

Посещение партии народных социалистов было отложено вследствие тревожного состояния в Думе и не состоялось за роспуском ее. Таким образом, прогрессивные фракции в Думе дали обещания женщинам не идти на уступки по отношению к ним и определенно высказывались за своевременность распространения на женщин закона о всеобщем избирательном праве и гражданского их равноправия. Иностранная пресса отметила этот факт, особенно подчеркивая его по отношению к партии Народной свободы, хотя поведение последней при обсуждении вопроса о предоставлении женщинам штатных должностей в канцелярии Думы и не соответствовало высказанным партией намерениям защищать права женщин. Кадеты вотировали против этого, боясь лишнего тормоза при утверждении штата Думы правительством.

Делегирование женщин в парламентские фракции и результаты его ввиду того, что Дума распущена, имеют значение прецедента для третьей Думы. В предстоящей избирательной борьбе, надо надеяться, выступят те же партии, и для женщин важно знать их официальное отношение к этому вопросу. Официальные ответы парламентских фракций - факты, на которые женщины могут опираться в дальнейшей борьбе за свои права.

*1907г., № 1.*

**Л. Гуревич**

**Вопрос о равноправии женщины в крестьянской среде**

Среди общественных деятелей, высказывающихся о женском избирательном праве с особенной сдержанностью, есть немало таких; которые связывают все свои сомнения с вопросом о том, как отнесется к политическому равноправию женщин русское крестьянство. От крестьян ждут почему-то особенного противодействия в этом пункте. Есть, однако, немало данных, указывающих на то, что крестьяне в этом частном вопросе вовсе не отстают от интеллигенции. Если вопрос этот, как и многие другие, требующие известного развития политического самосознания, и не поднимается у них самостоятельно, то, во всяком случае, определенная постановка его у многих из них находит живой отклик.

На учредительном съезде Крестьянского союза в июле 1905 года, на котором присутствовали представители 28 губерний, некоторые из депутатов указывали, что "раз мы, крестьяне, добываясь земли, не исключаем из пользования ею и женщин, то было бы непоследовательно лишать их политических прав. Это особенно важно в тех местностях, где мужское население занимается отхожими промыслами и дома остаются одни женщины". В подкрепление этой мысли одним из крестьян было сказано, что распространение политических прав на женщин увеличит силу крестьянской партии, создав для нее "вторую армию". При голосовании об избирательных правах женщин было выделено два вопроса: 1) предоставить ли женщинам право избирать; 2) предоставить ли им также право быть избираемыми. По первому вопросу все единогласно высказались утвердительно. По второму решение в утвердительном смысле последовало большинством всех против трех, причем один из меньшинства заявил, что готов был бы голосовать за предоставление женщинам избирательных прав до замужества.

О том, что вопрос этот не мертв для крестьян, можно судить и на основании приговоров, вынесенных некоторыми крестьянскими сходами. Несколько таких приговоров (Пензенской губ. Харьковской, Ковенской губ. и Полтавской губ.) напечатано в книжке К. Луканова ("Чего хотят крестьяне" в издании С. Елпатьевского "Земля и свобода").

Мы знаем из первого источника о нескольких таких приговорах, состоявшихся на крестьянских сходах в Воронежском уезде. На втором октябрьском съезде Союза женского равноправия присутствовало три представителя этих заинтересованных женским равноправием сел: два крестьянина и одна старуха. Там же присутствовала и высказалась по этому вопросу девушка-крестьянка из Тульской губернии, фактически подвизающаяся за своего неграмотного деда в роли сельского старосты.

Положительные резолюции по вопросу о политических правах для женщин выносились также в некоторых частных совещаниях с участием крестьян, как, например, в г. Тихвине, в Костроме, в комиссии Ярославского губернского земства.

Всего менее можно было ожидать каких-либо активных заявлений по этому вопросу от крестьянок, как особенно неразвитой и особенно приниженной части населения. Однако и эти предположения скептиков оказываются неосновательными. В разных местностях России уже возникают разговоры баб о "правах" вообще, отсюда разговор переходит и на женское бесправие. Иногда такого рода брожение пресекается представителями местной власти - каким-нибудь урядником, до которого случайно дошли слухи о "бабьем бунте". Так было, например, летом 1905 года в одном селе Подольского уезда Московской губернии. Условия для развития правосознания среди крестьянок в настоящее время, при ужасающем гнете со стороны властей, конечно, крайне неблагоприятны. Но и при этих условиях некоторые представительницы Союза женского равноправия, в свою очередь сурово гонимого провинциальными властями, самым естественным образом вызвали среди крестьянок не только разговоры о женских правах, но и горячее стремление добиться их. В качестве документа приведем выдержку из частного письма одного из членов Союза женского равноправия, г-жи ААП из Крапивинского уезда Тульской губернии:

"Посылаю Вам подписи наших крестьянок (под заявлением от женщин России в Государственную думу). Идея равноправности, мало сказать, понравилась им, она составила для них давно желанный насущный хлеб, по выражению одной замужней бабенки. Если бы Вы слышали те вырвавшиеся под живым впечатлением петиции рассказы о женском горе, о мучительном женском бесправии, что переслушала я, пока записывала имена неграмотных по их горячей просьбе. Вы бы почувствовали самую горячую радость за то, что приняли живое участие в таком поистине великом деле, как освобождение женщин с ним наряду только можно отметить освобождение от крепостного права и освобождение негров. Столько горя, сколько вылилось передо мной сейчас, я еще не слышала. Точно все уже накипело и хлынуло через край, хлынуло настолько, что, если не пройдет вопрос равноправия в деревне, можно было бы, умело действуя, провести грандиозную женскую забастовку против тех, кто не признает прав женщину. Но у нас крестьяне все согласны с этими правами. Прочла я петицию сначала поденщицам (мы вместе работали на огороде), разъяснила им, как и что понимать. В обед ушли они домой, а там и повалили ко мне девушки, бабы, старухи. Полные сени набились, лица у всех разгорелись, плачут: "Господь на нас оглянулся" видно... Дошли к батюшке Царю Небесному наши слезы". Старуха, с трудом дотащившаяся с дальнего конца деревня, твердит мне: "Внучку-то, внучку не забудь записать. Ей еще сколько маяться придется, а будут права - все вздохнет". "Сейчас мы что лошадь рабочая, - говорит другая баба. - В силе пока, работай, хлебом кормят, коли взлюбили в семье, а не взлюбили - работай под палкой, голодай, а уйти некуда, не смеешь, потому как скотина мы, без прав, без всяких. Кто хочет, тот нами и помыкай". Подписей можно было бы собрать от баб и девушек без конца, если б не проклятая косность некоторых лиц в нашем приходе. Первый поднялся поп, вторая - его дочка-монопольщица. И у первого и у второй честное общение с народом, и вот эти достойные люди всем говорят, что я заставляю баб подписываться "под бунты". Смутили даже двух мужиков, схватили они колья и хотели поучить своих баб, как "идти в забастовку". Спать грозили и меня не оставить живой. Прибежали их бабы ко мне, трясутся, бедные. "Ты нас выпиши", - говорят, а потом одна от другой по секрету и шепчут мне: "Ты нашим мужикам скажи, что выписала нас, а ради Христа, не выписывай. Не дуры мы от своего счастья отказываться". После этого позвала я мужиков, пристыдила их".

Весьма пространный доклад с подробными записями крестьянских, и в частности бабьих, прений по вопросу о правах и т. п. доставила на последний съезд Союза женского равноправия, а также в трудовую группу Думы г-жа С., работавшая некоторое время тому назад в Воронежской губернии. Доклад этот был использован в большом фельетоне в "Известиях крестьянских депутатов" (№ 8 от 28 мая).

Отголоском деятельности г-жи С., пропагандировавшей в Воронежском уезде по деревням специально идею всеобщего избирательного права в семичленной формуле, является известное письмо воронежских крестьянок к членам Государственной думы. Письмо это написано крестьянками уже после съезда г-жи С. вполне самостоятельно. То же самое с полной достоверностью относится к письму тверских крестьянок.

Таково же по содержанию письмо учителей Острогожского уезда к депутату Кругликову:

"Из газет мы узнали, что при обсуждении вопроса в Думе о всеобщем избирательном праве Вы заявили, что женщина нужна только для семьи, и утверждали, что сами крестьянские женщины не желают политических прав. Мы, сознательные крестьяне, возмущены таким заявлением и утверждением. Ни на чем не основанном. Вы являетесь не истинным, благодаря четырехстепенности выборов, представителем всех крестьян Воронежской губ и, не будучи непосредственно знакомы с избирателями-крестьянами и их требованиями, преступно смешиваете свое личное мнение с мнениями и требованиями всех крестьян, которые отрезаны от вас опять-таки четырехстепенностью выборов.

Сознательные крестьянские женщины требуют себе политических прав для своего раскрепощения. Как сельским учителям из крестьян нам везде, где ни поднимался в среде крестьянок вопрос о правах женщин, приходилось отмечать, что крестьянки наравне с мужчинами тяготеют всеми общественными не порядками и заявляют: раз они своим трудом несут все общественные повинности заодно с мужчинами, то должны иметь влияние на общественное управление. Ярким подтверждением наших слов служит тот факт, что 6 ноября 1905 года на Всероссийский крестьянский съезд, происходивший в Москве, являлись две делегатки-крестьянки от сходов женщин Воронежского уезда Орловской области с приговором о требовании политических прав для женщин вместе с требованием земли и воли. Помните, за каждым Вашим словом и голосованием крестьяне зорко следят. Передайте наше заявление другим депутатам от крестьян Воронежской губернии. Держитесь Трудовой думской группы. Она ярче других выражает интересы всего крестьянства и рабочих".

Вообще жизнь представляет немало неожиданностей в этом вопросе. Одной из таких неожиданностей можно назвать заявление, сделанное прошлой зимой по вопросу о политических правах женщин гурийскими сельскими сходами (Кутаисская губ.) в объяснениях их с уполномоченным Кавказского наместника Султан-Крым-Гиреем. Сходы эти единодушно потребовали политических прав для женщин наравне с мужчинами. На происходивших в Тифлисской губернии городских и сельских совещаниях по вопросу о введении земства в Закавказье в числе других депутатов было несколько грузинок.

Остается еще сказать несколько слов об отношении к вопросу о политических правах женщин со стороны рабочего класса. Если суждения организованных, т.е. партийных рабочих по этому вопросу не могут считаться показателем непосредственного настроения и склонности рабочей массы, то очень характерными, во всяком случае, являются взгляды беспартийных рабочих, подготовивших вместе с Гапоном мощное движение 9 января. Организаторы 11 рабочих отделов Петербурга приняли все меры, чтобы вовлечь в это движение и женщин, для чего устроили при своих отделах дополнительные собрания специально для женщин. "Если женщины не будут помогать нам, то они будут мешать", - говорили рабочие-организаторы, И действительно, женщины были вовлечены в движение. Многие из них шли в первых рядах рабочего шествия ко дворцу, сознавая угрожающую для них опасность, и гибли под пулями. Беспартийные рабочие указывали на это в своих речах на Петербургском женском митинге в мае 1905 года как на лишний довод в пользу необходимости политического равноправия женщины.

*1907г., № 1.*

***Н. Щепкин***

### **Участие женщин в местном самоуправлении**

Отказ женщине в признании за ней равных с мужчиной, прав основан частью на предрассудках, привитых веками общего нашего бесправия, частью на эгоистических и рабовладельческих соображениях, а иногда на представлении мужчин о себе как о высшем существе, представлении, свойственном обыкновенно людям недалеким и тупым. И вот приходится при таком положении бороться с бесправием женщины медленным, культурным путем. Пройдут, быть может, многие годы, прежде чем установится полное равноправие. От самих женщин зависит ускорение хода дела непрерывной пропагандой в семье, школе и жизни.

Наши дети находятся по преимуществу на руках и в руках женщин, и женщины должны тут использовать свое выгодное положение, прививая нашим мальчикам с самых первых лет уважение к женщине и идею равноправия совершенно так, как, бывало, няни прививали нам народные предрассудки и поверья. Но пока что надо пользоваться всяким удобным случаем, чтобы завоевывать положение. А время для этого подходящее, так как никогда еще в народе не было так сильно сознание необходимости уничтожить всякую несправедливость, что и выражается в современных нам усилиях осуществить широкие политические и экономические программы. Бесправие женщин - одна из величайших несправедливостей. Это начинают сознавать и наиболее отсталые люди, недаром ведь даже программа октябристов признает допустимым участие женщин в местном самоуправлении.

В нашей современной борьбе с чиновничеством за свободу и счастье мы не в состоянии опереться на местные силы, совершенно разрозненные. Самоуправление, где они могли бы сплотиться, является у нас учреждением узкоклассовым и лишенным всякого влияния на местное управление, зависящее целиком от милостей губернского и уездного чиновничества всяких рангов. У нас, в сущности, отсутствует то, что можно назвать действительным самоуправлением. По поводу значения последнего приведем слова покойного Б. Н. Чичерина: "Только существование земства способно ввести бюрократию в должные границы... Если же контроль со стороны независимых общественных сил бюрократии может быть полезным органом правительственной власти, то без таких сдержек он становится язвой государства. В конституционных правлениях этой цели служат представительные собрания. Они до некоторой степени могут восполнить даже недостаток местных учреждений. Но где их нет, там широкое развитие местного самоуправления в состоянии обуздать бюрократический произвол и поддержать в государстве общественный дух".

Это мнение сохранило свою силу и для нашего времени, и справедливость его подтверждена тяжким опытом нашей родины. Именно таким значением самоуправления и обуславливаются неотложность и высокая важность преобразования местного управления и самоуправления на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и расширения пределов ведомства и власти местных самоуправлений. Вот почему нельзя не приветствовать совершившееся внесение в Государственную думу законопроекта об изменении способов избрания земских и городских гласных. Проект этот внесен фракцией партий Народной свободы и составляет первый шаг. Вслед за тем должен был последовать ряд законопроектов, которые должны совершенно изменить картину местного управления и самоуправления.

Любовь и привычка к общественному делу даются не сразу. Сознание обязанности отдавать значительную часть своего времени общественному делу есть результат многих лет и относительно высокой степени культуры. Можно опасаться, что у нас в первые десятилетия низкое состояние культуры будет отзываться недостатком людей для общественной работы. Особенно можно ожидать вопрос с возникновением мелкой земской единицы и самоуправления в незначительных даже поселках, так как потребность в общественных работниках быстро и сильно возрастет. Такое положение обязывает нас использовать все мало-мальски культурные силы страны. Уже одно это должно нас побуждать привлечь женщин к участию в местном самоуправлении и управлении. Устраняя здесь женщин, мы устраним более чем половину всех местных культурных сил.

Мы не думаем, что в самоуправлении будут принимать непосредственное участие все женщины или все мужчины, но полагаем, что населению должна быть предоставлена возможность воспользоваться всеми культурными силами так, как оно признает более полезным. Не следует забывать, что привлечь в глухой деревне к работе бесплатной или плохо оплачиваемой будет очень трудно и что в этом отношении местное женское население может оказать большую помощь, как оно оказывает ее и теперь при всяких народных невзгодах. Жены, сестры, дочери

лиц, связанных с местностью постоянными занятиями, вдовы, ведущие самостоятельно дело, их семьи, учительницы, женщины-врачи, фельдшерицы - это все лица, которые у себя на месте будут вести общественное дело не хуже, а, пожалуй, и лучше, чем те общественные деятели, которых теперь с таким трудом набирают в уездах, так как все более способное и бойкое норовит уйти в столицы и большие города. Недостаток не только культурных, но просто даже грамотных лиц у нас так велик, что во время последней народной переписи главное затруднение заключалось в приискании достаточно грамотных для этого дела сотрудников. Мы так бедны культурой, что не имеем права поступаться теми силами, которые имеются на местах, только потому, что силы эти являются в непривычном для нас виде. Поступая так, мы рискуем в самом начале поставить преобразованные самоуправления в безвыходное положение.

Опыт Англии, Америки (в некоторых штатах) и Финляндии показывает, что женщины прекрасно справляются с работой во всех областях местного самоуправления. Благотворительность, врачебно-санитарное дело, народное образование, как общее, так и профессиональное, местная статистика и агрономия, дорожное и строительное дело - ведь все это, в сущности, не требует от местных деятелей высоких способностей и знаний. Во всех этих областях обычно весьма удовлетворительно работают средние, но добросовестные и внимательные люди. Опыт показал, что внимательность и серьезное отношение к делу у женщин обычно выше, чем у мужчин, и что работа женщин в этих областях самоуправления не хуже мужской. Да это и неудивительно, так как все это дела практического характера, к которым женщины способны не менее мужчин. Мы уже не говорим, что иметь работником при одинаковом вознаграждении вместо туповатого и не особенно умного мужчины умную и развитую женщину всегда предпочтительнее.

Мы не ожидаем, чтобы участие женщин в самоуправлении сказалось каким-либо особым подъемом его: женщины - такие же люди, как и мужчины, и ждать от них чего-либо необыкновенного, конечно, нельзя. Но, с другой стороны, и нет основания думать, что они принесут вред делу. У женщин есть, конечно, свои собственные недостатки, как у мужчин свои, но мы не можем указать у женщин таких недостатков, которые ставили бы их, в смысле общественных работников, ниже провинциальных мужчин. Повсюду участие женщин в общественном деле приводило до сих пор к известному смягчению во взаимных отношениях в собраниях, к усилению забот о здоровье женщин и подрастающих поколений и к борьбе с пьянством. Если и у нас повторится то же самое, то уже ради одного этого следовало бы воспользоваться женскими силами в местном самоуправлении.

В отношении крестьян допущение женщин к самоуправлению на одинаковых основаниях с мужчинами обеспечит им возможность влиять на местное самоуправление даже в тех местах, где мужское население отсутствует на заработках. Мы не говорим уже о том, что привлечение крестьянок к общественной деятельности наравне с крестьянами тотчас повысит их положение в глазах населения. Если в первое время многим и будет это казаться странным, то в этом беды нет. Но с хорошими нововведениями люди быстро сживаются. Поднять положение женщины в семье - одна из важнейших задач для нашей страны. Нам приходилось беседовать на эту тему с крестьянами из местностей, поставляющих в Москву готовых ремесленников. Они объясняют грубость нравов, пьянство и другие пороки в ремесленной среде в значительной мере забитостью и приниженностью женщины в семье. Мальчишки, видя перед собой постоянно пример крайнего неуважения к матери, похвальбу грубостью и излишеством, лишаются тем самым смягчающего влияния, которое могла бы оказать в такой среде женщина, поставленная в сколько-нибудь соответствующее ей положение.

Таковы, по нашему мнению, житейские соображения, которые должны бы заставить нас в деле самоуправления отложить в сторону наши предрассудки и попросить наших женщин помочь

нам в нашем великом народном деле, как они всегда и повсюду помогают, не требуя за это даже благодарности.

1907 г., №1.

*А. Пиотровская*

*Передовая статья*

"Женский вопрос - в такой исторический момент, как мы переживаем теперь?!" - слышим мы голоса из общества при виде вновь выходящего номера нашего журнала.

Мы привыкли слышать эти же самые возгласы при всевозможных условиях общественной жизни, всякий раз, когда мы в той или иной форме выдвигали этот большой и больной вопрос, непосредственно касающийся половины человеческого рода, косвенно затрагивающий интересы всего человечества без изъятия. Мы не смущаемся поэтому никакими скептическими возгласами; мы знаем, что это тот дешевый скептицизм, который происходит от непонимания, а непонимание, упорное самоуверенное непонимание, от равнодушия.

Однако мы считаем необходимым в каждый новый период нашего общественного движения ставить для самих себя этот вопрос об отношении нашей специальной задачи к общеполитическим задачам данного момента. Мы далеки от наивного и близорукого феминизма, который мечтает разрешить женский вопрос вне связи с общими политическими и социальными вопросами, уравнивать женские права с мужскими независимо от общего правового и социального равенства. Тактика нашей борьбы за равноправие женщины неизбежно должна меняться во многих своих частностях - в зависимости, например, от условий общенародной борьбы. Так, широкий идейный размах в работах первой Государственной думы заставил нас взяться за пересмотр всех русских законов, связанных с вопросом о женском равноправии, и предложить соответствующей думской комиссии выработанный нами законопроект правового уравнивания женщины. От первой Государственной думы, поставившей вопрос о всеобщем уравнивании в правах, можно было ждать и радикального разрешения женского вопроса. Работы второй Государственной думы уже не носили того широкого и идейного характера, как работы первой. Вопросы, которые она выдвигала для очередного обсуждения и разрешения, были дробнее, и уже Дума стремилась провести хоть некоторые из очередных реформ. Мы уже не могли при таких условиях надеяться на рассмотрение женского вопроса в его принципиальных словах и вынуждены были свести нашу агитацию по отношению к различным левым фракциям Думы к тому, чтобы равноправие женщины не упускалось из виду при обсуждении таких вопросов, как реформа земского самоуправления, реформа местного суда, народного образования и т. п.

Но и вторая Дума была распущена. Мы стоим перед открытием третьей Думы, состав и характер которой можно определить только по приблизительным расчетам, на которую, во всяком случае, трудно возлагать какую-либо надежду тем, кто не цепляется за "конституционные иллюзии". Измученная страна тяжело борется с охватившими ее сомнениями. Наиболее деятельные люди минутами с трудом побеждают усталость, а те, которые записались в передовую рать лишь ввиду общего, чреватого последствиями подъема, малодушно бьют отбой. Работа, продолжающаяся совершаться в глубинах народного самосознания, почти не находит себе выражений, и многие готовы уже сказать, что и она замерла. Но мы не верим в то, что освободительное движение уже исчерпалось. Оно только замерло, затихло, чтобы собраться с новыми силами, углубиться и расшириться. Наши руководящие идеи остаются прежними, наши основные задачи не изменились, и наша тактика, меняющаяся в некоторых частностях сообразно с условиями общей борьбы, опирается на прежний принцип ради завоевания

народного блага будить самосознание и самодеятельность народных масс, ради раскрепощения женщины будить самосознание и самодеятельность женщин.

Таков был наш лозунг и в период общего подъема, таков он и теперь. Мы были всегда убеждены, что правовое раскрепощение женщины является необходимым условием истинного обновления страны, ибо - старая, неоспоримая мысль! - рабство столько же развращает раба, сколь и рабовладельца. Мы твердо стоим на этом и теперь, и мы не знаем лучшего способа подготовить дальнейшую стадию борьбы, как работа над пробуждением разума, воли, чувства человеческого достоинства среди тех, которые до сих пор спали. Нужно расширить площадь приложения наших сил, нужно глубже взрыть ту почву, на которой взойдут семена свободы. Это сознается всеми. Повсюду говорят об использовании момента для культурной работы, об углублении культурной работы. Да эта культурная работа для того, чтобы она принесла определенные плоды, должна быть насквозь идейной, должна быть обращена не только к рассудку, но и к живой психологии и основным запросам человеческой души, к наиболее благородным стремлениям человеческого духа.

Да, теперь, именно теперь должны мы употребить все старания, чтобы вызвать к жизни тех, которые оставались до сих пор непричастными к освободительной работе, быть может, иногда по неведению, по недоумению, даже мешали ей, удерживали от нее своих близких, своих мужей и сыновей. Во имя раскрепощения женщины и во имя всеобщего раскрепощения мы должны как можно серьезнее, как можно разнообразнее вдуматься в положение миллионов трудящихся женщин, несущих на себе непомерную, надрывающую, одуряющую тяготу, должны будить их самосознание и их самодеятельность.

*1907 г., № 2.*

**Л. Гуревич**

### **Отношение к вопросу о женском избирательном праве русского общества, земств и городок**

Вопрос о всеобщем избирательном праве оформился в сознании русского общества далеко не сразу. Два года тому назад, когда оппозиционное движение открылось серией банкетов, формула всеобщего избирательного права еще не развертывалась полностью. В своем семичленном виде (всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право без различия пола, национальности и вероисповедания) она входила тогда только в программы социалистических партий. Однако и в конце 1904 года она уже попадает в резолюциях некоторых банкетов и мало-помалу становится популярной. Быстро нарастающее освободительное движение укрепляет и выдвигает повсюду идею последовательного демократизма. Раздаются голоса, сознательно требующие избирательного права для женщин, возникают бурные прения по этому вопросу. В конце марта 1905 года требование политического уравнивания женщин не без борьбы входит в платформу Союза освобождения. В апреле того же года этот вопрос вызывает страстные дебаты на учредительном съезде Союза русских писателей и журналистов и входит в платформу Союза подавляющим числом голосов.

Интеллигентско-профессиональные союзы возникают один за другим, и некоторые из них с самого начала принимают избирательное право для женщин в свою платформу (Союз врачей, Союз низшей школы). В конце апреля возникает Союз равноправия женщин. Войдя в состав организовавшегося в это время Союза союзов, он стал энергично выдвигать вопрос об избирательных правах для женщин, причем только два союза - земцев-конституционалистов и академический - не пожелали принять в свою платформу женского избирательного права. В общем же Союз союзов, в который летом 1905 года входило уже 16 союзов, числящих за собой

десятки тысяч членов, принял полную; т. е. семичленную, формулу избирательного права. Осенью 1905 года центральный комитет Союза союзов приступил к разработке законопроекта учредительного собрания на основе семичленной формулы избирательного права, каковая работа и была им исполнена.

В первой половине 1905 года идея распространения избирательного права на женщин высказывается в заявлениях некоторых городских дум, как, например, в петициях Совету министров от Ставропольской (Кавказской) Городской думы, от комиссии Тифлисской Городской думы, от Эриванской Городской думы. На общегородском съезде, который состоялся 15--16 июня в Москве и на котором присутствовало 117 представителей от 86 городов, резолюция, требующая всеобщего избирательного права без различия пола, была принята огромным большинством голосов и подписана всеми присутствующими. В таком же смысле высказывались позднее думы еще некоторых городов: Ковны, Либавы и др.

На общеземских съездах вопрос о женском избирательном праве сначала вовсе не возбуждался. Но заявления разных отделений Союза женского равноправия и других женских обществ выдвинули этот вопрос как в земских собраниях, так и на общих земских съездах. Таких коллективных женских заявлений, обращенных к общим съездам земских деятелей, было сделано с мая по октябрь 1905 года более 50'. Однако до осени 1905 года земские деятели опасались выдвинуть вопрос о немедленном распространении избирательных прав на женщин, и даже на сентябрьском съезде 78 голосами против 63 было постановлено отложить рассмотрение этого вопроса. Тогда 63 члена съезда, оставшиеся в меньшинстве, опубликовали свое мотивированное мнение по этому вопросу ("Русское слово", 1905, № 262). Вместе с тем Бюро съездов, которому поручено было, пересмотреть проект основного государственного закона, большинством, 18 голосов против 11, решило внести в проект избирательные права женщин. Но это произошло уже после последнего съезда.

Одновременно с этим проектом был составлен одним из членов Бюро обстоятельный доклад по вопросу о: женском избирательном праве, из которого мы приведем следующие характерные строки: "Съезд земских и городских деятелей неоднократно признавал, что выборы на основах всеобщего равного, прямого и закрытого голосования представляют единственную форму, способную дать истинное народное представительство. Этим постановлением съезд уже предрешил вопрос и о политических правах женщин, ибо решение его в отрицательном смысле находилось

' Несомненную роль в этом отношении сыграла и анкета участников земских съездов, разосланная Союзом равноправия женщин и содержащая в себе следующие вопросы: "Считаете ли Вы, что женщины должны пользоваться равными с мужчинами правами 1) при избрании народных представителей, 2) в органах местного самоуправления? Считаете ли Вы предоставление этих прав женщинам своевременным при созыве учредительного собрания?"

бы в полном противоречии с постановлением о всеобщем голосовании. В сущности, при таком положении лишение женщин политических прав было бы актом несправедливости, в основе которого лежал бы вековой предрассудок и грубое стремление к господству над женщиной. В данный момент, когда малейшее нарушение права, когда всякая несправедливость болезненно отзывалась в душе граждан, когда для истерзанной родины необходимо всеобщее примирение и общая дружная созидательная работа, не должно и не может быть обездоленных и несправедливо обиженных. Если в июле сего года требование о предоставлении женщинам политических прав признавалось многими способным осложнить момент учредительства, то в данное время, наоборот, лишение женщин этих прав может внести в дело значительное осложнение".

Кроме благоприятного для женщин постановления последнего земско-городского съезда, нужно отметить такие же благоприятные постановления двух областных земских съездов, к участию в которых были привлечены и лица из "третьего элемента". Так, распространение всеобщего избирательного права на женщин было признано на областном земском съезде в Твери, где вопрос был решен большинством 39 голосов против 6, и на областном земском съезде в Костроме, где присутствовали представители пяти губерний: Костромской, Вологодской, Ярославской, Олонецкой и Архангельской. Таковы же постановления отдельных земских собраний, как-то вятского, уфимского и др.

В октябре 1905 года вопрос об избирательных правах для женщин бурно дебатировался на учредительном съезде к.-д. партии и был решен в положительном смысле большинством всех против пяти, причем один из этих немногочисленных противников к концу съезда открыто перешел в ряды сторонников женского равноправия. Из уважения к видным членам партии, оставшимся в меньшинстве, съезд допустил примечание к платформе партии, которым пункт о распространении политических прав на женщин признавался необязательным для членов партии. Однако 2-й делегатский съезд к.-д. партии потребовал, как известно, исключения этого примечания.

В течение последних лет вопрос о политических правах женщин усиленно агитировался Союзом равноправия женщин и вызвал со стороны общества живые отклики.

*1907 г., № 2 август-сентябрь.*

### **От редакции**

Центральный комитет "Союза 17 октября" перед выборами в Государственную думу почтил женщин г. Москвы особым любезным воззванием. Обрисовав бедствия отечества, напомним про участь детей, которые растут в ужасной атмосфере убийств, грабежей и пожаров, он взывает к нравственному авторитету женщин: "Женщина в истории культуры человечества играла выдающуюся роль; она один из могучих двигателей цивилизации, носительница нравственных начал и примиряющий элемент в борьбе страстей. К вам поэтому, гражданки г. Москвы, обращается "Союз 17 октября" с просьбой принять энергичное участие в предстоящих выборах и решить их в пользу умеренно-прогрессивных элементов". Обладательниц ценза Союз просит передавать права голоса сторонникам этих элементов.

Мы не избалованы открытыми обращениями политических деятелей к нашим гражданским заслугам и потому порадовались за наших москвичек: все-таки приятно еще и еще раз почувствовать себя влиятельными гражданками, призываемыми к участию в выборах; такое обращение обязывает и призывающих и впредь считаться с влиянием женщин. Тем не менее, решительный тон умеренных элементов наводит на весьма грустные размышления. Но прежде внесем необходимую поправку. Утверждение, что женщина - "примиряющий элемент в борьбе страстей", далеко не основательно: и в старину древние германки славились тем, что заставляли отступающих мужей снова бросаться на врагов, и в новые времена, в момент революционных движений, страстные порывы женщин не раз сыграли решающую роль.

Несомненно, мы все жаждем исхода из бедствий народа; среди массы женщин, участвовавших в освободительном движении, особенно беспартийных элементов, большинство уже готово приветствовать успокоение страстей среди партий. Мы знаем, как бы ни были широки идеалы политических организаций, их представители, приступая к повседневной работе, к практическому проведению в жизнь своих убеждений, должны уметь сами себя ограничивать

определенными рамками, временем, пространством; без такого самоограничения, как известно, нельзя написать и репортерской заметки. Первый компромисс на пути каждого работника - это компромисс с самим собой, заключающийся в дисциплинировании собственных мыслей и сосредоточении на одной очередной задаче рабочего дня. Вырабатываясь путем такой детальной ежедневной работы, все новое, самое насущное, жизненное поневоле эволюционирует постепенно, весьма умеренным ходом, и горячие прогрессисты скорбно чувствуют, как незначительно время, отпущенное каждому для деятельной работы в земной юдоли. Потому-то так дороги нам широкие горизонты мысли, идеальные перспективы человеческого прогресса, потому-то так властно захватывают воображение масс программы радикальнейших переворотов бытия человечества; они живут и одухотворяют их неблагодарный труд, светят путеводной звездой на пути невольных уклонений и компромиссов среди насилий и борьбы.

А какие горизонты освещает нам партия умеренности и аккуратности - pardon! - прогрессивности, стремящаяся завоевать политическое преобладание? Что именно составляющие ее элементы находят нужным умерить, в чем прогрессировать? Все это до сих пор крайне неопределенно и сбивчиво и напоминает то подозрительно теплое, от чего предостерегает человечество автор апокалипсиса. Разве для полного выражения в русской жизни подобного направления недостаточно одного правительства, которое; ведь всегда считало себя умеренно-прогрессивным? Наш народ 1000 с лишком лет прожил под его эгидой и дожил до современного состояния нищеты и приниженности. Впрочем, находятся оптимисты, которые, кокетничая с вечностью, именуют его "молодой народ", "молодое общество". Может быть, умеренные и октябристы соглашаются с этим мнением: 1000 лет жили - молоды остались; зачем же спешить?

Октябристы почитают женщин "одним из могучих двигателей цивилизации". Нелишне припомнить, как умеренность властей отражалась на судьбах прогрессивных явлений в жизни русских женщин. Еще Петр I и Екатерина II энергично двигали их на путь прогресса; один избавил женщин от терема и связанного с ним домашнего деспотизма и положил начало общественной жизни России; вторая основанием первого института как бы признала обучение женщин обязанностью государства, тогда как на Западе это дело долго предоставлялось заботам семьи и церкви. И позже русское правительство заботилось о воспитании женщин: открывались институты, патриотические школы, готовили русских гувернанток. В России, можно сказать, само правительство эмансипировало девушек от власти семей. Явились, наконец, женские гимназии, послужившие в свое время образцом для французского министерства, когда оно устраивало свои женские лицеи. Но уже тогда власти поставили свои прогрессивные начинания в очень умеренные рамки: обучение отнюдь не для всех, не повсюду в стране, а для немногих. Как только в 60-х годах русские девушки приняли заметное участие в общественном движении; дальнейшее развитие женского образования было остановлено, и доступ в высшие учебные заведения был им строго заказан. Женщины с трудом вырывали разрешения на открытие курсов на частные средства, но; едва это дело стало укрепляться их трудами, всеумеряющие силы не постеснялись объявить высшее женское образование затеей развратной и крамольной и даже заговорили о возвращении девушек в семьи. Только недавно курсы начали функционировать по-прежнему, но доступ в университеты и к ученым степеням и до сих пор не обеспечен женщинам. Таковы у нас последствия сочетания умеренности с прогрессивностью: верный шаг, по-видимому, и прогрессивен, но далее страх, что общество сумеет само прогрессировать без попечительной ферулы, побуждает власть обезглавить свое начинание; а как такая ломка отражается на молодых душах, сколько отчаяния, самоубийств; психических и нервных расстройств она порождает, до этого правительству, взявшему на себя воспитание, нет дела; тут оно глухо и немо.

Да, под покровом умеренности; октябристы соблюдают в целости очень тяжелое наследие прошлого. Припомним самый текст манифеста 17 октября; при всей своей неопределенности он вовсе не так умерен, как речи октябристов; это решительное обещание правительства оторваться от прошлого; октябристы же, наглухо прикрывая его полой умеренности; искажают его смысл.

Мы работали и работаем для раскрепощения женщины среди свободного нового русского общества для достижения наших целей нам необходимо использовать все: благороднейшие лозунги освободительного движения; объединить в единое цельное прогрессивное течение работу зрелого политического радикализма с подготовлением почвы для глубоких социальных реформ.

1907 г., № 3

### **Ответ москвички "Союзу 17 октября"**

"Женщина в истории культуры человечества играла выдающуюся роль; она один из могучих двигателей цивилизации, носительница нравственных начал и примиряющий элемент в борьбе страстей".

С такими "лестными" словами обращается центральный комитет "Союза 17 октября" к "гражданкам" города Москвы "с просьбой принять самое энергичное участие в предстоящих выборах и решить их в пользу умеренно-прогрессивных элементов" (понимай: "Союза 17 октября").

Итак, в погоне за голосами "Союз 17 октября" после неудачи на выборах в две первые Государственные думы решил, наконец, снизить до игнорируемого им до сих пор женского населения, пожаловав их даже для поощрения в звание гражданок и приглашая "гражданок с цензом" передавать таковые "гражданкам без ценза", понуждая их подавать голоса за кандидатов "Союза 17 октября". Союз указывает матерям "на ужасную атмосферу убийств, грабежей и пожаров, в которой растут их дети", и, как выход, указывает на необходимость выбирать в третью Государственную думу людей, "которые поймут свои обязанности и будут упорно и неуклонно работать для умиротворения и обновления России".

Россия действительно нуждается "в обновлении"!, и только с полным ее "обновлением" настанет "умиротворение".

Но стоящие ли под флагом "Союза 17 октября" дадут "истомленной от внутренней неурядицы и истекающей кровью родине нашей" столь желанные и необходимые ей "обновление и умиротворение"? Не уподобляется ли родина наша тяжело больному, организм которого неправильно функционирует и бьется в горячечном бреду, а потому, прежде всего, нуждается в освежающей струе свежего, живительного воздуха, могущего вдохнуть в него свежие, живительные силы, с которыми и затихнут бурные пароксизмы больного организма? Может ли "Союз 17 октября" быть тем врачом, который, поставив правильный диагноз болезни, лечение свое направит на корень болезни и стойко поведет борьбу с упорно неподдающейся лечению запущенной, застарелой болезнью?

Не ошибутся ли "граждане и гражданки с цензом", если, приняв за искусного врача знахаря, вручат его подкуиваниям и нашептываниям своего дорогого больного?

Матерям излишне напоминать, в какой опасной атмосфере жили и живут за последнее время их дети. Многим из них немало пришлось пережить тревог и потрясений, а некоторым суждено

было и навсегда проститься с лучшими своими надеждами и упованиями, связанными с подрастающим поколением; но бурные увлечения, даже эксцессы, в которые так легко впадает молодежь, естественны в периоды брожения и разгара страстей в стране, и, во всяком случае; не тюрьмами, ссылками и смертными казнями мать согласится сдерживать и карать своих детей. Умиротворяющие же меры, предлагаемые "Союзом 17 октября", всем хорошо известны. Нет, если женщины действительно заслуживают почетного наименования "гражданки", которым так неожиданно перед выборами пожаловал их "Союз 17 октября", то они дадут должную оценку этим внезапным "комплиментам" и поймут, что в погоне за голосами партия эта, говоря "о выдающейся роли женщины в истории культуры человечества" и, называя ее "могучим двигателем цивилизации", "носителем нравственных начал", в то же время лишает ее политических прав, упорно отказываясь включить в свою программу: "Избирательное право - без различия пола".

Москвичка (1907г., № 3)

### От редакции

На последнем земском съезде, состоявшемся в августе этого года в Москве, рассматривался проект реформы мелкого земского управления. Несмотря на то, что совет съезда состоял главным образом из октябристов с небольшой примесью правых, в проекте намечалось дать женщинам равные права с мужчинами.

Конечно, источник великодушия этих защитников женских политических прав понятен. Весь проект местной реформы построен на узкоцензовом начале, и его составители, очевидно, исходили из Желания усилить кадры сословных выборщиков, а может быть, и опереться на женский консерватизм, о котором охотно говорят противники равноправия. Во всяком случае, в обстановке помещичьего съезда, где сколько-нибудь толковая мысль застревала в непролазной чаще предрассудков и кастовых appetitов, даже этот проблеск новшества являлся если не шагом, то легким движением вперед.

Теперь большинство заправил земского съезда, и правых, и полуправых, вошло в Государственную думу. Они являются в ней хозяевами, опираясь и на свою численность, и на общие политические условия. Оппозиция, даже если к ней причислить самых умеренных прогрессистов, имеет никак не больше трети голосов. Ее реальное бессилие; беспощаднее всего сказалось в выборе президиума, где друзьям гг. Дубровина и Пуришкевича отведено больше места, чем самим октябристам. При таком положении не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в третьей Думе интересы женского населения, т. е. интересы половины всего населения России, встретят много недругов и очень мало защитников. Ведь, все партии правее "партии народной свободы" отрицают политические права женщин, иначе говоря, отрицают равноценность ее человеческой личности. И, быть может, еще ни разу за все время сознательной жизни русской женщины ей не приходилось с такой неопровержимой наглядностью ощущать, как неразрывно связана ее судьба с судьбой русской оппозиции. Каждое поражение оппозиции наносит тяжкий удар женским интересам, зато и каждая победа приближает час женской победы.

Впрочем, сейчас не время говорить о победах. Настал час отлива, и надо иметь мужество, чтобы стойко бороться с жадной волной, готовой снести молодые, не закрепленные всходы. В такие исторические полосы оппозиция обязана проявлять не только во сто крат больше выдержки, но и больше находчивости, больше ума, чем в яркие дни триумфа. Сильному легче прощают ошибки, чем слабому.

Сейчас это относится и к оппозиции, и к женскому движению. И те, и другие вынуждены сейчас особенно взвешивать каждый свой шаг, каждое слово, каждое выступление.

Больше того, женщинам приходится искать новых людей для проявления своих стремлений и требований. Трудно сказать, какие вопросы первыми выдвинет жизнь, куда раньше всего придется направить энергию женского движения. Вероятнее всего, что Дума довольно скоро займется выработкой закона о самоуправлении, как земском, так и городском. Если судить по земскому съезду, то можно предположить, что кое-какие крохи прав женщинам будут все-таки предложены. Поэтому необходимо, чтобы женщины сами поторопились хорошенько ознакомиться с этим вопросом, чтобы они сами поняли, как повседневно и резко нарушаются женские интересы тем, что все городское и земское хозяйство ведется только мужчинами. Добиться прав в этой области - это первый шаг к раскрепощению.

Но все ли женщины отдают себе отчет в этой простой, житейской истине?

*Е.Щепкина (1907г., №4)*

### **Женский вопрос и конституционализм. Историческая справка**

Когда возник "женский вопрос", "феминизм", как говорят на Западе, вопрос об "эмансипации женщин", или, как говорят теперь в России, о "равноправии женщин"? В пору древних культов народные массы внимательно слушали поучения пророчиц и сивилл: множество жриц служили посредницами между людьми и божествами. При всей своей приниженности, отчужденности от политической жизни, безоружные среди царства грубой силы, женщины умели оказывать влияние на окружающую среду. Первобытные люди сознавали это влияние; объясняя его таинственными проявлениями воли божеств или сил природы, они; охотно наделяли женщин даром ведовства и волшебства.

С зарождением науки среди учеников древних философов, медиков и математиков появились и ученицы; древний мир знал имена ученых женщин, имевших свой круг учеников. При всем этом общее положение женщин не улучшалось; "женского вопроса" в современном смысле не существовало.

Заслуги женщин были громадны при распространении христианства с его проповедью всеобщего равенства; во время борьбы с язычеством они тысячами погибали в страшных мучениях; им воздвигали храмы, ставили иконы. Ни один верующий не позволит себе усомниться, что святые жены и великомученицы святостью вполне равны преподобным и великомученикам; но многие возмутятся, если им предложат признать такое неравенство мужской и женской личности в пределах земной жизни. Ученые монахини, писательницы средневековья и эпохи Возрождения, знаменитые профессорши итальянских университетов писали, учили и славились; однако вопрос об эмансипации женщин не возбуждался. Святые ученые, писательницы витали духом очень высоко над землей, в исключительных условиях всепоглощающей веры, талантов и знаний. У святости и таланта нет пола. Деятельность выдающихся женщин посвящалась искусствам, умственным дисциплинам, не касаясь наличных социальных отношений своего времени. Иногда кое-где вспыхивали кое-какие протесты измученных гнетущими порядками женщин; работницы среди цехов отстаивали свое право на труд; проскальзывало изредка в литературе негодование на бесправие женщин; но особого вопроса о правах женщин, женского движения, как борьбы за права, не возникало, да и не могло возникнуть при общих правовых порядках старой Европы и ее колоний. Старый закон дореволюционного времени - это указ, повеление носителя верховной власти, который считался одинаково обязательным для всего населения, или обычай, освященный религией и временем, местами считавшийся и с правами женщин. Горечь женского бесправия смягчалась множеством

разнообразных привилегий и господством незначительной части населения над массой. Народное представительство, где оно было, не имело решающего голоса. По старым обычаям право голоса принадлежало не личности, а обладателям ценза; на этом основании в старой Франции самостоятельно владевшие недвижимостью женщины участвовали в избрании представителей в провинциальные штаты; их голоса слышались даже при составлении наказов депутатам Генеральных штатов XVI века. На сельские же сходы являлись женщины и девушки всего "соседства", что всегда укрепляло силу хозяйственных актов. Даже в Англии, когда юристы XVII века признали голосование женщин не соответствующим актам парламента, владелицы местечек все еще выбирали членов палаты общин.

До конца XVIII века женский вопрос не выделялся в особую социальную проблему. Накануне Великой французской революции его выдвинул впервые Кондорсе со своими единомышленниками; они требовали распространения на женщин всех тех прав, которые современная им теория естественного права объявила неотъемлемо принадлежащими человеческой личности. Приблизительно в эту же пору, когда вырабатывались начала народного суверенитета, вспыхнул вопрос о правах женщин и в Новом Свете. Североамериканские колонии Англии восстали против своей метрополии и после долгой борьбы за свободу, в которой женщины принимали самое деятельное участие, провозгласили декларацию прав свободного народа и организовались в самостоятельную республику. Американки в лице самых энергичных представительниц напоминали, что женщины - часть народа и должны участвовать в законодательной деятельности. Их заявлений не приняли. В штатах, где по старым обычаям женщины имели голос по цензу, эти обычаи постепенно отменялись, а в новых редакциях узаконении неопределенный термин "личность" заменялся ясным "мужчина".

Во Франции в первом фазисе революционного движения под влиянием проповеди Кондорсе (его первая статья "Lettres d'un bourgeois de New-Haven..." вышла в 1787 г.) и теорий естественного права в блестящей обработке Руссо заявления женщин встречали некоторое сочувствие. В наказах депутатов Генеральных штатов 1789 года слышались требования участия женщин и избирательных собраниях. В национальное собрание женщины представили законопроект, отменявший все привилегии мужчин и устанавливавший равноправие полов.

Появление Декларации прав женщины и гражданки подогрело настроение; зародились журналы для обсуждения положения женщин, возникли женские клубы; впервые проявилось женское политическое движение. Оно тотчас отразилось в Англии и Германии, где читающая публика заинтересовалась горячими трактатами в защиту равноправия женщин и объемистыми историями женщин.

Между тем во Франции учредительное собрание проводило принцип всеобщего голосования в местном самоуправлении, отменяло старые обычаи, цеховые и прочие устаревшие учреждения, не считаясь с заявлениями женщин, и фактически устранило их от всех избирательных собраний. Новое законодательство устанавливало резкую грань между частным правом и публичным, и только первое предоставляло женщинам.

Таким образом, с развитием современного конституционализма и принципов народовластия женщины выделялись из населения в особую лишенную политических прав группу. В конституционных странах с отменой обычаев и привилегий ценза женщины отстранялись от представительства. С распространением избирательных прав на широкие круги населения политические права постепенно демократизировались в среде мужчин; среди же женщин, наоборот, устанавливалось всеуравнивающее бесправие. Принцип народного суверенитета, выросший из теорий естественного права личности, вступал в противоречие с самим собой. На

этой-то почве выделился женский вопрос, как особая социальная проблема, а с половины XIX века развивается женское политическое движение для завоевания избирательных прав.

В Северной Америке женщины начали организовываться в политические союзы во время агитации за освобождение негров. Предоставление политических прав людям "низшей расы" побудило американок с особой энергией протестовать против своего бесправия.

В Англии политическая борьба женщин началась во время подготовки демократической реформы 60-х годов, давшей избирательные права рабочим. В 1864 году талантливый поборник женских прав Д. С. Милль впервые внес в палату общин билль о равноправии полов. С 70-х годов уже кое-где проводятся реформы в пользу женщин.

Итак, в 1787 году вышел первый из трактатов Кондорсе, логически распространявший и на женщин основные положения теорий естественного права; а них ярко отразилось одно из течений политической мысли того времени, еще не широкое, правда, но зато очень глубокое, которое и положило начало выделению женского вопроса в самостоятельную проблему. В текущем году этой проблеме исполнилось 120 лет.

1907г. , № 5.

*С.А.Тюрберт*

### **Два направления в социализме и женское движение**

В числе многочисленных упреков, делаемых так называемому женскому движению в смысле агитации женщин в пользу равноправия, я хотела бы, ничуть не претендуя на исчерпывающее рассмотрение вопроса, коснуться лишь тех из них, которые исходят из уст приверженцев социалистического мировоззрения. Обрисовав, хотя бы в поверхностных чертах, два главенствующих в настоящее время направления социалистической мысли (ортодоксального марксизма и социализма критического), я желала бы определить, каково то отношение к женскому движению, к которому неминуемо обязывают эти два направления, - как теоретическое их обоснование, так и вытекающая из этого обоснования тактика. Я попытаюсь решить жгучий для нас вопрос: может ли женское движение считаться прогрессивной, хотя бы вспомогательно прогрессивной силой в глазах искреннего приверженца социалистического мировоззрения и, наконец, совместима ли деятельность социалистки с деятельностью поборницы женского равноправия?

Что такое женское движение? В чем его сущность, к какой цели оно идет и какими путями надеется этой цели достичь? Это движение *либерально* и *буржуазно* в своей основе, отвечает ортодоксальный марксист; оно лишь малый отпрыск того еще не отжившего, но отживающего течения человеческой мысли, которое ставило и ставит на своем знамени идею политической свободы, признавая в ней одновременно как средство исцеления материальных и духовных зол, так и свою высшую цель; оно черпает свои силы в ложном понимании историко-экономического развития и в неведении главнейших его факторов. В основе этого движения лежит *фактор идеологический*: идея индивидуальной свободы и уравнивания полов. Построенное на этом идеологическом фундаменте, оно считает единственной своей тактикой культурное и моральное воздействие: воспитание в своих взглядах общественного сознания и то или другое давление на действующую законодательную власть. Никакая пропаганда не может ограничивать сферу своего непосредственного влияния, поэтому это движение естественно должно стремиться к свободному и широкому захвату. Тем не менее, оно буржуазно и неминуемо остается таковым, имея лозунгом завоевание тех благ, которые выгодны, как содействующие социальному росту буржуазии, и может привлечь в свои ряды женское рабочее

население лишь постольку, поскольку, еще не просветленное ясным пониманием своих интересов, оно не примкнуло к движению всего рабочего класса в его совокупности.

Пытаясь соединить женщин самых разнообразных социальных слоев в сознании общности их бесправия, оно надеется вогнать их стремления в единое и глубокое русло и придать борьбе за равноправие ее *внепартийный* и *внеклассовый* характер. И вот здесь, в этой внепартийности в этом внеклассовом характере борьбы, как в зеркале, отражается вся ошибочность идеологических построений и обнаруживаются таящиеся в них элементы *регресса*.

Ни пропаганда и работа над общественным сознанием, ни какое бы то ни было воздействие на действующую законодательную власть ничуть не приближают к намечаемой цели.

В то время как агитация как будто шагнула вперед, как будто чего-то достигла, призвала под знамя и женщину буржуазии, и крестьянку, и работницу, заставила их подать друг другу руку для совместной работы и общей борьбы, в тот момент, когда она как будто *создала организацию*, затемнив в сознании этих разнородных социальных элементов необходимое понимание не только противоположности" но и враждебности их обоюдных интересов, *она действовала дезорганизуя*. Стоит лишь вспомнить бесконечное количество промахов европейского женского движения на этом пути: попытки создания исключительно женских, отдельно от мужских, профессиональных союзов, еще более наивные попытки образования союзов, обнимающих и предпринимателей и рабочих. Не стоит дольше останавливаться на этих примерах, чтобы прийти к тому выводу, что всякое движение, не стоящее на классовой и экономической точке зрения, а стремящееся стать *внеклассовым*, внося разложение в организацию, единственно необходимую и сильную в борьбе - в организацию классовую, тем самым действует во вред *социалистическому движению, а, следовательно, и во вред самому себе*.

Все эти промахи имеют причиной одно основное и роковое недоразумение: непонимание *главнейшей задачи мирового прогресса*, с разрешением которой, и только с ее разрешением, должны пасть оковы всякого насилия и рабства: *освобождение пролетариата от ига капитализма*. Только в этом направлении должна вестись борьба, только в этом стремлении должны напрягаться все духовные и физические силы всего рабочего класса в его совокупности, и всякое отступление от этого единственно верного пути, всякая вольная и невольная попытка затемнения классового самосознания и ослабления солидарности в рабочей среде должны считаться изменой этой великой задаче. И с этой точки зрения вполне прав социалист, говорящий работницам: "Не ходите к тем женщинам, которые зовут вас во имя буржуазного правового идеала... не следуйте за ними, они обманывают вас: у вас нет и не может быть с ними ни общего пути, ни общей цели".

Такова логика ортодоксального марксизма. Агитация в пользу женского равноправия не оправдывается с его точки зрения, как и всякая другая агитация, в основе которой лежит правовая идея, как всякое другое движение, расходящееся с ним в понимании историко-экономического развития и в оценке основных его факторов. Это пренебрежительное и подчас враждебное отношение к женскому движению вытекает из *основной его догмы и теоретических построений вполне естественно и даже логически*.

Действительно, марксизм, признавая экономику если не единственным, то всеподчиняющим двигателем человеческого развития, выдвигает классовый интерес в качестве орудия, наиболее сильного и наилучше приспособленного к борьбе; преувеличивая стихийный характер историко-экономического развития, он усматривает в нем непреложную закономерность: этот процесс неизбежно влечет человечество к обострению и росту двух социальных противоположностей - к пролетаризации, с одной стороны, и концентрации капитала, с другой.

И поскольку предвидения Маркса соответствуют действительности, поскольку они не опровергнуты ни данными науки, ни жизненным опытом, постольку верны намечаемые Марксом пути, постольку неуязвима его тактика, постольку всякая политическая агитация, выходящая за рамки экономической и классовой борьбы, подлежит осуждению, как в лучшем случае пустая, а подчас и вредоносная игра. Тем не менее, нас не пугает это признание, тем не менее, мы не складываем оружия и смело утверждаем: пускай какая бы то ни было пропаганда и организация в рамках правовой идеи не только неприемлема, но и вредоносна с точки зрения ортодоксального марксизма: ведь этим понятием в настоящее время не покрывается понятие социалистического движения вообще. Всякое движение, имеющее лозунгом правовое завоевание, не только допустимо, но и желательно в глазах другого, уже не менее первого влиятельного направления социалистической мысли - социализма критического.

Разберемся в его теоретических построениях и отметим его тактику. Не представляя себе картины историко-экономического развития в тех красках, в каких ее рисовал Маркс, признавая неточными и отвергнутыми жизнью предустановленные Марксом законы (о неизбежном росте пролетаризации, с одной стороны, и концентрации капитала, с другой), не на этих двух *необходимых условиях осуществления социалистического идеала* критический социализм основывает свои надежды и строит свою тактику. Там, где ортодоксальный марксизм усматривает только бесповоротное течение стихийного процесса, направляемого экономическим двигателем, критический социализм видит широкую арену борьбы не только всеподчиняющих экономических двигателей, но и самодовлеющих психических импульсов. Государство, право, мораль и искусство - это те могучие и независимые факторы не исключительно буржуазного, каким клеймит его ортодоксальный марксизм, а всечеловеческого прогресса. Односторонне направляемые руками немногих господствующих, они не преминут сделаться достоянием всех; завладеть рычагом этого механизма, направить его в сторону интереса широких масс - вот какова отнюдь не второстепенная, а первейшая задача всякого движения, начертавшего на своем знамени "всеобщее благо". Вот почему в противоположность ортодоксальному марксизму, призывавшему к разрушению, хотя бы и в отдаленном будущем, создавшихся путем долгого исторического процесса общественных устоев, критический социализм стремится к их *пересозданию*; орудие, которое избрал критический социализм, средство, которым он надеется достичь своей цели, - это культурно-правовая борьба, это *широкий демократизм*. Не только путем экономической борьбы, не только путем обострения классового инстинкта, не криками вражды и проповедью захвата, но путем долгой и упорной культурно-просветительной работы, путем пробуждения правосознания, путем широкого социально-экономического реформаторства будет достигнута та высокая степень гражданственности, та демократизация культуры и власти, таящая в себе залог нового творчества, которая вместе с тем явится переходной ступенью от демократии к социализму.

Поэтому всякое движение, носящее под сердцем правовой идеал, всякая организация, стремящаяся к правовому завоеванию, являясь как бы малой ячейкой широкого и всеохватывающего движения народа в победном его шествии к завоеванию культуры и власти, не только не идет с ним вразрез, но служит ему прогрессивно-вспомогательной силой.

И чем женское движение демократичнее, чем вернее и тверже оно служит попутно всемирному демократическому движению, чем больше и разнообразнее те социальные слои, которые оно охватывает, содействуя экономическому и культурному подъему масс, пробуждая в этих массах еще дремлющее правосознание, упорно пробуждая это правосознание в женском населении как наиболее темном и инертном, тем мужественнее оно работает в пользу освобождения человечества и тем вернее оно приближается ко дню своего собственного освобождения. Чем шире это движение захватывает, чем глубже оно проникает, тем большее оправдание, тем большую заслугу оно должно иметь в глазах социализма, не рабски преданного догме, не

язычески в нее верующего, но социализма во всеоружии терпимости и научно-критического анализа, социализма, верующего в творческий разум и светлое будущее демократии.

1907 г., № 5.

*А. П. Филоsofova*

### **К русскому обществу и русским женщинам!**

Тридцать лет прошло с тех лет, как небольшая группа людей, мужчин и женщин, преданных благу родины, проникнутых сознанием, что благо это находится в тесной зависимости от умственного и нравственного развития женщины - матери и воспитательницы, задалась целью прийти на помощь стремлениям к свету и знанию русской женской молодежи путем организации среднего и высшего образования.

Без средств, борясь с непониманием и равнодушием большинства, враждебностью многих, своей настойчивостью и беззаветной преданностью делу просвещения группа эта приобретала все большее сочувствие общества. Благодаря этому сочувствию, благодаря стекавшимся со всех концов России средствам мы, начав с капитала в 222 руб. 25 коп., имеем теперь Высшие женские курсы с собственным помещением, с научными кабинетами, пособиями и библиотеками, собственную обсерваторию, свои общежития, обслуживающие приезжающих со всех концов России девушек, словом, с имуществом на 1 005 100 руб. Теперь дело женского образования поставлено более или менее прочно. Теперь уж никому не приходит на ум спорить против необходимости его. Но на этом не кончается обязанность общества по отношению к женщине. Борьба перешла в новую стадию, должна принять новые формы. Нужды женщин многообразны, жизнь осложняется и призывает женщин всех слоев так или иначе к вмешательству в общественные дела. Вместе с тем выступает на арену женская масса, женщина-труженица, с ее нуждами, с ее запросами, которые должны быть высказаны и услышаны. Пресса наша, занятая общими делами, не уделяет этим запросам, этим нуждам внимания. Является необходимость иметь, по примеру западных женщин, свою прессу, свой собственный печатный орган, который и возник уже "Союз женщин" в июне текущего года. Чтобы орган этот мог существовать, чтобы его правильно поставить, нужны средства, нужна поддержка всего русского общества, и главным образом женщин. И мы, старые деятели, уверенные, что призыв наш не останется безуспешным, обращаемся вновь к обществу с просьбой оказать еще раз поддержку русской женщине. Поддержка эта может выразиться путем подписки и распространения журнала и путем создания фонда для упрочения положения нашего молодого "Союза женщин".

Пользуясь настоящим письмом, я обращаюсь к русским женщинам, деятельницам разных благотворительных и просветительных организаций, с предложением объединиться в Народный женский совет для присоединения к Международному женскому совету. Задача народных советов - объединить все женские культурные организации данной страны без различия национальности и вероисповедания, не вторгаясь вместе с тем в деятельность и внутренние распорядки каждой отдельной организации, для совместной дружной культурной работы. Состоя в течение 5 лет вице-председательницей Международного женского совета, я получаю частые напоминания, что пора бы уже и русским женщинам присоединиться к Международному женскому культурному движению. В настоящий момент остаются неприсоединенными только Китай и Россия. Неужели же русские женщины дадут китайкам опередить себя? Не хочется верить.

А. Кальманович

## Несколько слов о феминизме

Сознательно или по незнакомству с предметом противники и противницы женского освободительного движения рисуют его как борьбу, направленную против мужчин, главным образом представляют себе под женским движением нечто вроде вооруженного восстания, войну амазонок. А сторонники движения, имеющих мужество громко заявлять, что свобода женщины, как и всех граждан, всегда своевременна, что нельзя выдвигать права одной какой-нибудь части населения в ущерб другой, эти противники объявляют "чистыми феминистками", думая, что этим они что-нибудь уяснили.

Пора, наконец, понять, что женское движение направлено не на борьбу с мужчинами, а на организацию женщин, на мобилизацию целой половины инертного населения для борьбы с предрассудками, все равно, кто бы ни являлся их носителями, мужчина или женщина; на борьбу с односторонним мужским строем общества, справедливо полагая, что время париев, время работающих безгласных существ прошло и что всякий взрослый разумный человек, трудящийся на общую пользу, имеет право на участие в делах общества и государства.

Этого добиваются женщины, как в интересах их самих, так и в интересах своих сыновей и братьев, за жизнь и счастье которых они считают своей обязанностью так же бороться, как и лучшие из мужчин. И не конечную цель свою в равноправии видит женское движение. Оно ему нужно как средство проводить правду и справедливость в человеческие отношения.

Те из противников, которые не боятся женского завоевания, решают вопрос еще проще. Они ссылаются на природные обязанности женщины, забывая, что обязанности уже сами собой обуславливают и права. "Как справятся со своими общественными обязанностями женщины рожающие, кормящие, больные и т.п.?"

Удивительно, как озабочены противники женского равноправия тем, что женщины не могут воспользоваться своими правами!

Но и эти тревоги напрасны, как видно из следующего. В Северной Америке устраивался недавно новый штат Оклахома (в январе 1906 г.). В Оклахому для обсуждения конституции нового штата был приглашен мистер Альва Адаме, губернатор Колорадо, где женщины пользуются, как известно, избирательными правами с 1893 года. Вот что сказал, между прочим, г-н Адаме: "Объявленные гражданками, женщины выступали вначале очень робко. Они думали, что бог вещь какая мудрость требуется для того, чтобы быть гражданином и голосовать. Но в течение одного года они приспособились. И, *это факт неоспоримый*, нашими женщинами было куплено и прочитано в этот год книг по политической этике и парламентскому праву больше, чем их было куплено во всю предыдущую историю нашего штата. Наши женщины изучили все эти вопросы, и теперь они лучше осведомлены в политических делах, чем наши мужчины.

Женщина инстинктивно нравственнее мужчины. Она враг всего, что может загрязнить или дурно влиять на ее детей. Но каковы женщины, таковы и дети, а каковы дети, таково и общество".

В этой прекрасной речи заключается вместе с тем и ответ тем, кто боится реакционного влияния женщин вследствие их отсталости и неопытности в общественных делах. Мы видели,

как добросовестно женщины, призванные к участию в этих делах, принялись изучать их. Допустим, что вначале это бы и случилось. Но и тогда неразумно лишать женщин прав, как не разумен страус, прячущий голову под крыло ввиду опасности. Благоразумнее стать лицом к лицу с нею, чтобы ее ослабить.

Если не прямое, то косвенное влияние женщин на общественную и государственную жизнь было всегда велико. Тем более оно сказывается теперь, когда и сознание женщины возросло, да и экономические условия заставляют женщину уходить из тесного круга домашней жизни и принимать участие в борьбе за существование. Кроме того, как матери, жены и сестры, они оказывают влияние, с которым тоже нельзя не считаться.

Женщину нельзя оторвать от общей жизни: интересы ее, как и интересы мужчины; всего населения, тесно связаны с интересами общества и государства, и насильственное устранение какой-нибудь части населения от участия в общих делах мстит за себя. Вместо дружной, сознательной работы свободных граждан для общего блага действуют темные бессознательные силы. Это многим уже понятно по отношению к мужскому населению, но не применительно к женщинам. В общественное сознание до сих пор еще не проникла очевидная, азбучная истина, что каковы женщины, таковы и дети, а каковы дети, таково и общество!

1907 г., № 5.

*Е. Кускова*

### **Женщины и равноправие**

**(По поводу Первого всероссийского женского съезда)**

Женщина рождена свободной

и по праву равна мужчине.

*Олимпия де Гуж*

Все три категории женщин современного общества, девушка, жена, мать, по-разному заинтересованы в своих правах, ибо разные несут обязанности, но все они равно заинтересованы в том, чтобы на всех поприщах приложения *полноценного* женского труда общество и государство расплачивалось бы с ними и полноценной монетой *прав* - гражданский и политических. В этом вся суть женского вопроса, в этом весь смысл женской борьбы за равноправие. Отдать обществу и государству нужный и полноценный труд и получить права, которыми пользуются в данной стране труженики-мужчины, - вот ближайшая цель всякого женского движения.

При такой постановке женского вопроса обыкновенно ставится другой вопрос: да способна ли женщина дать полноценный труд и не заложены ли в ее природе такие специфические женские качества, которые ей препятствуют и будут вечно препятствовать развить свою способность, творчество, богатство разума и воли до высоты развития тех же качеств мужчиной? Старый как мир спор... В средние века на одном из соборов был поднят вопрос: человек ли женщина? Отцы собора смутились и разноголосили до тех пор, пока одним из них не был приведен следующий аргумент: Иисус Христос называется в Евангелии сыном человеческим, но на земле он был только сыном Девы Марии, женщины; следовательно, женщина - человек.

Тогда собор торжественно признал женщину человеком...

"Способна ли женщина дать полноценный труд? - спрашивают современные догматики. А неумолимая нужда и ее спутник, голод, отрывают девушку от семьи, мать - от колыбельки ребенка и толкают их на труд *вместе с* мужчиной, в пучину суровой борьбы за право труда; И в то время как в будуарах и гостиных богатых женщин идут пикантные беседы на модные темы о женщинах-зверобогатых, женщина-человек уже стоит рядом с мужчиной на постах общественного служения в качестве врача, учителя, телеграфиста, продавца, инженера, адвоката, и та же женщина-человек закаляет свои силы в смрадных помещениях фабрик, в бесчисленных мастерских, приготавливающих роскошные наряды и безделушки для женщин-зверобогатых и их поклонников - мужчин. Так отвечает социальный процесс на вопрос о равенстве женщин и мужчин в труде... Если средневековый собор на основании текста Евангелия в теории признал женщину человеком, то современные социальные условия уже на практике доказали, что женщина может быть равноценной мужчине трудовой и культурной силой.

Может, но не есть, снова ответят нам противники женского равноправия. Совершенно верно, ответим и мы. Женщина жестоко отстала от мужчины в развитии всех своих сил и всех своих способностей. Не ее природа, а ее воспитание, ее образование и, самое главное, *способ эксплуатации* ее труда затворили ее в детской и кухне и лишили ее широкого участия в иных поприщах общественного труда. Пока весь строй общества складывался так, что *труд* женщины, иногда в высшей степени интенсивный, протекал в наглухо захлопнутых "семейных очагах", до тех пор был неестественно сужен ее кругозор, неестественно бедны ее интересы.

По мере изменения внутренней жизни и хозяйства семьи, по мере все более и более широкого развития общественного воспитания детей в школах, гимназиях и детских садах, по мере развития для женщины и девушки необходимости самостоятельным заработком обеспечивать свою жизнь изменяется и ее психика, и ее кругозор. А наряду с этим изменением ее семейного, общественного и экономического положения мы уже приветствуем финляндских женщин - депутатов парламента, мы глубоко сочувствуем настойчивым и страстным английским суфражисткам, мы с радостью читаем телеграмму о том, что француженка, г-жа Жюсселен, впервые выбрана в Париже на пост судьи согласно новому закону, распространившему на женщин без ограничений все права, принадлежащие рабочим по части ремесленного суда. Только женщина-труженица, сумевшая проложить себе дорогу на всех поприщах общественного труда, имеет право требовать себе равных с мужчиной прав - и такой женщине не будет отказа! Не женщина как женщина, а женщина как равный мужчине творец материальных и духовных ценностей, нужных человечеству, прекратит борьбу двух полов и совет себе и всему человечеству венок равенства.

И в наше время, в глухое время русской реакции, когда русской женщине, занимающей столь высокое положение в своей давнишней борьбе за свое право на научный и общественный труд, читают лекции о ее преимущественном сексуализме, о ее низкой животной природе, в это время ей не мешает вспомнить завещание женщин Великой французской революции. Это завещание в виде манифеста к женщинам было написано едва ли не самой оригинальной женщиной того периода, Олимпией де Гуж. "Женщина, - говорит манифест, - рождена свободной и по праву равна мужчине. Цель каждого законодательного общественного органа заключается в охране неотчуждаемых прав обоих полов: свободы прогресса, безопасности и противодействия гнету... Но пользование правами, которые по природе вещей принадлежат женщине, до сих пор стесняется узкими рамками. Из общности мужчин и женщин состоит нация, на которой покоится государство; законодательство должно быть выражением воли этой общности. Все гражданки должны так же, как и все граждане, лично или через своих избранных представителей принимать участие в работе законодательства. Оно должно быть равным для всех. Поэтому все гражданки и все граждане должны, сообразно с их способностями, иметь одинаковый доступ ко всем общественным должностям, отличиям, профессиям; только одно

*различие их добродетелей и талантов* может служить масштабом для их выбора. Женщина имеет право идти на эшафот, она должна иметь одинаковое право идти и на трибуну. Но права женщин должны служить *на благо всем*, а не только к выгоде ее собственного пола. Женщина точно так же, как и мужчина, содействует накоплению государственного имущества, она имеет одинаковое право требовать отчета об управлении им... Пробудитесь, женщины!.. Соединитесь, противопоставьте грубой силе силу разума и справедливости. И вы скоро увидите, что мужчины перестанут лежать у ваших ног как томящиеся обожатели, а будут гордиться тем, что идут рука об руку с вами и разделяют с вами вечные права человечества".

Олимпия де Гуж умерла на эшафоте, но завещание ее выполняют женщины всех стран, борясь за одинаковый с мужчинами доступ ко всем общественным должностям, отличиям, профессиям и правам. Современная женщина в ее передовых типах гордится не количеством томящихся обожателей, лежащих у ее ног, а количеством самых разнообразных обязанностей, которые она уже способна выполнить, и количеством организованных трудящихся женщин, уже способных выставить на своем знамени общечеловеческие, а не женские идеалы. В труде и общественном служении женщина пробуждается. Пробуждаясь, становится равноправным членом общечеловеческой семьи, на протяжении веков борющейся за социальное равенство всех.

1908г., № 12.

**С. Тюрберт**

### **Идеал и политическая практика**

В своем обширном и весьма интересном докладе о женском вопросе, о женском съезде (журнал "Образ", № 1 и 2) г-жа Кускова цитировала отрывок из статьи, напечатанной в № 11 журнала "Союз женщин", с некоторыми комментариями, которые невозможно оставить без возражения ввиду важности и серьезности затрагиваемого ими вопроса; этот вопрос касается соотношения идеала и практики. На страницах журнала, специально посвященного разработке женского вопроса, мы, сверх того, не считаем возможным обойти молчанием некоторые, на наш взгляд, слишком смелые обобщения и фактические неточности, усмотренные в докладе г-жи Кусковой.

Нам представляется натянутой проводимая докладчицей классификация женского движения на два направления: одно, рассматривающее женский вопрос в перспективе социальных отношений, - направление позитивное и другое - мистическое, связывающее его разрешение с "метафизикой пола". На стороне позитивного понимания женского вопроса действительно имеется коллективное движение, стремящееся не только "Теоретически рассуждать, но и влиять на практику общественной жизни". На стороне мистического понимания стоит несколько отдельных личностей, которых можно было бы назвать полководцами без солдат, если бы только они действительно претендовали создать базирующееся на защищаемых ими философских предпосылках общественное движение.

Несомненно, обобщение г-жи Кусковой, быть может, окажется пророческим и за спиной г. Бердяева и других мистиков не замедлит вырасти воинственная рать мистически настроенных суффражисток, но, к глубокому нашему сожалению, в настоящее время о каком-либо общественном течении подобного типа говорить преждевременно.

Не менее ошибочно утверждение докладчицы, что деятельницам женского движения 1905 года и в голову не приходила мысль о созыве женского съезда. Как известно, эта мысль возникала и, выражаясь мистически, даже материализовалась в трех женских съездах: один из них состоялся в апреле, 1905 года, другой - в октябре 1905 года и третий - в мае следующего года.

Ограничиваясь этими мимолетными замечаниями по существу доклада г-жи Кусковой, поскольку они имеют целью исправление случайно вкравшихся в работу г-жи Кусковой неточностей, перейдем к основной теме нашей заметки.

"Миновало время энтузиазма и мечты, - говорит передовая статья журнала "Союз женщин", - страна вступила в период горького и мучительного разочарования; наступил момент оценки идеала под углом зрения осуществимости, момент, когда целостность теории отступает назад перед вопросами мелочной и обыденной практики".

Таковы две выхваченные из этой заметки фразы, послужившие базисом политической аргументации г-жи Кусковой.

Проводя аналогию между этой заметкой и общим характером женского съезда, г-жа Кускова выражает недоумение: разве может идеал отойти на задний план, спрашивает она, что значит рассматривать идеал под углом зрения осуществимости?

Я не сомневаюсь в том, что беспристрастному читателю вполне ясен смысл вышеприведенных слов: пути к достижению идеала, линии поведения; приближающие нас к его осуществлению, могут быть бесконечно различны, отнюдь не затрагивая самого его существа, самого содержания право-политического требования. Всякий политический идеал, несомненно, мыслится нами в качестве осуществимого, иначе это был бы не идеал, а недостигаемый фантом, бессильный побудить нас не только к подвигу" но и к самому простому действию. Но в том-то и дело, что вопрос об осуществимости идеала может в известную минуту даже не ставиться, настолько сильно убеждение в необходимости, в законосообразности его последования.

Преувеличивая свои силы, мы невольно преуменьшаем сложность задачи.

Недалеко то время, когда догматическому, почти религиозному отношению к идеалу соответствовало догматическое, до крайности нетерпимое отношение к выбору путей, к фиксации практических средств.

Рассматривать идеал под углом зрения осуществимости - значит отдавать себе отчет во всем разнообразии и быстро и медленно действующих практических средств, объективно и беспристрастно оценивать свои силы, продуманно и разносторонне намечать не только прямые, но и косвенные, обходные пути.

Если бы почтенная докладчица не ограничилась цитированием отрывочной фразы, служащей переходным моментом или иллюстрацией главнейшей мысли, а привела бы именно эту главную мысль, вряд ли между нами и ею могло возникнуть какое-либо разногласие. Переживаемый нами момент, говорим мы, есть или, может быть, следовало сказать, должен быть моментом самокритики, моментом холодного подведения итогов, и именно в этом культурная задача и ценность переживаемой нами эпохи.

Кстати говоря, с первых строк своего доклада г-жа Кускова сообщает нам свои впечатления о современном моменте. Она говорит: "Когда засыпает воля к движению, к действию, наступает момент созерцательности и вяло-ленивых исканий". (К находкам этих вяло-ленивых исканий г-жа Кускова, между прочим, относит и "модный" женский вопрос.) "Жаль, что эти искания вяло-ленивы, - хочется нам на это сказать, - и дай Бог, чтобы они стали серьезно-проникновенными". Да, смеем мы повторить, в этом едва окрепшем в нас критическом начале, чуждом недавнему прошлому, лежит глубокое различие современных общественных склонностей от настроений недавнего прошлого. Практика жизни, ее неумолимые и жестокие уроки, будничная и мелочная действительность, столь презиравшая г-жой Кусковой, учат нас и, к счастью, уже многому

научили: они научили нас более вдумчивому, более осмысленному отношению к общественному идеалу. Три года тому назад этот идеал выступал в нашем воображении в качестве подлежащего ближайшему осуществлению, в качестве суверенного и все вытесняющего требования нашего сознания. Ослепленные его блеском, наши едва прозревшие к политическому пониманию, наши младенческие глаза еще не ощущали перспективы, еще не замечали переходных ступеней, отделяющих нас от основной цели, не подозревали тех скрытых порогов, о которые разбиваются самые лучшие порывы и самые чистые мечты... Идеал выступал перед нами как бы отрешенный от грязи житейской действительности, во всей своей ослепительной красоте и цельности. "Все или ничего" - таков лозунг революционного сознания, не терпящего ни половинчатости, ни критики, ни презренной расчетливости. Излишне приводить примеры... Кому из нас, свидетелей освободительной борьбы, они не памяты?

Общественное сознание революционных эпох всегда воспринимает идеал скорее эмоциональными силами своей духовности, чем интеллектуальными, скорее интуитивно, чем логически последовательно. И именно в этой возбужденной эмоциональности, в этом всепоглощающем и не знающем рассудочной примеси увлечении, в этом избытке идеализма над практической расчетливостью таится вся сила, вся подчас непобедимая мощь революционного сознания и действия; в предначертанный исторической судьбой момент революционное настроение призвано совершить и совершает свою великую миссию. Но времена меняются; жизнь неуклонно идет вперед, и на смену одной двигательной силе человеческого духа приходит сила иная. Эти двигательные силы, присущие человеку, неисчерпаемы в своем разнообразии, приспособляемости и гибкости; было бы странно и нелепо желать, чтобы отдельный индивид, а тем более великое национальное целое окаменевали в одних и тех же общественных настроениях и чувствах. Время идет вперед, жизнеспособная нация воспринимает его уроки. На смену революционному идеализму приходит реалистический идеализм.

То, что вчера составляло самый дух нации, всеобъемлющее и потенциальное начало, при попытке его искусственного возрождения становится жалким и никуда не годным перепевом. Сменяющие друг друга общественные настроения не имеют в себе ничего неизменного и абсолютно ценного, каждому из них принадлежит и своеобразная и самостоятельная роль...

Но что такое реалистический идеализм, спросите вы меня, куда девался политический идеал или в этом новом общественном течении ему уже нет места?

То, что переживалось нами вчера как непосредственно подлежащее осуществлению требование, переживается нами сегодня как *идеальная директива*; то, что воспринималось вчера скорее чувством, чем сознанием, воспринимается сегодня в совокупности окружающей обстановки и политических сочетаний. Идеал не умалился в наших глазах с того момента, когда мы осмыслили его во всей полноте в условиях пространства и времени. "Как может идеал отступать на задний план?" - замечает докладчица. После всего сказанного ответ напрашивается сам собой; с того момента, когда мы поняли, что нет тех сил, нет тех условий, которые могут привести к непосредственному его осуществлению, идеал не перестает жить в нашем сознании как цель наших стремлений, как идеальная директива; но именно для того, чтобы эта святыня была поставлена на твердый пьедестал, чтобы идеал не выступал в недостойной роли благого пожелания, не окутывался в покрове пошлого сентиментализма, весь центр тяжести нашего внимания, вся сила нашего духа и ума должны быть направлены в сторону его реального обоснования. Создание этих условий, организация тех сил, которые призваны служить осуществлению главной цели, - эта тяжелая и мелочная работа может идти успешно только тогда, когда мы сознаем всю важность, всю необходимость предпринимаемого нами дела, когда связанные с этим делом обязанности переживаются, как своего рода самоцель.

Эти обязанности лежат не между небом и землей, не в области идеалистических излияний, не в области жалких попыток оживления изжитых мотивов, а в самых низинах "будничной и мелочной жизни".

Продуманное отношение к идеалу обязывает... Напрасно докладчица с таким презрением подчеркивает слова "мелочная, будничная" практика. Ведь дело, истинно великое дело, делается не в праздники, а в будни... Революционный момент - это великое празднество в народной жизни, момент не столько творчества, сколько обнаружения народных сил, день за днем скапливавшихся тяжелым трудом предшествовавших десятилетий.

В массовом подъеме чувств, в избытке альтруистического забвения, в великом, объединяющем все национальное целое порыве к солидарности и братству - во всем этом так много трагически праздничного...

Когда миновало мгновение всплеска народных сил, минута их яркого и действенного изъявления, наступает длительный период их нового подбора и накопления.

Революционный момент - это мировой смотр национальным силам; обнаруживая все величие национальной сущности, он раскрывает и ее слабости; не обязаны ли мы без промедления воспользоваться открытой перед нами расчетной книгой и беспристрастно подвести баланс? - поневоле возникает вопрос. И если даже возможно признать, что в минуты разгара борьбы холодная критика пассивного свидетеля свершающихся событий не служит на пользу общественного действия, то иное дело последующий период, когда революционное возбуждение исчерпало себя, когда рассеялся гипноз, оттеснявший на самое дно нашей души все иные многосложные требования нашей духовности, когда властно заговорили в нас и умственные, и этические, и художественные запросы...

За последнее время и в печати и в общественных кругах замечается какая-то растущая неудовлетворенность, какая-то заметная склонность к самокритике, мы бы даже сказали, к самобичеванию. Слово *деморализация* пестрит на страницах журналов и газет, Сетования о неуважении к человеческой личности становятся излюбленной темой газетных статей. Мы не думаем, чтобы эти весьма, на наш взгляд, положительные настроения имели под собой реальную почву; толкуя о деморализации, как бы предполагаешь иную эпоху, эпоху, когда мы были моральнее и лучше. Но действительно ли это так? Действительно ли человеческая личность ценилась выше во времена Плеве и под покровом молчаливой примиренности таилось больше самоуважения, больше достоинства, чем теперь? Я полагаю, что громадный прогресс самосознания и колоссальный рост массового гражданского достоинства за последние несколько лет не подлежат никакому сомнению.

Зато эти общественные сетования имеют, на мой взгляд, еще иной, весьма знаменательный смысл: они указывают на то, что мы стали более чуткими, более строгими к самим себе, что расчетная книга, открытая перед нами перетерпленным испытанием, обнаружила перед нами наряду с нашим духовным активом и наш духовный пассив...

В те дни, когда вопросы этики и вопросы социального воспитания обретают особенную остроту, как это ни странно звучит, я усматриваю весьма утешительное влияние в том, что на сцену русской жизни выплыл так называемый женский вопрос.

Где та женщина, чуткая нравственно и умственно возвышенная, которая так нужна России - для дела ее культурного прогресса? Ведь по самой своей природе, по самому предназначению ей судьбой призванию женщине надлежит служить не столько творческой силой, сколько проводником культуры и всякого рода идеалов. Взамен аккуратного выписывания женских

изобретений, приводимых книжкой Бебеля, покажите разливанное море женской глупости и тысячи образцов ее низменности и лживости, и вы приведете наилучшее доказательство всей важности, всей универсальности женского вопроса.

В связи с данной мной характеристикой современного момента я должна заметить, что одно из доказательств достаточно серьезного понимания задач переживаемого времени - это умение беспристрастно и справедливо оценивать всякое небольшое дело, всякую скромную попытку содействия общественному перевоспитанию.

Что такое, между прочим, пресловутый женский съезд, как не стремление вызвать к жизни самые мертвенные и неподвижные элементы русского общества, пробудить в женщине сознание ее общественных обязанностей и заставить заговорить ее волю? Но, может быть, женский съезд совсем не оправдал возложенных на него в этом смысле надежд? Может быть, с другой стороны, так же справедливо, как и нас, его можно упрекнуть в отсутствии идеализма? Казалось бы, дело действительно обстоит именно так, но некоторые противоречия, вкравшиеся в весьма интересный доклад г-жи Кусковой, обнадеживают нас в том смысле, что она лично уже не настолько пессимистически смотрит на результат его работы. Чем, если не противоречивой двойственностью впечатления, можно объяснить себе следующие два места в ее докладе: передавая свои впечатления о женском съезде, г-жа Кускова говорит, что его большинство не придерживалось никакой определенной идеи, что трудно было уловить в речах представительниц этого большинства какую-либо иную мысль, кроме разве только: мы женщины - женщины... Зато в другом месте г-жа Кускова снисходит до признания, что кое-какие мысли ему, очевидно, были свойственны; не без некоторого огорчения, которому мы не можем не посочувствовать, после всех данных нами объяснений в особенности, она сознается, что женский съезд обнаружил, пожалуй, даже слишком много идеализма, чересчур часто возносился на облака, ратуя за бесплатное наделение землей всех трудящихся и т. д., и, наконец, несомненно, высказал свою солидарность с настроением страны в протесте против смертной казни...

Любопытное дело! Либо господствующее на женском съезде настроение ничего не имело общего с настроением страны, либо, может быть, докладчица полагает, что все помыслы русского общества сосредоточены вокруг трогательного до слез утверждения: мы, мужчины и женщины, не что иное, как мужчины и женщины...

Мы далеки от идеализации современности, но и далеки от пессимизма докладчицы. Если только позволительны столь смелые обобщения, если только настроения тысячной разношерстной толпы действительно можно свести к двум словам, то мы сказали бы, что эти два слова несколько разнятся от тех, которые приводит докладчица, и самый факт созыва женского съезда, самый факт коллективной работы женщин над выяснением своих правовых требований и социальных нужд свидетельствует о чем-то ином.

В лексиконе тех требований, которые пробудившееся к политическому самосознанию общество предъявляет отживающему правопорядку, имеется некое словосочетание, синтаксически бедное, состоящее всего из двух слов, но бесконечно богатое по своему внутреннему содержанию. Эти два слова, столь простые, столь не требующие доказательств в иной стране и в иной стадии государственного развития, обретают особенный смысл, особенное значение у нас в России: далеко не воплощенные в конкретную величину, еще ждущие себе официального признания, они требуют непрестанного напоминания, словесного и действенного утверждения. Эти два слова, под которыми впервые коллективно подписались женщины, - *"мы граждане"*.

## **Российская лига равноправия женщин.**

### **Речь, прочитанная на общем собрании Российской лиги**

**равноправия женщин 25 января 1909 года**

**председательницей лиги М.А. Чеховой**

Первый Всероссийский женский съезд выдвинул на очередь вопрос об организации женщин, которая могла бы распространить свою деятельность на всю Россию и в которой могли бы соединиться женщины, желающие послужить делу борьбы за свое равноправие.

Западноевропейская практика выработала уже две формы такого объединения: национальные женские советы и союзы избирательных прав женщин. Первые объединяют культурную работу женщин на поприщах просвещения, благотворительности и взаимопомощи; вторые, чисто политические организации, объединяют женщин, борющихся за свои политические права. Обе названные организации отнюдь не исключают друг друга и должны по своим задачам служить дополнением одна другой. Так смотрят на них руководительницы женским движением на Западе, и этот взгляд обеспечивает обеим организациям и правильное развитие, и плодотворное сотрудничество на том поприще, на котором еще так много дела и так мало делателей.

Отдельным деятельницам предоставляется полная возможность работать в обеих организациях; каждая женщина как культурная работница может быть членом женского благотворительного, просветительного или какого-нибудь иного общества и принимать участие в качестве его представительницы в национальном женском совете и в то же время работать, в качестве политического деятеля, в союзе избирательных прав женщин.

Потребность в образовании всероссийской женской организации чувствовалась уже давно. Первой возникла мысль об организации в России национального женского совета. Эта мысль принадлежала А. П. Философовой, уже более десяти лет состоящей членом международного женского совета, и идея эта разрабатывалась и проводилась Русским женским взаимно-благотворительным обществом. Идея создания всероссийского политического союза принадлежала более молодому Союзу равноправия женщин и получила только временно осуществление в период, когда возможно было существование профессионально-политических союзов.

Изменившиеся условия современной русской жизни вызвали появление тех же вопросов, но уже в иной, видоизмененной, соответственно требованиям времени, форме. В программу первого Всероссийского женского съезда вошло обсуждение вопроса об учреждении национального совета. Доклад об этом совете А. П. Философовой был принят с большим сочувствием; приведение в исполнение этого начинания, само собой разумеется, принимает на себя создавшая съезд комиссия избирательных прав при Русском женском взаимно-благотворительном обществе.

Несомненно, общество не замедлит приступить в непродолжительном времени к следующим необходимым шагам для осуществления национального совета, войдет в сношение с существующими женскими обществами и возбудит перед соответствующими учреждениями ходатайство о разрешении самого совета.

Одновременно на том же съезде среди его членов возникла мысль о создании такого учреждения, которое, не отвлекаясь просветительными, благотворительными или иными целями, поставило бы своей главной задачей борьбу за политические права женщин в России и объединило бы в одну организацию женщин, желающих принять участие в этой борьбе. Тогда же было указано, что весьма удобной формой для такого объединения может служить

разрешенная уже около года тому назад "Российская лира равноправия женщин". Многие провинциальные делегаты пожелали вступить в члены лиги и просили дать им указания, как открывать местные ее отделения.

Правление лиги немедленно приступило к выполнению этой задачи. Прежде всего, оно остановилось на выяснении ближайших задач лиги и желательной, при современных условиях, ее организации.

Задачи лиги как организации были определены следующим образом:

- 1) подготовка женщин к борьбе за свое равноправие;
- 2) распространение идеи равноправия женщины в обществе;
- 3) подготовка мер к улучшению правового и политического положения женщин, т. е; собирание необходимых для этого сведений и материалов и выработка самих законопроектов или проектов ходатайств перед общественными и правительственными учреждениями и, наконец,
- 4) проведение в жизнь законопроектов и постановлений, имеющих целью улучшение положения женщин.

Выполнение этих задач должно быть распределено между центральными органами лиги, ее специальными отделами, провинциальными отделениями и отдельными членами.

*Организация лиги, согласно ее уставу, следующая.*

*Делами лиги заведует совет из 12 членов, избираемый общим собранием на три года. Члены совета избирают из своей среды председательницу и других должностных лиц. Вся административная и денежная ответственность лиги и ее отделов в Петербурге лежит на совете. Общие собрания созываются не менее; четырех раз в году (в октябре, декабре, феврале и апреле). Для осуществления своих задач лига может открывать в Петербурге районные отделы, приурочивая их к существующим городским выборным участкам, и специальные отделы для разработки и проведения в жизнь отдельных вопросов или мероприятий, в какой-нибудь отдельной области (например, отдел борьбы с проституцией, исследования экономического положения женщины, исследования ее гражданского положения и т. д.).*

*Особенно важным является право, предоставленное лиге параграфом 4 устава, который гласит: "С целью более широкого распространения идей лиги и для большей стройности ее внутренней организации учреждаются в Петербурге порайонные отделы, а в Москве и провинции отделения, по образцу центральной организации, с такими разветвлениями, какие укажут местные потребности". Параграф 13 говорит, что "административная и денежная ответственность в Москве и провинциальных отделах лежит на совете каждого отдела". Эти параграфы придают лиге характер пока единственной всероссийской организации, основанной на началах широкой автономии и местных отделений.*

*Для развития дальнейшей организации советом лиги намечены следующие местные и центральные органы лиги:*

*1. Представительницы лиги. В целях осведомления лиги о положении женщин и женского вопроса во всех местностях России и возможно широкого распространения сведений о ней*

*желательно иметь по возможности во всех городах представительниц лиги равноправия. Такие лица могут взять на себя следующие обязанности:*

*1) иметь у себя уставную и иную литературу лиги; список книг по женскому вопросу; организовывать продажу или пользование важнейшими из них для лиц, интересующихся этим вопросом; 2) следить за положением женского образования, женской профессиональной деятельности и положением женщин-работниц в данном городе (или уезде); 3) выяснять отношения к женскому вопросу местного населения и местных общественных деятелей; 4) периодически сообщать совету лиги результаты своих наблюдений и отвечать на его запросы и анкеты; наконец, 5) стремиться к созданию в данном городе или уезде отделения лиги путем привлечения членов.*

*2. Местные отделения. Там, где насчитывается более значительное число членов и где они считают для себя возможным официальное выступление от имени лиги, они могут организовать отделение лиги. Для этого они должны подать в совет лиги официальное заявление о своем желании открыть такое отделение. Совет дает указания о порядке дальнейшего направления этого дела и сам возбуждает ходатайство о регистрации отделения. В задачу отделения входят все намеченные выше задачи, но уже в гораздо более расширенном виде. Отделение может организовать по примеру центрального отделения лиги специальные отделы для разработки вопросов и осуществления отдельных ее задач. Каждое отделение само вырабатывает для себя программу своей деятельности на предстоящий год и во внутренней своей организации пользуется полной автономией.*

*Лига как широкая организация должна опираться на большое число членов; для плодотворной и широкой деятельности должна располагать крупными средствами. (Английский союз избирательных прав женщин израсходовал в 1907 году около 80 000 руб.) Поэтому каждая женщина, сочувствующая борьбе за равноправие и задачам лиги, должна вступить в число членов лиги, хотя бы она и не имела возможности принимать активное участие в ее делах. Ее рублевый взнос и имя в списках членов лиги уже гораздо больше, чем платоническое сочувствие идее равноправия женщин. Если только одна женщина из тысячи примкнет к лиге, то она будет иметь 75 000 членов, т. е. будет сильна и богата и людьми и средствами. Нельзя говорить: "Зачем мне вступать в лигу, когда я не могу участвовать в ее работах". Это можно говорить про всякое другое общество, но этого нельзя говорить ни о политических партиях, ни о широких политических организациях вроде лиги равноправия женщин.*

*Итак, первая, общая для всех членов лиги обязанность - аккуратно делать свой взнос и считать себя членом лиги, открыто и везде это признавая. Те же из членов лиги, которые пожелают принять в ее деятельности более близкое участие, всегда найдут себе подходящее дело и сотрудников. Для этого им нужно вступить в один из отделов лиги или в одну из организованных при ней комиссий. Наконец, всякий желающий может наметить для себя новые пути для достижения поставленных лигой целей, подыскивать сочувствующих лиц и входить в собрания лиги с предложениями о расширении деятельности и учреждении новых отделов.*

*Совету лиги предстоит выработать программу ее деятельности в ближайшее время. Программа эта отчасти уже намечается, и для осуществления ее пока решено организовать следующие отделы: 1) юридический, 2) лекционный, 3) по женскому образованию и 4) по изысканию средств.*

*В области политики и добывания политических прав везде и всегда справедливы слова "в единении сила". Чтобы стать действительной силой, женщины должны объединяться для борьбы за достижение политических прав и гражданского равноправия, Это первая очередная*

и, следовательно, ближайшая задача их движения. Это объединение должно вооружить женщин необходимыми знаниями, и не менее важным опытом общественно-политической деятельности. Лига равноправия женщин и призывает их к этому объединению.

1909 г., № 2

Е. Щепкина

### **Апология "буржуазок" в книге г-жи Коллонтай**

#### **"Социальные основы женского вопроса"**

Разработка социальных вопросов имеет у нас свои особенности. На дальнем западе Европы социалистические учения имели вполне подготовленную почву, проникали в сознание граждан, воспитанных в атмосфере политической свободы. Наших соседей-немцев эти учения застали очень мало подготовленными, едва начавшими приспосабливаться к конституционному строю, а потому немецкий социализм, при его огромном влиянии на науку и культуру, не слился еще в одно целое с политической жизнью страны.

В Россию социалистические учения проникли гораздо раньше первых проблесков политической свободы; они захватили умы совершенно неискушенными в политической борьбе и воцарялись в них как чистые, святые идеи; они сразу получили сильное просветительное влияние среди интеллигентных кружков, а позже сделались орудием политической пропаганды.

Интеллигентной молодежи был необходим идеал, на служение которому отдавались бы силы, свобода, жизнь. Политические выступления были еще не по плечу, но социалистическая пропаганда, будившая темную массу, давала нравственное удовлетворение. Многовековая отчужденность нашего народа от культурной жизни сделала его очень неподвижным и неподатливым; расшевелить его дремлющее сознание может только нечто, цепко захватывающее самые больные места его обихода, - право на землю, понятие о собственности, гнет множества обидчиков, а таковы были картины будущего переустройства общества. Морально-воспитательная сила социализма у нас могуча; но творчество в социальной науке довольно слабо, а литература бедна, несмотря на периоды увлечений социалистическими учениями. Вероятно, тут сказывается и влияние несчастной привычки слишком часто обращать их в орудие агитационной и просветительной работы; отсюда увлекательная легкость сердца, с которой нередко принимаются за исследование весьма сложных социальных вопросов. К разряду таких исследований относится и лежащая перед нами книга г-жи Коллонтай.

Судя по введению, можно подумать, что искание социальных основ женского вопроса понадобилось автору только для того, чтобы оградить работниц-пролетарок от увлечения женским съездом, устраиваемым буржуазками. Самая обширная глава книги посвящена деятельности "буржуазных" феминисток и их борьбе за политические права; а самая короткая - борьбе за экономическую независимость женщин. Для популярной работы автор дает немало указаний на литературу, но какую? Из 48 ссылок на издания социал-демократического оттенка львиная доля достается труду Лили Браун и тоненькой брошюрке Бюхера. Бебель и Каутский не в фаворе (и понятно-они отказываются уместить женский вопрос в рамки классовой борьбы); на литературу общесоциологическую и общэкономическую, с весьма малой примесью ученых исследований, приходится 39 указаний. Рядом с этими 87 указаниями имеем 144 ссылки на литературу специально по женскому вопросу и так называемую феминистическую; среди них журналу "Союз женщин" отведено почетное место; а из двух брошюр издания Союза равноправия женщин - "Протоколы и отчеты" и "Женское

движение 1905 г." - г-жа Коллонтай извлекла такую массу данных для исследования социальных основ, каких издатели в них и не подозревали.

Конечно, "феминистическая" литература нужна для полемических целей, чтобы убедить читателя в непригодности феминистических союзов и лиг для пролетарок, которые сами самостоятельно идут впереди женского движения; все эти организации преследуют узкоженские цели в духе классовых интересов буржуазии. Увлекаясь полемикой, г-жа Коллонтай забывает обещание - выяснить нам социальные основы занимающего ее вопроса - силится смирить буржуазок перед мощью женского пролетарского движения; что получается в итоге, увидим из сравнения совокупности данных, которыми автор характеризует то и другое течение.

С древнейших времен женщины несли огромный труд. В средние века замечался значительный численный перевес женского населения над мужским, особенно в городах; женщины мучительно добивались работы; боролись с цехами, с большим трудом проникая в них. Среди этих условий развивалась колоссальная проституция. Но в старину труд не возвышал, а скорее принижал женщину, замыкая ее в затхлую атмосферу домашнего уклада. Только с ростом капиталистического хозяйства, когда предприниматели вербуют женщин и детей для работы при машинах, женщины-пролетарки выходят на широкую социальную арену; благодаря этому они сыграли огромную роль во французской революции: безработные врывались в Национальное собрание, требуя работы и пропитания. В Гренобле мелкая буржуазия, торговки (?); поддерживаемые крестьянками, побуждали мужчин отстаивать права народа.

Эксплуатируя силы массы женщин и детей, капиталисты создали невыносимое положение трудящихся, опасное для потомства. Это вызвало вмешательство государства в отношения хозяев и тружеников; таким образом, бедствия женщин ускорили разработку законодательства о рабочих; Кроме работ на фабрике и в мастерских, занятые дома семьей и хозяйством, работницы не имеют времени обсуждать свое положение, и тактику рабочих групп, поэтому им часто не хватает сознательности и личной инициативы; их трудно привлекать в профессиональные союзы.

Возникает своего рода заколдованный круг, признается г-жа Коллонтай: только сознательная работа пролетарок возвышает их и улучшает их положение, а для развития сознательности нужно улучшение положения.

И все-таки, несмотря на это, она утверждает, что именно пролетарки, работающие в рядах мужчин" двинули вперед женский вопрос. Феминистки начали свою агитацию гораздо позже, только с половины XIX века.

Впрочем, оговорка не заставляет себя ждать: "Правда, и прежде (т. е. раньше указанной эпохи) требование равноправности женщин выдвигалось как один из неотъемлемых признаков демократии", - признается автор. Вспоминает она подвиги американок в борьбе за освобождение родины и их требования политических прав; деятельность французских мыслителей, открывших вольный университет для женщин, формулы равноправия полов Кондорсе. Олимпию де Гуж и других защитниц декларации прав женщины и гражданки г-жа Коллонтай признает "светлыми, обаятельными, героическими женскими образами"; они дали первые лозунги женскому движению. С 30-х годов XIX века (время укрепления в Европе конституционных форм и демократизации избирательных прав) выдающиеся интеллигентные представительницы третьего сословия добиваются расширения прав на образование и служебную деятельность. Затем оформляется политическая агитация; возникают женские лиги, союзы, собираются конгрессы. Автор указывает на характер и успехи женского движения в разных странах. Всюду, кроме Германии, автор вынужден отметить, что

социалисты и рабочие группы, так или иначе, поддерживают политические выступления феминисток. В республиках (Северной Америке и Франции) различие между феминистическим и пролетарским движением оказывается "еще тоньше, неуловимее". Казалось бы, что самую благодарную почву для исследования социальных основ женского вопроса представляют Австро-Венгрия, где 52% самостоятельно трудящихся женщин, и Италия с 40%; но г-жа Коллонтай почти ничего не говорит об этих странах.

Что касается России, то еще с 60-х годов здесь вырабатывался тип самостоятельной русской интеллигентки, жаждущей свободы и полного развития личности. "Смело ополчаясь на лицемерие двойной морали, бесстрашно вступают они в бой со злобно ощетиившимся и ядовито шипящим сонмищем буржуазных филистеров", - пишет автор. Русские интеллигентки борются с близкими сердцу, с устарелой, мертвящей обстановкой семейного быта.

Так же смело идут они на борьбу с устарелым политическим и социальным строем. "С чем может сравниться привлекательный по своей внутренней красоте образ женщины, кающейся дворянки 70-х годов, которая отказывается от всех привилегий, чтобы слиться с народом?" Это ли не панегирик подвигам русской интеллигенции, даже дворянской, не только что буржуазно-демократической?

В последнее время с ростом революционной волны возник Союз равноправности женщин, объединивший социально мыслящих интеллигенток с более правыми элементами. Эта сильная и серьезная организация сыграла главную роль в широком движении 1905 года, когда не осталось, кажется, уголка в России, где бы так или иначе не раздавался голос женщины, напоминавшей о себе, требовавшей себе гражданских прав. Но в начале 1906 года союз уже расслоился: левые социалистические элементы занялись агитацией среди работниц; центр и правые вели энергичную агитацию в первой Государственной думе, в группе к.-д. партии. (Тут г-жа Коллонтай почему-то забывает отметить агитацию союза среди членов трудовой группы, стойких защитников прав женщин во время майских дебатов.)

Теперь члены союза сильно поправились, довольствуются мирной пропагандой, готовят женский съезд с очень широкой программой, за которую их нельзя не благодарить.

Таковы факты, приводимые г-жой Коллонтай в подтверждение ее мнения, что главная роль в женском движении принадлежит пролетаркам. Подбор их, очевидно, неудачен; они говорят читателю совсем не то, что хотел сказать автор. Бедствия пролетарок, подчеркнутая автором стихийность этих бедствий, связанных с физическими свойствами женщин, - они только оправдывают многие тенденции феминисток и объясняют причины, почему социалисты так часто поддерживают их политическую агитацию: феминистки сознательно пробивают пути к улучшению положения женщин. Стремление автора доказать незначительность результатов, даже безрезультатность буржуазного женского движения, пользуясь его же литературой, оказалось рискованной задачей.

Левых, социально мыслящих феминисток г-жа Коллонтай обвиняет в двойственности их тенденции и строго спрашивает: "Программа рабочей партии содержит все, к чему вы стремитесь; если вы не играете двойной игры, если вы искренни, то примкните к ней". Попробуем в ответе автору выяснить истинную суть двойственности левых феминисток.

Чернышевский высказал где-то очень остроумную мысль: "Люди трудятся и наслаждаются элементарными благами жизни приблизительно одинаково (он не касается обстановки); но они сильно различаются между собой употреблением своего свободного времени".

*Действительно, в умении использовать свое свободное время сказывается личная инициатива человека, его индивидуальность.*

*Обязательная, необходимая работа обыкновенно навязывается ему судьбой, глухо равнодушной к его наклонностям; а свободное время - важнейшая, самая ранняя и самая неотъемлемая личная собственность человека - и умение пользоваться им дают огромные преимущества. Они дают возможность личности развивать свои способности, усовершенствовать труд, расширять кругозор мысли и общественные отношения. Развитая трудящаяся личность создает себе полную двойную жизнь - одну общую со своими близкими, родовую, и другую - видовую, индивидуальную. Обе стороны жизни присущи человечеству, и нельзя заставлять людей поглощаться одной родовой жизнью - право сильного индивида всегда проявится.*

*Все ценят могущество и величие непрерывной в тысячелетиях жизни масс, целых народностей, с постоянной сменой поколений, хранящих залог вечного прогресса, бессмертия вечных истин. Но каждой крошечной человеческой единице суждено провести на земле несколько кратких дней, дней всегда единственных в своем роде; эти дни никогда более не повторятся и принадлежат исключительно переживающему их, их господину и творцу; а потому желание использовать по-своему эти краткие моменты присуще человеку. Конечно, среди общей жизни масс люди испытывают нивелирующую силу общей культуры; но эти же блага культуры помогают и росту личностей, отпуская все больше и больше времени для личной жизни.*

*Ценность личности повышается параллельно с сознательными выступлениями рабочих масс и сплоченных партий на политическую арену. Индивидуализм вовсе не стоит в противоречии с социализмом; они образуют два пути развития, одинаково присущие роду человеческому; не сливаясь воедино, оба рядом делают свое дело.*

*Вот два пути, по которым идут и женщины вместе со всем человечеством. Одни, немногочисленное меньшинство, благодаря личной трудоспособности, счастливым условиям обстановки приобрели умение пользоваться свободным временем, подготовились к интеллигентному труду, иногда даже умеют налагать на него печать своей индивидуальности; они рано научились совмещать коллективную общественную деятельность с собственным специальным трудом. Это те женщины, которых 2-жа Коллонтай касается вскользь, не договаривая, те социально мыслящие индивидуальности, которые она то смешивает в общий круг феминисток, то как будто выделяет, обвиняя в двойственности направления, т. е. именно в той сложной деятельности, что заставляет ее же, 2-жу Коллонтай, признать их самыми серьезными представительницами женского движения.*

*Новые формы народного представительства, развиваясь к половине XIX века, разбудили личность, подняли уровень развития и значение средних людей, особенно нужных демократии, и в частности женщин, а интеллигентные женщины - довольно типичные средние люди. Вот ответ на странное недоумение 2-жи Кусковой, почему именно теперь в России ей пришлось заговорить о женском вопросе, почему женский вопрос так обострился в XIX веке. Да потому, конечно, что усложняющийся строй демократии призвал на службу себе массу новых лиц, в том числе и женщин, а ряды новых деятельных гражданок вызывают потребность в обновлении законодательства.*

*Никто не спорит с 2-жой Коллонтай, что женское движение совершается двумя течениями, но их нельзя объяснять одной классовой рознью, здесь сказываются две стороны жизни человека, коллективная и индивидуальная, которыми он будет жить, пока существует человечество. Где люди рано осознали двойную жизнь личности, в землях англосаксов,*

*например, там представители разных классов легко объединяются для политических выступлений. В странах, еще лишенных политической свободы, людям свойственно подозрительно и враждебно оглядывать друг друга; здесь, как у нас, в России, при печальных условиях нашей общественности, участие или отсутствие пролетарок в буржуазных организациях еще не меняет сути вещей; пролетаркам все равно приходится, прежде всего, учиться, а интеллигентки должны готовить новые кадры культурных деятелей, иначе они рискуют утратить свой *raison d'être*'.*

*Книга 2-жи Коллонтай все-таки первая попытка восстановить огромное значение женского вопроса, возбудить к нему тот деятельный интерес, с каким к нему относилась литература 60-х и 70-х годов прошлого столетия. Эту попытку приходится приветствовать; книга интересна, написана живо, горячо, с литературным талантом, а промахи и недостатки ее, увы, свойственны многим и многим произведениям русской литературы того же направления.*

1909 г., № 2

**А. Тыркова**

### **В провинции**

Мне пришлось эту зиму читать в маленьких провинциальных городах лекции о женском движении в России. Съезд вызвал интерес к вопросу и даже что-то вроде моды. Местные клубы, искавшие тему, которая могла бы проскочить сквозь зубья разрешений и дозволений, рады были такому, казалось, безобидному предмету. А немногочисленные убежденные равноправки пользовались моментом, чтобы укрепить раз пробудившееся любопытство, развить его до степени уже сознательного интереса.

Провинция, притихшая и придавленная, вообще нуждается в лекциях, и на них охотно идут. Шли и на мои доклады по женскому вопросу. Больше всего, конечно, бывало женщин, но и мужчин являлось больше, чем я ожидала. Приходили и военные, и чиновники, учащаяся молодежь и так называемые городские дамы, конторщицы, телеграфистки, работницы, даже священники. Словом, приходилось говорить при самой смешанной, пестрой аудитории, где на несколько сот слушателей вряд ли было несколько десятков людей, серьезно задумывавшихся когда-нибудь над серьезностью женского вопроса.

В ожидании лекции слышались обычные шутки, неизменные спутницы феминизма во всех странах.

- Как бы бабий бунт не вышел! А вы, Марья Ивановна, тоже хотите в Думу? А, Петр Иванович, и вы здесь, не боитесь, что завтра нас с вами заставят пеленки мыть? Ну и попадет нам сегодня!

Женщины иногда отвечают улыбкой, как будто спешат отгородиться от всякого подозрения в единомыслии с этими неугомонными суфражистками, толкующими о каких-то правах. А иногда отлично парируют эти шутки, из-за которых выглядят такие знакомые, такие цепкие предрассудки. И хочется верить, что все увеличиваются ряды женщин, понявших все значение этой набившей оскомину иронии.

Во время лекций я видела перед собой внимательные женские лица, на которых так, несомненно, отражалось чувство, осознанной, наконец, связи с политическим, экономическим и моральным бесправием, в той или иной мере тяготеющим над всем бабьим царством, сытым и голодным, счастливым и несчастным.

В перерыве ко мне подходили слушательницы, молодые и старые, самостоятельные, идущие своей дорогой женщины, и матери, замкнутые в семье, неопитки женского равноправия и женщины, давно уже понявшие, что рано или поздно придется нам заняться нашим бабьим делом. Все они говорили со мной об этом общем нашем деле, задавали вопросы, указывали на разрозненность, на трудность первой собирательной работы, спрашивали практических советов. Чувствовалось, что лекция для них не отвлеченная, более или менее удачно разработанная лектором тема, а один из этапов назревающей, надвигающейся работы. И, конечно, сейчас же приходилось толковать об организации, об устройстве каких-нибудь женских обществ, которые могли бы поддерживать и развивать интерес к вопросу, спланировать женщин, выяснять им их собственное положение.

К сожалению, здесь мне приходилось говорить только о будущем, так как организационную собирательную работу женских сил мы ведь до сих пор по-настоящему еще не начали.

Само собой разумеется, что среди тех культурных местных деятелей, которые устраивают лекции, большинство уже является сторонниками женского равноправия. Их мне не приходилось переубеждать, они уже были друзьями нашего дела. Но и остальные слушатели, те, что так охотно остряли в кулуарах, оставляли свои улыбки на пороге лекционной залы и уже с полной серьезностью следили за ходом лекции. Ни разу ни в одном из городов мне не пришлось с лекторской трибуны бороться с той легкомысленной и высокомерной усмешкой, которая является одним из самых отвратительных врагов западных равноправов. И в этом внимании, в этой серьезности есть уже запас возможного успеха. В полицейском отношении лекции тоже проходили благополучно. Только нашлось два города, Харьков и Симферополь, где губернаторы не дали разрешения на лекцию о женском движении. Говорят, испугались слова "движение". В Белостоке полицмейстер издал распоряжение, чтобы учащая молодежь не допускалась на лекцию.

Такой же приказ издало в Керчи гимназическое начальство. Оказалось, что керченские педагоги и белостокский полицмейстер с одинаковым рвением охраняют гимназистов и гимназисток от всякого вторжения опасных идей.

Был еще один анекдот: в Гродно нашлись страстные противники равноправия, которые срывали расклеенные по городу объявления о лекции. Впрочем, этим и ограничилось их противодействие.

*К сожалению, прения нигде не разрешались, так что нельзя было из живого обмена мыслей выяснить, какая часть, какая подробность женского вопроса может сейчас ближе интересоваться русское общество и есть ли возможность выделить ту или иную практическую сторону и к ней стянуть женскую энергию.*

1909г., № 5-6.

### **Женские силуэты предрассветной поры**

Общественный кризис, пережитый Россией, резко поставил вопрос об отношениях между классами, сословиями и полами. Эти три рода отношений всегда тесно связаны в общественном сознании и в периоды коренного пересмотра жизни подвергаются внимательной критике и сосредоточивают на себе борьбу взглядов.

Там, где общество в силу; тех или иных условий начинает понимать банкротство своего быта, где оно вынуждено осознать свое; бессилие и в, мучительном недоумении остановиться перед вопросом, как жить, дальше, оно невольно наталкивается и на вопрос о том, насколько

обычные, общественные отношения соответствуют требованиям права, справедливости и простой целесообразности, насколько соответствуют им отношения между классами, сословиями и полами.

Элементарная справедливость говорит, что каждый человек, одаренный разумом, имеет право на удовлетворение всех своих необходимых физических и духовных потребностей, имеет право на одинаковое для всех образование и защиту закона. Но в обычные, будничные, так сказать, эпохи истории эти требования справедливости остаются как бы забытыми. Ими пламенеют лишь пылкие молодые сердца, их чувствуют и некоторые из тех, кто несет на себе гнет несправедливых установлений жизни. В обычные эпохи запросы высшей справедливости прячутся куда-то на дно общественного сознания; и традиционные взгляды не считаются с велениями совести и мудрыми советами практической целесообразности. Обыкновенно строители жизни мало интересуются отвлеченными вопросами правды и права: более или менее добросовестно несут они свои обязанности, устраивая по пути вопросы собственного благополучия. Сознательно или бессознательно творят они медленную культурную работу; и душевное смятение, свойственное переходным эпохам, не омрачает разладом и терзаниями их спокойную совесть.

Жизнь идет без вспышек и толчков; но в глубине ее, в самой ее сердцевине, всегда таятся неизбывные, мучительные вопросы бытия и между ними вопросы о том, насколько текущая действительность соответствует благу каждого отдельного человека. Задаются этими вопросами не большинство; оно живет по привычке, по традиции: ими мучаются тонко-интеллигентные Натуры и все те, чьи мечты и стремления таят в себе предвестие будущего, - писатели; поэты, художники и социологи.

Но в те эпохи, когда все сердца охвачены жаждой Пересмотра основ жизни, все их недочеты кажутся извращениями права и справедливости; вопросы высшей правды вспыхивают тогда лучом восходящего солнца; и все, что таилось в сердцах неясным стремлением или туманной интуицией, становится вдруг ярким, кажется достижимым.

В эти эпохи и в женской душе вспыхивают ярким светом новые перспективы, которые в "предрассветную" пору сказываются лишь неясным томлением и малоосознанной болью за эту несправедливость, какая отрешила женщину от счастья считаться полноправным человеком! И как только жизнь предоставляет выход накопившемуся сознанию бесправности, женщина выступает одной из первых за новые идеалы жизни. На заре христианства и в эпохи мученичества; в пору итальянского Возрождения и Французской революции видим мы эти смятенные души, спешащие заявить о том, что женщине свойственны все те муки духа, стремления к правде и счастью, о каких заявляет и мужчина.

На нашей родине на долю женщины выпала особая роль: ей рано пришлось вступить в жизнь в качестве самостоятельного работника и вступить в запретную область борьбы за освобождение от сковывающих жизнь условий внешнего гнета. Но сюда, в эту область, попадали те, кто пережил предварительную личную борьбу, кто отвоевал собственную независимость, словом, те, чье сознание уже прояснилось и выросло; Большинство же томилось в полусознательных неясных грезах о лучшей доле. Иногда только личные невзгоды наталкивали на мысль об общей зависимости женщины и на мысль о новых семейных и общественных отношениях. Иногда личное несчастье заставляло мечтать о новой любви; а иногда самая пошлость окружающего манила к простору Ярких чувств и иных житейских отношений. Временами эти порывы кончались ломкой своей и чужой жизни, приводили к разочарованиям и несчастьям и лишь изредка открывали вход в новые заповедные области образования и существования.

Все эти искания женской души всегда находили отклик в литературе; она, как самая чуткая струна общественного самосознания, отражала в себе тончайшие колебания общественного настроения. Интересно поэтому проследить робкие искания и тоску женской души в произведениях предрассветной поры. Силуэты женских типов намечаются здесь едва заметными контурами, но уже говорят о новых веяниях в современной семье.

Сумеречная пора русской жизни дала типы Чехова, Горького и последующих писателей; и женщина занимает здесь не последнее место.

Не приходится говорить о том болезненном чувстве, с каким относился Чехов к малокультурному и слабодушному русскому обществу, в котором не виделось ярких подвигов и ярких порывов. Здесь, в этой среде развинченных и эгоистичных натур, нет места героизму женщины; она - продукт той же больной среды, и нельзя требовать, чтобы она стояла выше своего общества и обнаруживала качества, которых нет в окружающем. И все же даже здесь наиболее чутким и благородным и вместе с тем наиболее страдающим элементом является именно женщина. И если у большинства чеховских героев, по характеристике одного из них, "душа ненастоящая, силы в ней нет", то у женщины ее смятенная душа оказывается более цельной и более ценной. Чаще всего, конечно, женщина поддается прозе и пошлости жизни, чаще всего она незаметно пропитывается моралью своей среды и живет по общему шаблону, внося в жизнь и свою дозу пошлости и пустоты. Но есть у Чехова и женщины, выбравшиеся из тины тоскливой, вялой жизни на простор сознательного существования. Общий тон жизни именно тот, какой идет вокруг молоденькой институтки Веры ("В родном углу"). Она, вступив в жизнь, мечтает о работе для других, мечтает делать дело, на которое уходили бы все силы физические и душевные и чтобы утомляться и потом крепко спать ночью, отдать свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интересной, чтобы нравиться интересным людям, иметь свою настоящую семью. Но что делать? С чего начать? На эти последние вопросы жизнь и институт не научили отвечать. Три языка и искусства, которым обучалась Вера, оказались непригодными в темной и жалкой деревенской глуши и в той среде, где мало читали, искусствами не, занимались и спорили о том, чего не понимали. И нигде, казалось ей, "не встречала она таких равнодушных и беззаботных людей, как здесь.

Казалось, что у них нет ни родины, ни религии, ни общих интересов". Томясь в такой безрадостной жизни, молодая женская душа, полная ярких чувств и стремлений, увядает, как заброшенный на пустыре цветок. Жизнь проходит нелепо и тоскливо, время убивается почти бессмысленно, и мало-помалу эту чуткую душу окутывает такое же покрывало равнодушия, эгоизма и пошлости, какое застилает все кругом. Отлетают яркие мечты, умирают нежные грезы; остается сначала тупая "злоба на себя и на всех", как у Веры; понемногу она сменяется апатией, во время которой женщина отдает руку нелюбимому человеку или хочет забыться в любовной интрижке. Черная тень пошлости поглощает ее окончательно. И большинство молоденьких девушек, готовых на самопожертвование, как Вера, становятся солидными матронами, охраняющими свой домашний очаг, обожающими слепо своих детей, в ущерб всему остальному миру, и изрекающими приговоры в вопросах морали и нравственности, полные недоброжелательства и суровости ко всему, что отклоняется от обычного шаблона.

*Не все, однако, кончают свою жизнь, как Вера. Иные, как Зинаида Федоровна в "Рассказе неизвестного человека", ломают свою жизнь, другие, как Надежда Федоровна в "Дуэли", опускаются до пошлой интриги и живут День за днем, забыв яркость своего увлечения и мечты о счастье. Любовь, из которой женщина сделала себе, в силу воспитания, чудесный и волшебный замок, умерла; и на руинах этого прекрасного замка воцарилась мерзость запустения, потому что у нее не осталось даже утешения в виде уважения к рыцарю этого замка, к прежнему властелину ее мечтаний и дум; и ее собственная любовь, растоптанная и осмеянная, брошена, как ненужный лоскут. Даже ненужные вещи,*

говорит Чехов словами "неизвестного человека", собирают теперь по дворам и продают их с благотворительной целью; и битое стекло считается хорошим товаром; но такая драгоценность, такая редкость, как любовь изящной, молодой, неглупой и порядочной женщины, пропадает совершенно даром. Один старинный социолог смотрел на всякую дурную страсть как на силу, которую при умении можно направить к добру, а у нас и благородная, красивая страсть зарождается и потом вымирает как бессилие, никуда не направленная, непонятая или опошленная. Почему это? Всем своим творчеством Чехов дает ответ на этот вопрос: потому, конечно, что в нас мало культурности, мало бережного отношения к другим, а чем менее культурен человек, чем менее утонченной является его духовная организация, тем менее способен он ценить любовь, жертвы, подвиги, высокие чувства и благородные порывы. Она не может оценить их, как не способен оценить настоящего алмаза тот, кто никогда не имел дела с драгоценными камнями. Тонкие психологические настроения ускользают от человека неразвитого или эгоистичного. Ему чужда уступчивость и нежная внимательность к более слабому, потому что он занят исключительно собой, своими переживаниями, своими удобствами, своими выгодами. "Вы - скиф", - говорит одна из чеховских женщин своему мужу; и эти скифские чувства свойственны многим из его героев. Скифами, "печенегами" являются многие из них в отношениях к женщине. Лаевский, ради которого Надежда Федоровна порвала со своей средой и с прошлым и оказалась совершенно одинокой на чужой стороне, говорит, между прочим: "Что же касается меня, то я должен тебе сказать, что жить с женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край света, так же неинтересно, как с любой Анфисой или Акулиной". Для таких людей, как Лаевский, интеллигентность, культурность и утонченность души женщины является излишней, почти тягостной, так как она обязывает, налагает некоторого рода узду, без какой можно обходиться с Анфисой. Для них имеет значение только физическое влечение; раз исчезло оно - нет и дружеской привязанности и уважения к женщине: ведь они не заглядывали в ее душу; ее личность не играет роли в их любви и даже в их браке. Вот как один из этих мужчин характеризует свои отношения к жене. "Жены своей я никогда не знал и потому никогда не знал, о чем и как с ней говорить. Наружность ее я знал хорошо и ценил по достоинству; но ее душевный, нравственный мир, ее мирозерцание, частые перемены в настроении, ее ненавидящие глаза, высокомерие, начитанность, которыми она поражала меня, или, например, монашеское выражение, как вчера, - все это было мне неизвестно и непонятно. Когда в своих соприкосновениях с ней я пытался определить, что она за человек, то моя психология не шла дальше таких определений, как взбалмошная, несерьезная, несчастный характер, бабья логика, - и для меня, казалось, этого было совершенно достаточно!" В среде Орловых, Лаевских и всех этих "культурных" мужчин, очень ярко освещенных Чеховым, женщина как самостоятельная личность значения не имеет. Она только деталь в их жизни, полной разнообразия; но не всегда мирится женщина с этой своей ролью.

Инстинктивно и сознательно протестует она против этой роли и против томящей скуки жизни, где дряблые люди живут вялыми чувствами, где нет страстного увлечения делом, нет горячей любви к людям, веры в идеалы и надежд на лучшее. В опустошенных душах этих "обывателей" жизни нет огня, какой создается страстью. Все у них размеренно и "порядочно": интересуются они всем понемножку: читают газеты, ходят в гости, играют в карты и оживляются только тогда, когда в их жизнь врывается личный интерес, т. е. временное благополучие или крах. В первом случае они наслаждаются одни, в одиночку, а во втором носятся со своими горестями, надоедая всем и каждому и словно удивляясь, что другие так мало проникнуты их горестями. Среди этих людей женщина хиреет душой; ее духовная жизнь тускнеет. Сгибаясь под тяжестью недоумения, она редко выходит сильной из ряда испытаний. Налагаемых на нее жизнью, и редко находит в себе мужество устроить по-своему свою жизнь.

*Бытописатель житейской пошлости, Чехов живо воспроизводит постепенное умирание женской души; и в его произведениях, как и в самой жизни, женщина редко выходит на определенный путь. Одной из этих редких женщин является Наталья Гавриловна в рассказе "Жена", понявшая свое отчуждение от мужа через три месяца после свадьбы. Она порвала свою связь с ним; но муж приковал ее к дому, не давая ей паспорта. Она не искала новой любви и нового счастья; она стремилась только "оправдать свою жизнь" и нашла это оправдание в деятельной помощи голодающим и в новых отношениях к людям. Она "не хлопотала, не беспокоилась, не суежилась, а вышло так, что она - первая персона во всем уезде. Почти все дело у нее в руках, и около нее все: и доктор, и земские начальники, и барыни. У настоящих людей оно как-то само собой выходит". Наталья Гавриловна переступила ту ступень неопределенных порываний к новому укладу жизни после личных невзгод, какими характеризуется большинство буржуазных женщин распылчатой предрассветной поры. Она непосредственным чувством отмечает особенность женской жизни в этой буржуазно-культурной среде. "На основании закона и в интересах нравственности, - говорит она мужу, - вы не даете мне паспорта. Есть такая нравственность и такой закон, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь в праздности, в тоске, в постоянном страхе и получала за это стол и квартиру от человека, которого она не любит". Тысячи женщин буржуазного общества могли бы повторить эти слова; эта "нравственность" и двойственная мораль оградили женщину от соприкосновения с живой жизнью, поставили ее в условия невозможности заняться самостоятельным делом, лишили ее права распоряжаться своей личностью.*

*Она зависима от мужа по закону, причем странно то, что ее зависимость имеет место в то самое время, когда ее же сверстницы и ровесницы совершенно самостоятельны, если они не успели еще приобрести себе опекуна в качестве мужа. Закон ясно разграничивает права женщины замужней и незамужней. И в то время как первая обязана подчинением по закону, вторая - самостоятельна. Такой закон нужен кому-то, но не женщине. И женщина предрассветной поры чувствует это инстинктивно; она еще не в состоянии обобщить этого факта, еще не может сделать из него конечного вывода, а только томится, страдает в одиночку и говорит, как Вера Павловна в пьесе Чирикова "Иван Мироныч": "Иногда вдруг как-то, ни о чем не думая, всем существом своим почувствуешь себя в плену". Бессознательно женщина считает свою жизнь "пленом" потому что ее личность ступшевывается в ореоле преобладающего значения строителя жизни - мужчины. Он распоряжается жизнью пишет законы и, сообразно своим потребностям, отводит роль женщине в общем строе жизни. По закону ей отводится место в тени общественной жизни: он мудро приспособляет ее к роли охранительницы семейного спокойствия. Для этого от нее не требуется больших знаний и образования. Мужчина, не окончивший высшего учебного заведения, считается недоучкой; для женщины оно признается ненужной роскошью. Все ее знания, все ее образование приспособляются для домашнего обихода; женщина должна посвящать себя семье, причем здесь имеется в виду не столько воспитание детей, сколько все семейные обязанности во всем их многообразии, т. е. домоводство, домашняя экономия, заботы об удобствах членов семьи. Многие из женщин давно уже тяготеют этой заранее предназначенной ролью или смутно сознают свою непригодность к ней; они чувствуют, что на ином поприще деятельности они были бы более пригодны. Но они не могут заняться другим делом, у них отняты для этого все возможности: они не вооружены необходимыми знаниями, лишены самостоятельности, и право на труд отнято у них установлениями буржуазного склада жизни. И многие из них томятся в тисках вынужденного бездействия и восклицают, как Варвара Михайловна в "Дачниках": "Мне нехорошо жить!" - или как Вера Павловна: "Мне надоело так жить!" На удивление мужа, откуда набралась она таких идей, она отвечает: "За двенадцать лет тихой и мирной жизни с вами!.. Вязну, чувствую, что вязну с каждым годом все глубже и глубже... Вы вытравили из меня половину жизни!"*

*В этой вялой обывательщине, где, по словам одной из жениц Горького, "много спят, ссорятся, никого не любят, ничем сильно не интересуются, из вежливости ходят в гости и из вежливости принимают гостей, томятся скукой, злятся", нет труда, связующего и объединяющего людей. Каждая семья живет здесь для себя; общих интересов на общественной почве здесь почти не существует; эгоизм и двойственная мораль распускаются здесь махровым цветом, потому что здесь царит полное пренебрежение к духовным запросам женицы и лицемерие в брачном сожителстве. Писатели предрассветной поры отмечают это: "Он говорил и думал, что вот он идет на свидание и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не узнает. У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, другая - протекавшая тайно. И по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может случайному, все, что для него было важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других; все же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его "низшая раса" (женицы), хождение с женой на юбилей, - все это было явно. И по себе он судил о других; не верил тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существование держится на тайне, и, быть может, отчасти поэтому культурное человечество так нервно хлопочет о том, чтобы уважалась личная тайна" (Чехов. "Дама с собачкой").*

*На этой тайне и зиждется двойственная мораль, определяющая положение женицы в современном обществе. Эта мораль делит жизнь на две неравные половины, в которых женице отводятся совершенно различные роли. На одной половине она ценится как мать, сестра, невеста, как "порядочная женица" вообще. Окружающие обязаны ей уважением; и тот, кто отказывает ей в нем, нередко платится своей честью, даже жизнью. На другой половине - женица, жрица любви и наслаждения, и чем разнообразнее, безнравственнее и извращеннее ее репертуар, тем дороже она ценится, т. е. чем менее в ней "порядочности", тем она интереснее и увлекательнее.*

*Здесь нечего распространяться о том, что все очутившиеся на второй половине жизни пришли сюда добровольно; статистика и беллетристика давно уже указывают на то, как ужасно отзывается на женице этот переход с одной половины на другую и сколько страданий стоит он ей самой и ее окружающим.*

*До последнего времени этот порядок держался незыблемо; но он был скрыт от женицы первой половины целой стеной предрассудков и условностей: "порядочные женицы" не должны были знать, что есть "падшие", которым посвящают свои досуги мужчины-мужья, отцы и братья "порядочных". Они должны были оставаться чистыми и невинными и не должны были подозревать, что грязь за перегородкой давно уже испачкала тех, в кого они верили и чей авторитет чтили высоко. Но такое положение дел не могло длиться вечно: грязь потихоньку просачивалась и на чистую половину жизни, щели в шатавшейся перегородке становились шире; и в эти щели женица чистой половины увидела жизнь, о которой она доколе лишь смутно догадывалась, но не смела верить.. И в сердце, ее загорелось новое чувство; чувство глубокой жалости к своим обездоленным сестрам и глубокое негодование на те порядки, какие довели их до полной потери человеческого достоинства, а ее самое поставили в роль слепой, пользующейся счастьем несправедливо. Она требовала теперь и для себя права видеть и знать жизнь неприкрашенной и внести в нее поправки, продиктованные ее собственным развитым сознанием.*

*В неясном сумраке предрассветной поры они смутно начинают различать правду от лжи; почти инстинктивно испытывают ненормальность бездеятельного существования среди этой лжи и сознают лишь пока, что им "тяжело жить". Они как будто только сейчас начали догадываться, что у них нет самостоятельного существования, что они - добавление в обстановке жизни строителей, которые развивают свои силы, таланты и способности. Это растущее сознание и экономические условия последнего времени заставляют женщину искать новых путей жизни. И вслед за Верой Павловной или Варварой Михайловной, тоскующими в пустоте буржуазного существования, появляются новые женщины, вроде героинь из "Страны отцов" или Маруси в пьесе Андреева "К звездам". Они уже видят зарю новой эры, входят в жизнь активными работницами и наряду со своими братьями мужчинами несут на себе все последствия новых идей и борьбы за них, как, например, Муса в другом рассказе Андреева.*

*Это женщины переходной поры, начинающие собой новую женскую жизнь. Какова будет эта жизнь вообще, как сложатся для женщины семейные и общественные обязанности, точно знать нельзя. Литература еще не успела запечатлеть эти черты, потому что они не получили яркого выражения в жизни. Нельзя не отметить пока только того, что активными работницами возрождающегося общества являются молодые, девушки, полные самоотвержения и сил, проникнутые верой в наступление грядущего светлого царства; семейные же женщины пока остаются пассивными свидетельницами их энтузиазма. Это совпадение не случайно: в молодой натуре, не связанной путами личных отношений, не прикрепленной прочными узами к земле, к семье и детям, таится не использованный еще запас сил, ищущих выхода. Она не знает засасывающей пошлости, не постигла непроходимую бездну двойственной морали, не испытала на себе гнетущего положения подчиненной по закону. Замужняя женщина обречена на двойную борьбу: окружающая обстановка затягивает ее и не выпускает из своих цепких объятий; она как путник, идущий в знойный день по сыпучему песку: пудовыми гирями лежит он на ногах, засасывает глубже с каждым новым шагом. Видит путник невдалеке зеленую лужайку и знает, что отдых близок, но силы его истощаются, и не каждый подходит к цели бодрым и здоровым.*

*Женщины предрассветной поры знают, что есть прекрасная жизнь свободного существа, что есть новые отношения в браке, что существует воспитание детей радостное и яркое; но они не отваживаются выступить на завоевание этих благ дружной ратью; каждая страдает за себя, тоскует в одиночку и меланхолически повторяет: "Мне нехорошо жить";*

*Но за предрассветной порой начинается золотистая заря нового утра; бледным светом озарила она все кругом, раздвинула темные горизонты; пронеслось свежее веяние нового ветерка и ободрило усталые души. При свете разгорающегося дня многое станет ясным, и смутные предчувствия станут сознательным стремлением, а интуитивные чувства - яркой мыслью. Страдания прошлого будут фундаментом новых отношений, в которых женщина будет свободным и равноправным членом обновленного общества.*

*А. (1909 г., № 11.)*

*А. В. ТЫРКОВА*

## **ИЗМЕНЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

### **ЗА ПОСЛЕДНИЕ СТО ЛЕТ**

*(Речь на I Всероссийском съезде по образованию женщин')*

Изменение в общем положении женщины, отразившееся на всем ее духовном складе, есть одно из важнейших исторических явлений последнего времени. Экономические условия фабричного производства делают домашнюю работу женщины если не бесполезной, то в большинстве случаев несравненно менее выгодной, чем это было тогда, когда хозяйка дома собственноручно готовила холсты и сукна для всей семьи. Заводская труба победила домашний очаг. Волей-неволей женщины, молодые и старые, замужние и одинокие, должны предлагать свой труд на рынок. Дороговизна жизни и рост потребностей заставляют не только пролетарских женщин, но и буржуазных искать заработка. Здесь уже складываются причины не только экономические, но и психологические.

Демократизация образования, являющаяся наряду с капиталистическим производством одной из особенностей столетия, захватила и женщин. В инертную, воспитанную в косности женскую душу, для которой преданность традициям и мужскому авторитету была не только привычкой, но и долгом, заронили наконец семя пытливого, критического мышления. Необходимость непосредственной борьбы за существование, которая всегда требует более вдумчивого отношения к жизни, и свойственная мыслящему человеку потребность в самоопределении заставили женщину пристальнее приглядеться и к собственному положению.

---

' Труды Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного "Российской лигой равноправия женщин". Т. 1-2. Спб., 1914-1915. Т. 1. С. 1-4.

@403

Отсюда зародилось женское движение. Оно помогает женщине придать большую правовую устойчивость тому новому положению, в которое ее поставила жизнь. Но движение это было бы мертвым и нищим, если бы помимо стремления улучшить и укрепить материальное положение женщины не было бы в нем искания и новых духовных ценностей. Ведь новая женщина должна сама для себя найти и этические и эстетические основы.

Раньше главной ее добродетелью была покорность, пассивность, кротость, этим измерялась женская личность. Но если даже тогда, когда семья и быт окружали женщину крепкой стеной, все-таки бедная Гретхен становилась жертвой своей поэтической незащитности, то в наши дни, когда Гретхен уже не сидит дома за прялкой, а брошена в черную пасть фабрики, эта незащитность становится для нее проклятием, часто лишенным всякой поэзии. Вот с этим-то проклятием и борется проснувшееся женское самосознание. Вернее, даже не проснувшееся, а только просыпающееся. Ведь нелегко сквозь сложные лабиринты и предрассудков, и привычек, и пережитков, быть может, бывших когда-то полезными для той исключительно мужской культуры, в которой жило человечество, найти дорогу к созданию нового женского характера...

В этом отношении литература, которая намечает новые пути и новые типы, еще не пришла к нам на помощь...

Между тем внутренний рост женского "я" требует нового сознания женственности. Ведь не утрачивать свою женственность, а только расширять и освобождать ее хочет новая женщина... В общественном строе, созданном мужчинами, много делалось для ограждения достоинства и интересов другого пола. Поэтому современная женщина часто вынуждена не только брать на себя защиту своих потребностей и прав, но и делать это с той резкостью, которая рождается от длительного непризнания этих прав.

В то же время научное знание, привычка думать и наблюдать, составляющая неотъемлемое свойство всякого действительно образованного, как мужчины, так и женщины, неизбежно заставляют глубже вглядываться в противоречия жизни.

Если раньше внутренняя красота состояла в умении терпеть, в том, что "я другому отдана и буду век ему верна", то теперь понятие верности меняется, хочется быть верной самой себе, охранять цельность и достоинство своей личности.

Знание со всеми чистыми радостями, которое оно несет, коснувшись человеческой души, приобщает ее к чему-то великому, космическому.

Прежде женщина испытывала это только через религию, так как пути мышления были закрыты перед нею. Теперь г-жа Кюри может переживать такое же счастливое ощущение творческого процесса, как переживал его хотя бы Кропоткин, когда, стоя на глухом плоскогорье Восточной Сибири, создавал новые географические гипотезы.

Как часто приходилось каждому из нас слышать, а порою и с горечью соглашаться с тем, что существует особая женская логика. Эти слова всегда звучали укором, как бы указывая на одно из препятствий, воздвигнутых перед женщиной самой природой. И наиболее искренние из женщин сами чувствовали, что их способ восприятия мыслей иной, чем у их товарищей-мужчин. Иными путями, ближе прижимаясь к тайникам подсознательного, работает интеллект женщины, всегда более склонный к догадкам, к скачкам, к недосказанному. Долго казалось, что это только недостаток, едва ли не роковой, что это только тормоз, мешающий нашему развитию, пока не пришли психологи новой школы, указавшие на громадное значение интуитивного (полусознательного) мыслительного процесса для творчества.

После Джеймса, в особенности после Бергсона, нам уже нечего бояться слова "женская логика", так как мы знаем, что в основе ее лежит именно интуиция, реабилитированная этими учеными. Но мы должны стремиться к тому, чтобы эта наша логика была проникнута интуицией действенной и ищущей, а не только воспринимающей! И тогда мы внесем в науку вклад индивидуальной женственности, так же как, входя в общественность, мы обязаны внести в нее новые начала, направив сюда те свойства мягкой оберегающей женственности, которые раньше женщина проявляла главным образом в тесном кругу семьи.

Женское движение, обостряющее в нас инстинкты солидарности и сознание общности человеческих Интересов, учит женщину не только отстаивать свои права, но и уважать чужие.

Почетная, но нелегкая задача выпадает на долю современных женщин. Главная брешь пробита: женщина работает, борется, а главное, мыслит наряду с мужчинами... Все эти новые возможности, развившиеся перед современной женщиной, дают право предъявлять к ней все большие требования. Образование и знание остаются формальными, если за ними не таится жажда высших ценностей. И не только для того учится современная женщина, чтобы заработать себе на хлеб, даже не ради чистого наслаждения процессом мышления. Там, в глубине женской души, должно жить сознание, что привычка думать и обобщать поможет ей найти выход из тех противоречий жизни, которые колеблют и попирают самые основы бытия человека...

*И борьба современной, уже привыкшей к светлой струе знания женщины, ее борьба за право на всю полноту человеческого существования есть не только борьба с несовершенством мужского строя жизни, но и с тем дьявольским наваждением внешней свободы, не опирающейся ни на какие внутренние ценности, которое внесено в женскую среду новыми формами жизни.*